

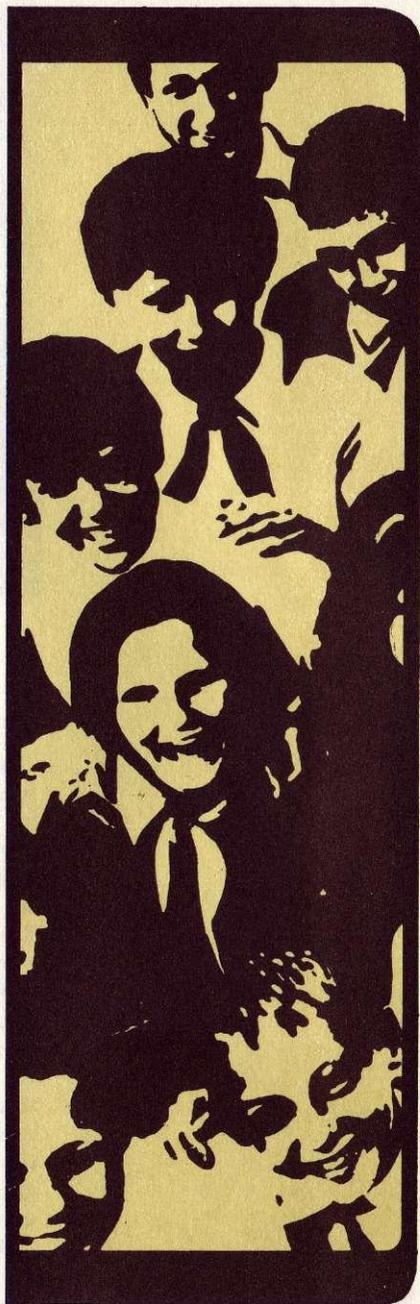
Анатолій,
Маркуша.

Слава ветру!

АНАТОЛИЙ
МАРКУША

СЛАВА
ВЕТРУ!

МОСКВА
«МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ»
1972

Анатолий Маркуша написал более тридцати книг: "Вам — взлет!", "Дайте курс", "Плюс мечта", «Люди моей земли», «Мужчинам до 16 лет», «Облака под ногами» и другие повести и рассказы для нашего молодого поколения. Его книги пользуются прочной известностью.

Мы знали: Анатолий Маркуша ведет большую и постоянную переписку с ребятами — и поинтересовались: сколько же примерно писем получает писатель? Оказалось, что счет давно уже идет на тысячи... И тогда мы спросили: «Вероятно, в вашей корреспонденции есть письма, представляющие общественный интерес?» — «Есть».

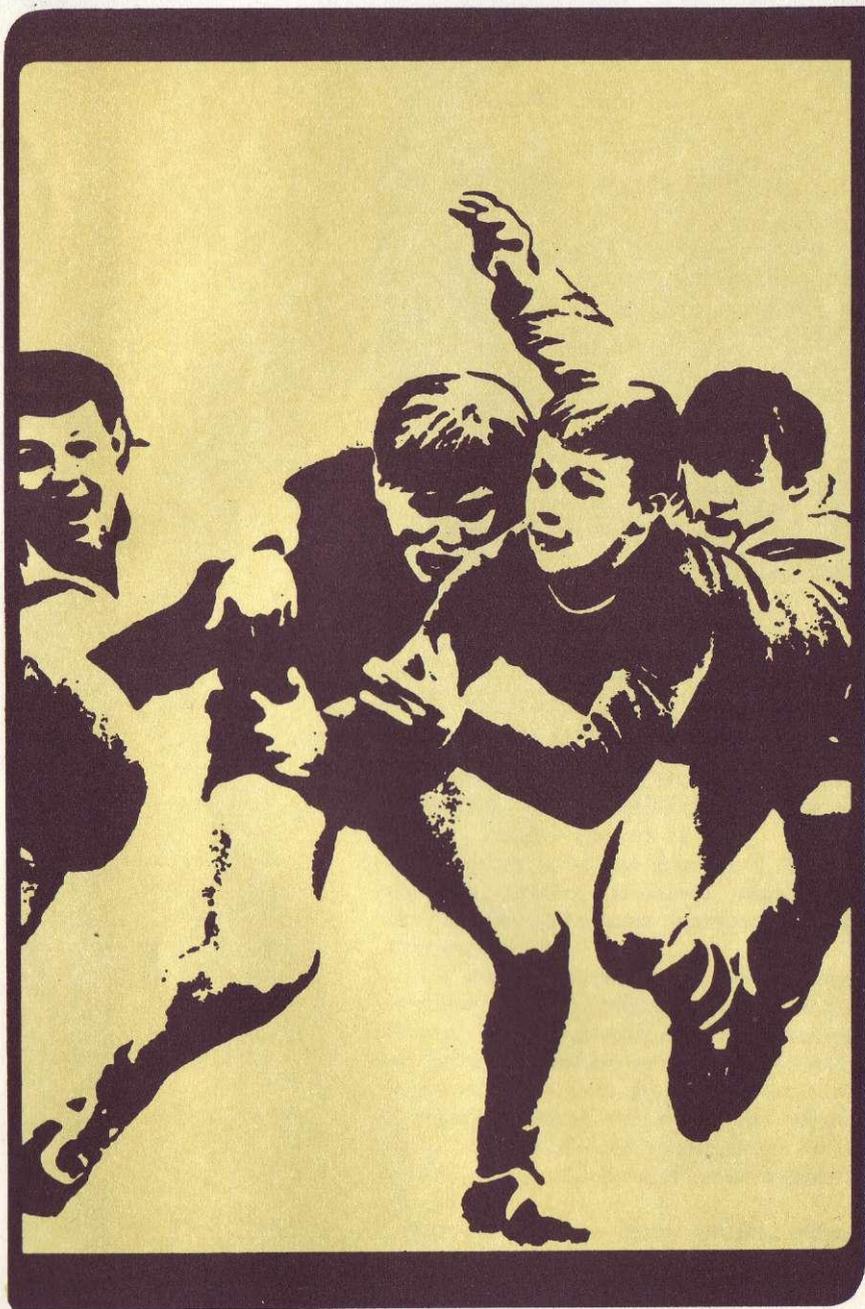
Вот это и было самое начало книги, предлагаемой теперь читателям. Книги, рожденной из писем...

*Ветер гонит корабли вперед.
Слава ветру!*

РОМЕН РОЛЛАН

*Вот так я иду.
И меня не пугает безвестье.
Мне б только добраться
до тех неприступных высот.
И пусть это будет
моей единственной
песней...
А ветер потом ее сам
по земле
пронесет.*

М. МИРНЕЛИ

Осень. Мокрый порывистый ветер прилепил к оконному стеклу неизвестно откуда принесенный багрово-оранжевый лист. Холодно, уютно и, как всегда осенью, грустно. А тут еще это письмо... Письмо от никогда не виденного мальчишки. Правда, Слава писал мне и раньше, но то были совсем другие, совсем непохожие письма:

«Почему у всех старых самолетов прямые крылья, а у всех новых — косые?.. Можно ли выучиться на летчика, если имеешь тройку по математике?.. Почему пятьдесят лошадей свезут больше груза, чем одна «Победа», но ехать они могут медленнее, хотя в «Победе» мотор тоже на пятьдесят сил?..»

А это письмо вот:

«Давно не писал, потому что живу я теперь не дома, а у тети, совсем в другом городе. Засадил меня сюда отец, чтобы я отстал от плохой компании. Это он сказал: плохая компания! Только никакой такой плохой компании на самом деле и не было. Просто мы иногда смывались с уроков, а больше ничего особенного не делали. Даже не курили ни разу. Не верите? Вот честное слово — не курили!

А тут, у тети, житуха получается гораздо хуже. Когда я только-только приехал, сразу пошел на реку. Хотел разведать, какая у них рыба ловится. Ловил-ловил, ничего не поймал и решил

идти обратно. И сразу мне два пацана и встретились. Малявки. Может, из первого, а может, из второго класса. Несут они кукан, а на кукане — красноперки. Штук десять, наверное. Только я хотел спросить, на что ловили, как из кустов выскакивает еще пацан. С меня. Выскакивает и отнимает у тех пацанов кукан с красноперками. Малявки реветь, а пацан с куканом — драть. Ну, ясное дело, я за ним. Догнал, врезал раза, отнял красноперок и отдал маленьким пацанам. Думал — все. Думал, порядок будет. А получилось совсем не так.

Когда я первый раз пришел в школу, подходит ко мне какой-то здоровый парень. Потом я узнал — из десятого. Оказывается, он брат того пацана, который обидел малышей. Подходит, сразу берет меня за шиворот и спрашивает:

— Это ты моего брата бил?

Ну, я сказал, что никто никого не бил, только раз стукнул. А он спрашивает, за что я его стукнул? Говорю:

— Чтобы маленьких не обижал...

Дальше он слушать не стал и как даст мне между глаз, так я даже свалился. Ну, ударил — это еще ладно, а он говорит:

— Вставай, гад, на колени и проси прощения. Не встанешь, буду каждый день бить, пока все равно не встанешь. Понял? — И обругал меня совсем плохими словами».

Дочитав письмо до этого места, не зная еще, чем кончилась история, я начинаю волноваться. Что ж это происходит на белом свете? Мальчишка вступился за слабых, хотел защитить и защитил доступными ему средствами справедливость. Он, мой пятиклассник Славка, действовал от имени Добра, действовал по приказу Совести. По всем законам нашей жизни Добро должно побеждать Зло, справедливость должна торжествовать над несправедливостью, а тут...

Пытаюсь представить себе носителя Зла, того подлого верзилу-десятиклассника, который не просто ударил Славку, а еще потребовал извинений за несовершенный проступок, еще пытался поставить его на колени. Долговязый? Низколобый? С тупой рожей? Возможно. Но, весьма вероятно, что он строен, и спортивен на вид, и улыбается рекламной «открытой улыбкой». Зло умеет маскироваться, рядиться в чистые и даже весьма привлекательные одежды... Ну да черт с ним! Какая разница, как он выглядит, куда важнее узнать, что случилось дальше.

«Я не раб и на колени, конечно, не встал и никакого прощения просить не собираюсь. Пусть он меня хоть совсем убьет, только как я на коленях стою, все равно не увидит. Это я точно говорю».

Но что теперь получается? Когда я прихожу из школы с разбитой мордой или в порванной рубашке, тетя кричит на меня, обзывает бандитом и хулиганом, добавляет порцию от себя и грозит написать отцу или даже пойти в милицию. А я не могу сказать, из-за чего такое дело получается. Как я скажу? Я не ябеда и в жизни не буду ябедой.

Уже целый месяц он меня бьет. И ничего нельзя сделать. Мне с ним не сладить. Сначала хотел отцу написать, пусть бы лучше забрал меня домой, но не написал. Если напишу, все могут подумать, что я трусил. А я не боюсь его и не боюсь никогда. Только не знаю, чего делать...

Вам я про все это написал почему? Вы на войне были, вы — летчик, может, чего посоветуете, может, какую-нибудь хитрую тактику знаете или какой прием сообщите? Я все точно исполню, даже не сомневайтесь.

Жду ответа, как соловей лета. Известный вам Слава». Вот и все письмо.

Письмо? Нет! Сигнал бедствия, SOS, мужественный и выразительный. Надо что-то делать, надо спешить на помощь. Первая мысль: написать директору школы, рассказать всю историю, попросить вмешаться. Нельзя. Я не знаю, что за человек директор и как он отреагирует на мое обращение. А вдруг вздумает обсудить происшествие на общем собрании. И тогда получится, что я предал Славку. Именно предал. Невольно я сделаю Славку в глазах товарищей ябедой, а он ведь пишет: «Я не ябеда и ябедой не буду никогда...»

Смотрю в окно на хмурые осенние облака, ежусь. Понимаю, надо, обязательно надо что-то придумать, и не когда-нибудь, не потом, не через неделю, а сейчас, немедленно. Понимаю и ничего придумать не могу.

А человек страдает — его бьют, унижают, топчут достоинство. И вопреки всем законам нашей жизни Зло торжествует над Добром. Неужели ж примириться, сказать себе: безнадежная ситуация, а что я могу? Нет. Так нельзя. Это не по-нашему.

Кленовый лист, прилепившийся к оконному стеклу, мелко трепещет на мокром ветру и шелкает, шелкает, шелкает, словно тихая трещотка.

Плюнуть на все дела и поехать?

Допустим. А что я сделаю там, на месте событий? Подкараулю обидчика у школы и накостыляю по шее, пустив в ход проверенные приемы самбо? Сила против силы?.. А что будет потом?

Я уеду, и кто поручится, что Славке не станет еще хуже? Разве побитый и озлобленный подлец станет лучше?

И как объяснить, откуда вдруг у Славки появился защитник? Чудес не бывает. Значит, как ни крути, как ни подбирай слова, а все равно всем станет ясно: Славка вызвал подмогу, Славка пожаловался. Нет. Так тоже не годится.

Но человек-то в беде!

И тут я вспоминаю: небо качнулось вправо. Ушла в сторону голубая сверкающая синька. Впереди земля — огненный ад, сплошная паутина пулеметных трасс вперемешку с шапками зенитных разрывов. Огонь спереди, с боков, сзади... Первыми в атаку пошли штурмовики, следом за ними на вражеский аэродром ринулись мы, истребители. Вот уже рванул бомбовый залп, и дымом заволокло самолетные стоянки врага, уже ударили бортовые пушки, сея панику и смерть, уже занялись огнем немецкие склады, когда один из наших истребителей полыхнул огненно-дымным следом.

До земли — метры. Почти бессознательно летчик выровнял и приземлил свою машину. Посадка пришлось на самый центр летного поля. Никто не успел слова вымолвить, как штурмовики уже стали в круг и пушками очертили место вынужденной посадки товарища.

Огненное кольцо сдерживало врагов.

На аэродромах нет специальных рот автоматчиков, здесь нет и бронетранспортеров. К тому же надо думать, что противник и не очень спешил к подбитой машине: летчику уходить было некуда, а время пребывания нашей штурмующей аэродром группы скоро должно было истечь (наше время определялось емкостью самолетных баков).

Получалось: судьба летчика должна решиться очень скоро; видимо, противник несколько не сомневался в этом и не очень наседал...

И тут из круга отделилась машина.

Летчик выпустил шасси — он шел на выручку незнакомого друга. Мы все видели, как взрывной волной штурмовик резко забросило в сторону, как пилот снова выровнял машину и подвел к самой земле, но мы слишком поздно заметили, что одна нога шасси сорвана начисто.

Летчик не знал об опасности.

И вот на земле не один, а трое в беде: два летчика и стрелок.

Видно, такого поворота дела противник никак не ожидал. На самолетных стоянках засуетились, с разных сторон устремились к подбитым машинам темные фигуры — их было много. Но летчики не сдавались. Стояли насмерть. Мы поддерживали ребят с воздуха, а на посадку заходил уже новый экипаж.

Сел. Командиры подбитых машин вскочили в кабину стрелка, стрелки примостились на фермах шасси.

Газ, разбег, и перегруженный штурмовик ушел прочь из огненных перекрестий.

Мы, истребители, сделали еще заход, зажгли оставшиеся у врага машины, приняли боевой порядок и, прикрыв группу, пошли домой...

Почему я вспомнил этот давний боевой эпизод? И соизмерима ли беда мальчишки с бедой летчиков, обреченных на плен и скорее всего на мученическую смерть? Беды, конечно, несоизмеримы, но Славка писал: "Может, какую хитрую тактику знаете или какой прием?" Штурмовики, вызволившие из беды товарищей, нашли в самый критический момент действительно хитрый, неожиданный, отчаянно смелый ход. (Замечу в скобках: впоследствии летчики наших Военно-Воздушных Сил несколько раз повторяли этот отважный поступок. А вот в истории Военно-Воздушных Сил противника, насколько мне известно, ничего подобного не записано.)

Ошеломляющий ход! Нужен именно совершенно необыкновенный, совершенно сногшибательный прием.

Нужна внезапность. Это бесспорно. Внезапность.

Нужна поддержка. Это тоже бесспорно. Только чья поддержка?

Лучше всего, конечно, не взрослая, а ребячья поддержка. Плохо, что Слава новенький в школе и новенький в городе; плохо, что он просто не успел еще обзавестись настоящими друзьями. Но если Добро по законам нашей жизни должно действительно торжествовать над Злом, надо просто показать ребятам это самое Добро в атаке, и тогда они непременно, обязательно придут на помощь.

Да-да-да! Добро — в атаке.

Кажется, я все-таки нашел верный ход. Вот план, который я предлагаю Славе: когда прозвенит звонок и все будут уже на местах, он должен войти в десятый класс и, действуя возможно стремительнее, атаковать противника, то есть не противника, а своего обидчика.

На что я рассчитывал?

Прежде всего на ребят. Они должны вступить за Славку. Большие — за маленького. Сильные — за слабого... Но я имел в виду и резервные силы. Полагал, что учителя, директор, завуч не смогут не заинтересоваться столь необычным происшествием: пятиклассник лезет в открытую драку с верзилкой из десятого. Взрослые обязательно постараются выяснить, почему? Просто так пестарь на шуку не бросается. Выяснят и защитят Славу.

Разумеется, Славе о своих тайных расчетах я ничего сообщать не стал, а написал коротко:

«Пусть весь класс, вся школа увидит, что ты не трус, что прятаться за угол и там в гордом молчании переносить свои страдания и заливать синяки не собираешься».

Атакуй! Лучшая оборона — нападение.

За тобой правда, и правда должна восторжествовать».

Я никогда не видел города, в котором жил Слава. Я никогда не был в школе, в которой учился Слава. Я не был знаком с ребятами из того десятого класса, куда предстояло ворваться Славе, чтобы совершить свой маленький подвиг. Но я верил: город этот — наш, школа — наша и ребята эти — тоже наши.

Что случилось потом, я узнал несколько позже.

Когда Славка влетел в десятый класс, никто не обратил внимания на неизвестно для чего очутившегося тут пятиклассника. Но когда он с ходу ринулся к своему обидчику и выплеснул тому в физиономию (как видите, Слава развил мои тактические рекомендации и обогатил их своей фантазией) полную чернильницу фиолетовых чернил и верзила взвыл, призывая на помощь, ребята вступились... только не за своего одноклассника, а за Славку.

Ни директору, ни завучу, никому из взрослых не пришлось ничего решать, ничего предпринимать, ни на кого воздействовать.

На подлого старшего брата пала одна из самых тяжелых и самых непереносимых кар — его осмеяли. Вся, вся школа.

Вывод? Пожалуйста: чтобы победить Зло, мало просто быть добрым, мало ратовать за доброту, надо атаковать, надо идти в наступление, надо рисковать и верить: Добро не останется без поддержки! Нет, не останется. Это закон нашей жизни.

СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ ● СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ ● СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ

«Все ребята смылись с урока. Ну и я тоже не рыжий — смылся. Раз все, значит и я. Так? А потом — кому попало, а кому ничего не было.»

Мне лично больше всех досталось, хотя это не я выдумал, чтобы смыться. Вообще-то я все понимаю: учиться надо, дисциплина нужна, смываться с уроков плохо... Но раз все — тут уж, по-моему, ничего нельзя сделать. Все — это же коллектив! Ну скажите, разве не так?»

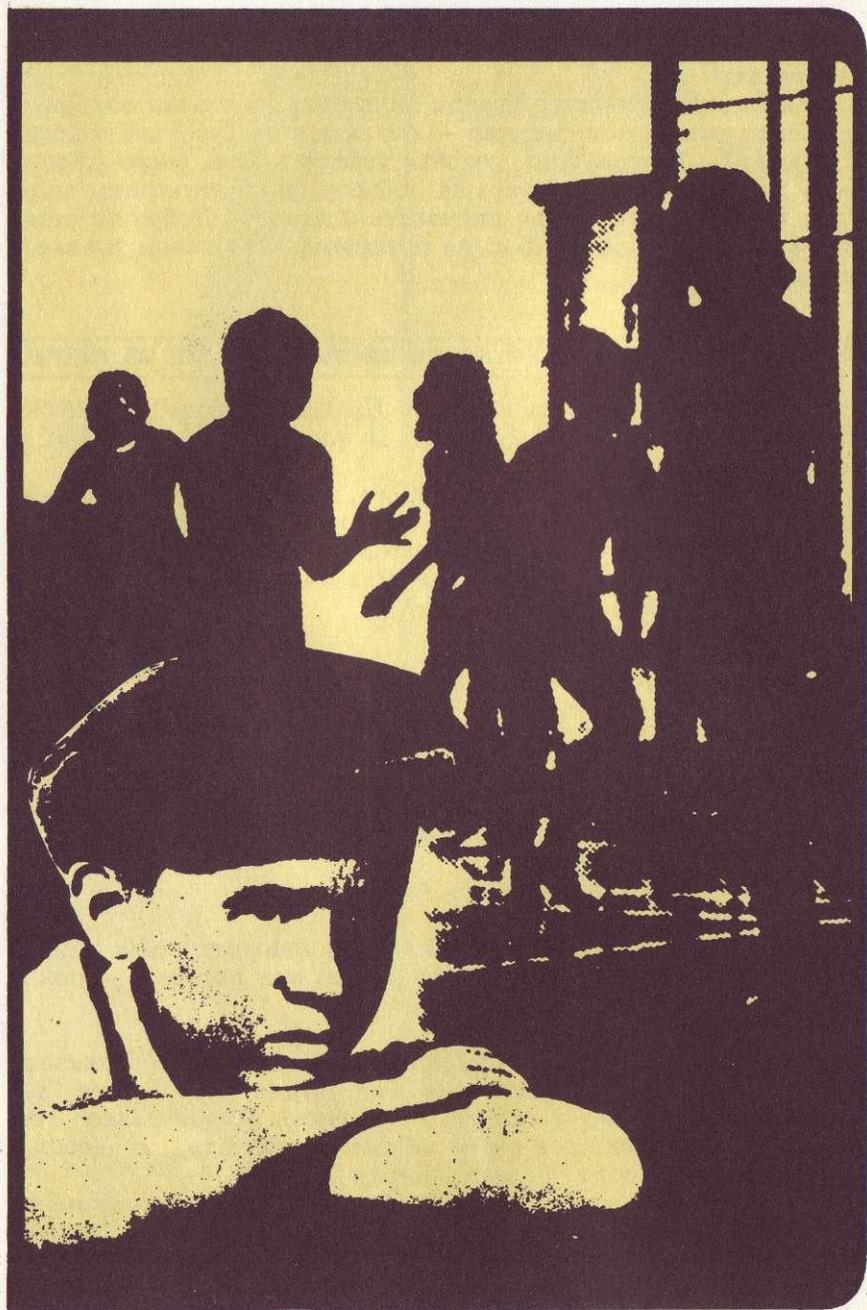
«Милый мой друг, если ты не возражаешь, я отвечу тебе словами мудрейшего человека, Михаила Ивановича Калинина: «Понятие коллективности нельзя смешивать с понятием стадности... Коллективность предполагает целесообразность действий». Вот как, а совсем не так, как объяснял ты...»

* * *

«Мой учитель Василий Трофимович говорит: «Не кури, Ляпин, это очень вредно». А сам курит, как паровоз — папиросу за папиросой...»

«Разве ты куришь или не куришь для учителя? Конечно, личный пример — убедительнейшая штука (и лучше бы Василию Трофимовичу самому не курить), но все равно так нельзя рассуждать: раз он (и не только учитель, а вообще другой человек) что-то делает, значит, и я буду.»

Кто-то курит, кто-то пьет непомерно, кто-то по-свински ведет себя в кино, кто-то совершает еще что-то не больно хорошее, но это не основание, чтобы повторять чужие действия. А то ведь так, за компанию, и повеситься можно...»

В то время я писал о делах милицейских. В милицию меня привели не поиск детективных сюжетов и не желание откопать какое-нибудь сенсационное убийство или ограбление. Нет. Меня привлекло сюда обыкновенное человеческое любопытство и стремление понять, откуда начинаются правонарушители, где таятся корни поступков, направленных против общества.

Итак, я писал о делах милицейских и был до крайности увлечен майором Ильиным.

Мы часто встречались в служебном кабинете майора и у него дома, вместе ездили на рыбалку. Постепенно я входил в курс событий, постигал не только существо волновавших Ильина проблем, но и проникался, если можно так выразиться, атмосферой его нелегкой, хлопотной службы.

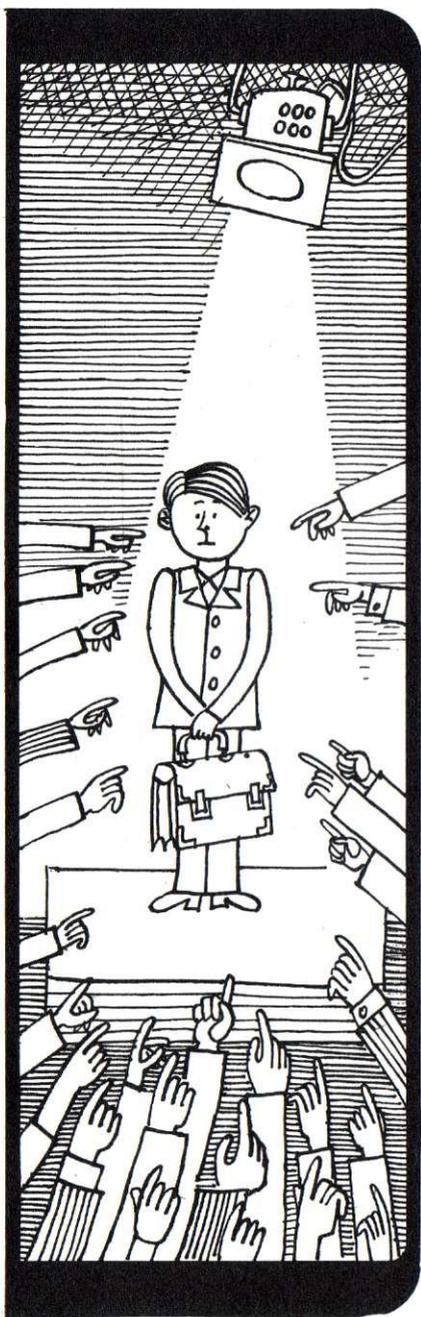
С той поры мне и запомнилась эта совершенно необычная история.

Как-то утром дежурный по отделению доложил майору Ильину, что на прием к нему вот уже целый час просится мальчишка.

- По какому вопросу? — привычно поинтересовался Ильин, крайне занятый как раз в это время.

— Не говорит. Требуется личного разговора.

— Требуется! Мало ли кто чего требует. Вы что, сами разобраться не можете?

— Так не говорит же ничего. Повторяет как попугай: важное дело, лично к начальнику...

Пожав плечами, Ильин приказал пропустить настойчивого просителя. И увидел: мальчонка лет четырнадцати, одет скромно, сам худенький, лицо напряженное, смотрит смело.

— Слушаю вас, — сказал Ильин (он всем и всегда говорил «вы», если разговор происходил в служебном кабинете). — Только, пожалуйста, покороче.

— Моя фамилия Литовцев, зовут Андрей. Учусь в сто двадцать седьмой школе. На прошлой неделе у нас из физического кабинета пропал микроскоп. И... и меня обвинили в этом деле, в пропаже. Сказали: взял Андрей Литовцев...

— А вы не брали?

— Нет, не брал. Но теперь уже дело не в этом. Через три дня того, кто украл, нашли и все узнали, что я не брал.

— Значит, все в порядке? — сказал Ильин, совершенно искренне недоумевая, чего же хочет от него несправедливо обвиненный в краже паренек.

— Как в порядке? Меня же на всю школу осрамили, вором объявили. А когда оказалось, что вор не я, никто об этом не хочет громко сказать. Я к учительнице ходил, она объясняет: «Ну, ошибка вышла, бывает». Тогда я

к завучу пошел и ему тоже говорил. А он: «Ты честный человек, я это знаю и сам ты это знаешь, для чего ж лишний шум поднимать?» Неужели, товарищ майор, так можно — сначала осрамить, а потом молчать, как будто ничего и не было?

Ильин, испытывая непривычное смущение под пристальным, открытым взглядом мальчишки, спросил, выигрывая время:

— А почему вы, собственно говоря, пришли к нам? Милиция жуликов должна ловить, за порядком смотреть, а у вас получается вроде бы дело чести...

— «Моя милиция меня бережет», — смело процитировал мальчишка. — Вот я и пришел. Вы же можете их заставить...

— Заставить — что?

— Ну... сказать или извиниться...

Забегу вперед: перед Литовцевым извинился директор школы. Извинился публично, при всех. Это рассказал мне майор Ильин.

— И ты знаешь, какого это труда стоило — жуть! А почему? В принципе все соглашались — паренек обязательно должен услышать извинение от взрослых, раз они несправедливо его оскорбили, напрасно заподозрили в плохом деле. Но это только в принципе. А как до практики доходило, сразу выигрывало ретивое: «Как же так, я — старый человек, тридцать пять лет отучительствовал, буду перед сопляком извиняться...» До высоких инстанций пришлось вознестись, чтобы настоять. А парнишка хорош! Как точно суть понял: коль живешь в обществе, нельзя не подчиняться законам этого общества. И законы для всех одинаковые. Молодец парень!

Андрей Литовцев действительно молодец. Но все ли мальчишки и всегда ли бывают такими молодцами?

Увы, не все и не всегда.

Письмо было с Севера. Очень длинное, очень многословное, очень, если не сказать слишком, складное.

В частности, Борис писал:

«...У нас в классе учится один очень хороший парень, все его уважают за ум и за то, что он честный и настоящий друг. Почему на него нашло такое (что — я сейчас расскажу), никто до сих пор понять не может.

Во время урока русского языка он написал на обложке учебника: «Мария Павловна — пьяная дура». Написал английскими буквами. Но когда Мария Павловна увидела надпись, все равно поняла и выгнала его из класса.

Выгнала, конечно, правильно. Никто не говорит, что

неправильно. Директор ему тоже велел убраться домой и в школу без матери не приходите.

Парнишка все честно рассказал матери, но мать сказала: «В школу ни за что не пойду. Мне стыдно. Сам набезобразничал, сам и расхлебывай». Представляете его положение?

Тогда он опять пошел к директору и передал ему все, что сказала мать, слово в слово. А директор не поверил: «Врешь, ничего ты матери не говорил». И опять выгнал из школы.

И вот уже шестой день этот парень не ходит на уроки. Все мы за него переживаем, а как быть, никто не знает.

Как вы думаете, что нам теперь делать?

Он никогда не врет, но в этом случае ему все равно никто из учителей не верит. Пожалуйста, напишите ответ по авиапочте, чтобы нам быстрее узнать, как быть...»

На письма нужно отвечать, это я знаю твердо. Но как ответить на такое письмо? Самое простое написать: скажи своему товарищу, что обзывать учительницу ругательными словами позорно и возмутительно, человек, способный на такое, не достоин уважения и сочувствия и т. д. и т. д. Конечно, подобный ответ был бы совершенно справедливым, но... и это беспокоило меня больше всего — подействуют ли слова на мальчишку или не подействуют? Как говорится, дойдут или не дойдут? Заставят ли всерьез задуматься? И решив, что толку не будет, я написал иначе. Свой ответ я начал с того, что высказал сомнение в безукоризненной честности «героя» истории. «Не спорю, — писал я, — учителя могут быть и не очень умными людьми, такое случается. И это даже не вина, а беда человека, за которую его никак нельзя осуждать. Но допустить мысль, что Мария Павловна пришла на урок пьяной, я не могу. Тут я убежден на все триста процентов, что в этой части своего заявления ваш подзащитный наврал самым беспардонным образом».

Дальше я настаивал на том, чтобы мальчишка попытался объясниться с Марией Павловной лично, с глазу на глаз. Я убеждал моего корреспондента, что такое объяснение его товарища с педагогом, кроме всего прочего, со всей убедительностью покажет, умна учительница или нет. Хотелось верить, что Мария Павловна — настоящий человек и настоящий учитель и не станет сводить с глупым малым долгие счеты: «Ах, ты меня душой обозвал, так я тебе устрою веселую жизнь, сто лет не забудешь...»

Письмо мое получилось довольно длинным и предлагало разные практические варианты решения конфликта вплоть до «взятия на поруки».

Ответ я получил недели через две.

И первое, что узнал: никакого «хорошего парня» вообще

не было. Под этим «псевдонимом» скрывался мой корреспондент.

Дальше Борис сообщал, что совета послушался и пошел к учительнице домой.

«Шел, врать не буду, дрожал. Все думал: а ну как выгнит прямо с порога и разговаривать не захочет? А когда вошел в подъезд, совсем испугался. Два здоровенных дядьки в белых халатах волокли мне навстречу носилки. Я постороился — и вдруг вижу: на носилках-то лежит она, Мария Павловна. Вся белая-белая...

Но Мария Павловна была живая, увидела меня и велела остановиться...»

Не зря я верил в учителя!

Превозмогая адскую боль (у Марии Павловны был острый приступ аппендицита), она нашла в себе силы, ничего не спрашивая и не говоря никаких слов, нацарапать записку директору школы. Борису разрешили посещать школу и постепенно грехи Борису были отпущены.

Два вроде бы совсем разных и вместе с тем весьма похожих случая.

Назовем случай с Андреем — случаем «А», а случай с Борисом — случаем «Б». И попробуем разобраться.

В случае «А» несправедливо обвиненный человек требовал восстановить его доброе имя. Человек был моложе и потому как бы не в полной мере защищался законом.

В случае «Б» человек ни с того ни с сего возвел напраслину на другого человека, и так как тоже был моложе, то где-то в глубине души считал, что с него и не должны спрашивать по всей строгости закона. (Едва ли он позволил бы себе что-нибудь подобное, зная твердо: за оскорбление спросят по законам.)

А так нельзя. Так не годится! Я совершенно убежден: закон есть закон, и он общий для всех.

И никто — ни малый, ни старый — не имеют права обвинять человека даже в самом незначительном проступке, ошибке, грехе, если не располагают абсолютно убедительными доказательствами. Это надо знать, понимать и чувствовать с молодых ногтей. Подлость не должна быть амнистирована, не должна получать никакой скидки на том только основании, что носитель ее — несовершеннолетний.

Увы, законченным негодяем может быть и четырнадцатилетний и с равным успехом совершенно седой, проживший длинную жизнь человек.

И я думаю, что один из первых и самых неопровержимых признаков негодяйства — стремление обвинить другого в том, в чем он, другой, не виноват.

Чем раньше поймет это человек, тем лучше: тем больше надежды, что сам он никогда не совершит шага, противного нашему пониманию высокой морали.

СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ ● СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ ● СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ

«Как быть, когда сказать правду просто-таки невозможно? Приходится врать, и тебя потом все равно ругают. И никто даже не спрашивает, почему ты соврал. Верно я говорю?»

«Не совсем верно.

Карл Либкнехт рассуждал иначе: «Если подчас нельзя сказать правду, то не следует, по крайней мере, на этом основании говорить неправду».

Улавливаешь разницу? Не можешь сказать правду, молчи».

* * *

«Ну, а если я обещал и не сделал не потому, что не захотел, а просто не смог, не вышло. Разве за это можно на меня обижаться и даже со мной не разговаривать? Я же не нарочно не сделал?»

«Не надо обещать, если у тебя нет стопроцентной уверенности — сделаю. Лучше в таком случае сказать: «Постараюсь»».

Л. Н. Толстой был вполне определенного мнения о людях, которые не исполняют обещанного, он писал: «Не верьте словам, ни своим, ни чужим, верьте только делам и своим и чужим».

И мудрый француз Пьер Буаст замечал: «Если мы не всегда властны исполнить наше обещание, то всегда в нашей воле не давать его».

* * *

«Не знаю, как другим, а мне часто, даже очень часто говорят, вроде я и грубый, и невнимательный, и еще ленивый. Иногда я даже думаю: а вдруг я и на самом деле такой, как тогда жить? Это же невозможно — столько отрицательных качеств сразу исправить...»

«Правильно или неправильно тебя ругают, сказать затрудняюсь. К сожалению, мы лично не знакомы. Но я думаю: пусть уж лучше другие несколько преувеличивают твои недостатки, чем ты сам будешь их преуменьшать.

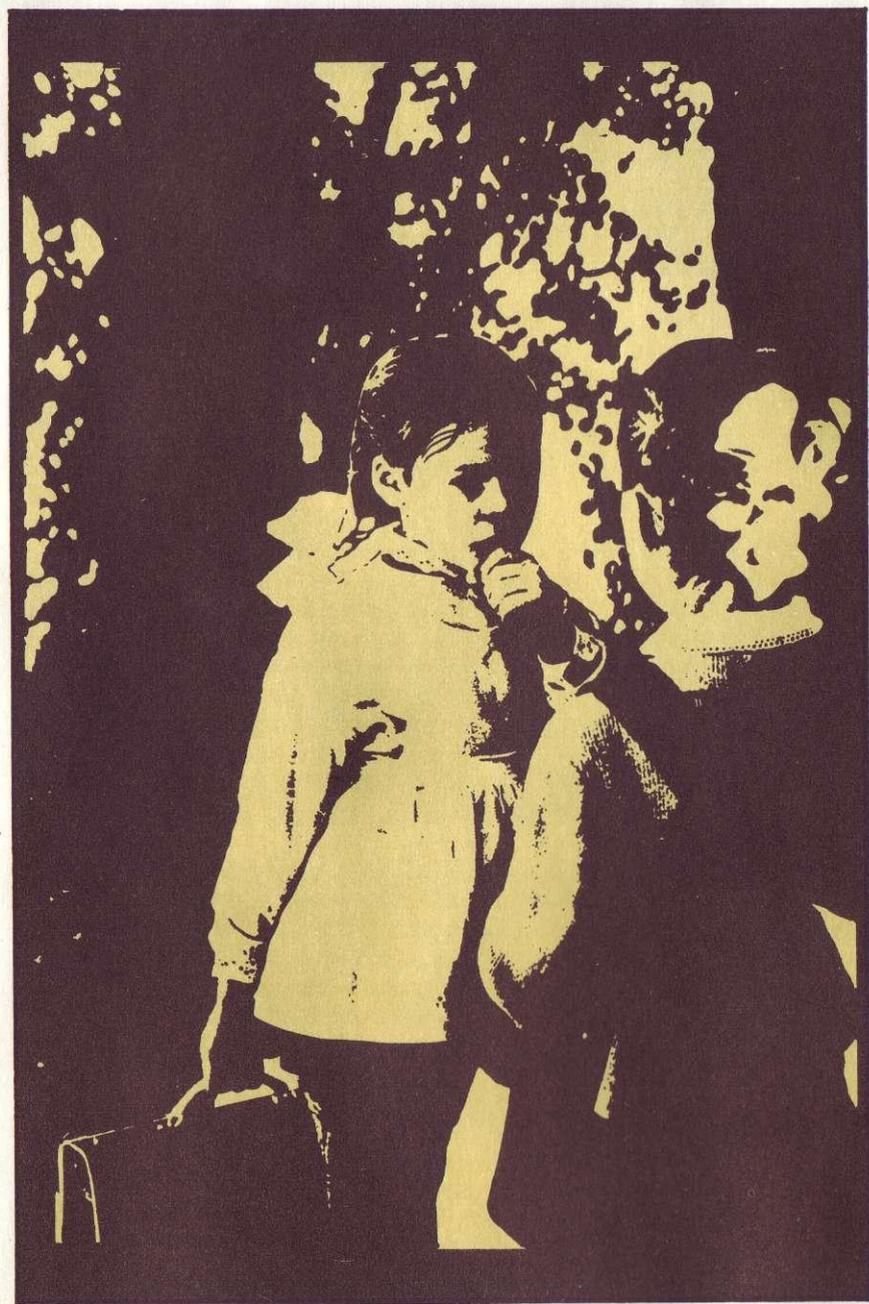
Талантливый педагог, очень чуткий человек В. Сухомлинский писал: «Мудрость жизни человеческой действительно заключается в том, чтобы видеть себя и видеть правильно». Это нешуточное дело — уметь видеть себя правильно, для этого надо прежде всего стать мудрым!»

* * *

«Я очень плохо умею говорить. Смущаюсь, путаю даже тогда, когда не перед кем стесняться. У меня за письменные работы почти всегда не меньше четверки бывает, а за устные ответы — редко, когда больше тройки...»

«Речь должна вырастать и развиваться из знаний вещей: если оратор не проник в вещи и не узнал их, речь его бессодержательна и похожа на детскую болтовню» — так учил один из самых красноречивых людей человечества — Цицерон.

Не отчаивайся. Углубляйся в науку. Чем больше ты будешь узнавать, тем легче тебе будет облекать свои мысли в слова. За день хорошо говорить не научишься и за неделю тоже не научишься, но, проявив терпение и выдержку, со временем достигнешь многого».

Сначала письмо.

«Меня зовут Таня. Мне уже одиннадцать лет с половиной. У меня есть мама и брат Вася. Васе шесть лет. И еще у меня брат Митя. Ему пока только пять месяцев. А пишу я вам, чтобы рассказать, как мы живем. Может, про это стыдно писать, только я все равно напишу.

Еще есть у нас па («па» зачеркнуто аккуратным крестиком. — *А. М.*) — отец. Он пьет очень много водки. Приходит домой сильно пьяный и ругается матерными словами, бьет маму и Васю. Меня он не бьет, но делает еще хуже. Кричит: «Танька, пляши!» А когда я не пляшу, он меня наказывает — велит стоять в углу, пока я там не засыпаю и не начинаю падать. Если он еще сильнее пьяный, то выгоняет меня в одном платье на улицу. Зимой я бегу к соседям. Мне стыдно к ним бежать, но что сделаешь: не побежишь — замерзнешь.

С ним на работе все поругались. Все ему говорили: «Не пей столько много водки». А он никого слушать не стал. Взял и ушел на другое место. Еще даже лучше которое. И опять пьет.

Больше всех мне жалко маму. Она почти каждый день сильно плачет. И Васю тоже жалко — он же маленький и совсем не понимает, что отец его бьет только пьяный, а когда трезвый, любит

и гостинцы ему носит. Меня он совсем не любит, он про меня говорит: «Больно ты гордая». Только я никакая не гордая, а просто не хочу плясать ему пьяному. Непьяный он ни разу не сказал: «Попляши». Может, тогда я бы и стала. Мама говорит: «Не перечь ему, Танька, а то еще хуже будет». И мне маму становится еще жальчее, но я все равно не пляшу. Не могу. Ноги не идут.

Наверное, я вам уже надоела. Пишу и пишу все про неинтересное.

Лучше напишу теперь про другое.

Мы живем в поселке. Называется наш поселок Кожурки. У нас тут большой лес. В лесу — заповедник, там живут лоси и другие звери, например, кабаны. Я часто хожу в заповедник к дяде Виталию. Он добрый, позволяет мне кормить лосеночков. Лосеночки смешные. Никого не боятся, берут хлеб прямо из рук и еще просят.

У дяди Виталия есть собака, большая-большая, все равно как волк. Ее зовут чудно — Урс. Она породистая. Все боятся Урса и говорят про него: «Чистый зверь». А я его не боюсь. Мы с ним друзья.

Пожалуйста, будьте мне другом тоже и напишите письмо про то, как живут в Москве. Если напишете, я пошлю ответ. И еще больше вам напишу.

Таня».

Рядом с Таниным письмом лежит на столе измятый голубой конверт с совершенно обескураживающим адресом: «Москва, писателю Маркуше». Почти по Чехову: «На деревню дедушке...» На конверте приклеены ярлыки «Горсправки». Спасибо добрым людям, не дали затеряться письму.

И сразу начинает работать память. Так всегда, когда приходит письмо с бедой.

Маленький человек страдает, терпит несправедливость большого, сильного, люто пьющего мужчины. И мужчина этот — отец. Страшно. Как быть? Что делать?

Увы, на своем веку я видел много пьющих. Знаю: это и безобразия, и горе, и большое несчастье, и почти не поддающаяся обузданию стихия.

Пьющих стыдят, уговаривают, в особо тяжелых случаях принудительно лечат, но ото всего этого редко бывает толк.

Думаю: почему пьют люди?

Говорят: с горя. Бывает. Впрочем, и «с радости» тоже бывает, и по распушенности, и потому, что слабый человек попадает в плохую компанию...

Но больше всего и чаще всего, как мне приходилось наблюдать, люди пьют от душевной пустоты, от ограниченности,

оттого, что живут как бы вне большого, пестрого, очень разного и очень богатого мира.

Вспоминается тайга, по которой мне довелось кочевать с геологами. Ах, какие это были ребята: работяги, преданные товарищи, остроумные, чудесные друзья. Все, кроме одного. Того одного звали Вячеслав, Слава.

Помню, однажды Вячеслав исчез из лагеря. Не было его дня три. Потом он вернулся и сразу же принялся за дело: колот дрова, таскал воду для кухни, что-то перекладывал и перепаковывал в продуктовом складе. У Славы, мужчины немолодого, как говорится, тертого, были проворные, очень умелые, очень толковые руки. А вот голова его работала значительно хуже рук. Обнаруживалось это не сразу, но обнаруживалось.

Незаменимый на проходке шурфов, отличнейший охотник и рыбак, Вячеслав работал в полную силу иногда месяц, иногда два, а потом срывался. Вдруг нападала на него тоска, крутила, брала в плен, и тогда дурная Славина голова гнала его прочь из лагеря. Он готов был пройти на своих двоих хоть сто километров, только бы добраться до магазина. И тут напивался, напивался до бесчувствия, как говорят — мертвецки.

Пил Вячеслав иногда неделю, иногда десять дней, пока хватало денег. Потом возвращался в лагерь. Приходил тихий, вроде бы пристыженный, виноватый и, избегая смотреть в глаза людям, сразу брался за самую тяжелую работу.

Как ни странно, Вячеслава не осуждали. Он не вызывал ни раздражения, ни неприязни окружающих. Многие его даже жалели.

Мне хотелось понять человека. Я приглядывался к нему, при каждом удобном случае старался разговаривать, угадать его тайну, если тайна была. И в конце концов, кажется, что-то уразумел.

Вячеслав, выросший в стране всеобщей грамотности, очень приблизительно представлял себе, кто такой Пушкин, едва ли слышал имя Чайковского, понятия не имел о Капице. Книг он не читал, хотя читать умел.

— А чего читать? Только глаза портить! Там одно пишут, а на самом деле — другое...

К газетам он тоже не прикасался.

— А какая мне разница, что там делается...

«Там», в убогом Славином представлении, — это и Франция, и Индия, и Америка, и весь прочий мир, кроме Камчатской тайги, где он сегодня жил и работал.

С цивилизацией Слава был знаком только в одной определенной сфере — в сфере материального проявления: носил модный пиджак и пижонскую кепочку, пользовался часами и

с самого начала сезона соби-
рался купить плащ из какой-
то особенной водоотталкиваю-
щей ткани.

— Слава, но ты же про-
сто дикарь, — сказал я ему
в сердцах, — ты самый на-
стоящий дикарь двадцатого
века.

Он не обиделся. Пред-
ставьте — нет! Засмеялся.

У Вячеслава не было ни-
какого горя, не было никаких
семейных неурядиц и конф-
ликтов с обществом, не было
даже опустошенности. Просто
Слава смолodu оказался со-
вершенно ненаполнен-
ным человеком.

Работа — пьяные сумер-
ки — работа. Так выглядел
его естественный жизненный
цикл...

Вот я рассказываю о судь-
бе Вячеслава в книге, обра-
щенной к молодым, и могу
предположить, что кто-то
упрекнет меня: «Детям о
пьянстве, ну к чему это?!»

Не надо? Нет, надо! К со-
жалению, надо.

Надо, во-первых, потому,
что наши дети живут пока
еще не в волшебном мире
добрых фей и приветливых
гномиков. Дети видят хоро-
шее, светлое, но, к сожа-
лению, видят и грязь, и мер-
зость, и подлость реальной
жизни, от которой не так-то
просто очистить мир. И, мо-
жет быть, именно дети стра-
дают от последствий пьян-
ства больше взрослых. Разве
Танино письмо не свидетель-
ство пострадавшей?

Во-вторых, я хочу, чтобы молодые вовремя, так сказать, авансом задумались, чем заполняется душевная пустота человека, чтобы они боялись душевного «вакуума», избегали его.

И, наконец, если верно, что каждый человек — звезда, то Слава и многие ему подобные — звезды гаснущие. Можно ли мириться с этим?

Но вернемся к истории Тани.

Пытаюсь представить себе отца девочки. Он рисуется мне лохматым, темным, этаким дремучим зверем.

Что я могу сказать Таниному отцу? «Ай-ай-ай, как вам не стыдно?!» Разве ж такими словами его проймешь?

Что я могу написать девочке? Пожалеть? Но жалость редко лечит, жалость чаще портит людей. Посочувствовать? Но Таня еще мала, чтобы оценить сочувствие. Надо помочь. Но как?..

Так я думал, а время уходило, и письмо Тани преследовало меня, не давало спокойно работать, есть, спать. В конце концов, не приняв никакого сколько-нибудь разумного решения, я взял билет и поехал в лесной поселок Кожурки.

Признаюсь: я понятия не имел, что скажу Тане, как стану объясняться с ее непутевым отцом. Поехал потому, что не поехать не мог. От одного сознания, что, взяв билет, я перестал рассуждать, а начал действовать, на душе сделалось немного легче.

И вот я приехал.

Поселок оказался маленьким, честно говоря, довольно жалким, затерявшимся на самом краю громадного лесного края. Разыскать нужный дом не стоило никакого труда — тут все всех знали, тут ничего нельзя было утаить от соседей, ничего невозможно скрыть. Постучался.

Отворила Танина мама, еще молодая, привлекательная женщина. Ни забитого, ни несчастного впечатления она не производила. Только лицо было усталое и бледное, как после болезни. Я представился. Женщина откровенно удивилась, но тотчас же постаралась скрыть удивление:

— К Тане? В гости? Ну-у что ж, проходите, пожалуйста, милости просим... Таня в школе, но скоро придет...

Подробности опускаю. В данном случае подробности не имеют особого значения. Важно одно — я дождался Таню.

Увидев меня, Таня, не знаю уж каким образом, сразу догадалась, кто перед ней. Сначала девочка растерялась, потом смутилась, потом пришла в себя и стала охотно рассказывать о школе, об учительнице Анне Ивановне, о проделках собаки Урса. Показала мне тетради и свои любимые книги — их было немного, но они были.

Единственно, чего Таня и словом не коснулась, — отца, будто его вовсе не существовало.

Старые ходики на стене тикали громко и непрерывно. Ходики напоминали: время идет, время идет и встреча приближается.

Признаюсь, я нервничал. Понимал — отец Тани должен вот-вот появиться, мне надо ему что-то сказать, как-то объяснить свое присутствие в доме, а я все еще не знал, ни что скажу, ни как скажу.

Наконец громко всхлипнула входная дверь, тренькнули оконные стекла и появился он.

Отец Тани оказался не лохматым и вовсе не звероподобным. Мужчина как мужчина. На вид лет тридцати пяти, может быть, тридцати восьми. Суховатый, чисто и аккуратно одетый. Почему-то мне показалось, что он предупрежден о моем приезде. Впрочем, возможно, мне это только показалось.

Представился Танин отец сдержанно:

— Фатеев Александр Леонтьевич. — И сразу спросил: — По какому, извиняюсь, вопросу?

«Господи, — подумал я, — ну какой, какой у меня к нему может быть вопрос: «Почему пьете?»

— К Тане приехал, познакомиться, — сказал я.

— Издалека?

— Из Москвы.

— Из самой Москвы? Интересно.

Извинившись, Александр Леонтьевич вышел в сени умыться. А мать Тани стала собирать на стол.

Проворно стерла со стола, хотя клеенка и так сверкала. Загремела посудой. Между миской с солеными огурцами и миской с квашеной капустой в окружении тарелок с домашним салом и какой-то еще весьма заманчивого вида снедью появилась зеленоватая бутылка водки.

Вернувшийся из сеней хозяин пригласил к столу.

Я понимал: вот сейчас, сию минуту должно быть что-то сказано. Иначе для чего я ехал?

Александр Леонтьевич налил водку в граненые стаканы и, глядя мне прямо в глаза, сказал:

— Со знакомством, что ли?

— Благодарю, но пить с вами не буду...

— По идейным соображениям не желаете или здоровье не позволяет? — Голос его звучал совершенно спокойно и, может быть, только самую-самую малость был сдобрен иронией. Так — шепрточка перца на блестящем кончике ножа.

— Здоровье позволяет, но я пью только с друзьями... — И дальше меня словно подхватило и понесло под откос. Я вы-

ложил ему все, о чем думал в эти дни. Об уважении к человеческой личности, даже если личности этой всего одиннадцать лет от роду, о ранимости детской души, о человеческой подлости, что без страха поднимает руку на слабого и поджимает хвост перед сильным...

Словом, много чего я ему продекламировал.

Удивительно, но Александр Леонтьевич ни разу не попытался перебить меня, не потребовал освободить помещение (все-таки я был у него в доме).

Он слушал. Потом спросил пресным голосом:

— И вот только для этого самого разговора вы ехали сюда из самой из Москвы?

— Да.

Примерно через полгода я получил от него довольно длинное, спотыкающееся письмо:

«...После того, как вы уехали от нас, я, конечно, напился. И не скрою, сильно безобразил. Все-таки обидно — в своем доме, за своим столом услышать то, что я от вас услышал.

Никто еще никогда так меня не обижал.

Все было, но чтобы человек не выпил со мной из неуважения к моей личности — такого, извиняюсь, не помню.

Длительный период времени я не мог успокоиться. Пусть бы вы сказали, что не пьете вообще, тогда другое дело. А тут получилось как? Вообще, значит, пьете, а со мной не желаете. Брезгуете! После того дня я всю свою позицию жизни перепроверил. И что ж получилось — потемки.

А кто виноват? Исключительно сам виноват.

Врать не буду, не скажу, что больше не пью. Очень я крепко к вину привык и так просто, за будь здоров, пить не бросишь. Однако в количественном отношении сдерживаюсь.

За Таню можете не беспокоиться — не обижаю. И вообще ни жену, ни детей больше не трогаю.

Может, приедете к нам еще разок? Убедитесь лично — пишу вам чистую правду. И если что, так соседи подтвердить могут. Может, мы с вами выпьем все-таки? По-хорошему. И поговорим про жизнь.

Мне ведь до се не верится, что прошлый раз вы приезжали только из-за Таньки.

Все думаю, может, какие дела у вас в районе были, а к нам попутно завернули? Я узнавал тут, да никто ничего в точности не знает. Однако многие сомневаются, чтобы только из-за Таньки в такую даль ехать...»

Все. И вроде бы счастливый конец.

А я и сейчас не могу успокоиться. Не могу. Сколько еще таких Тань на свете? И нет всеобщего рецепта против пьян-

ства, нет ни «заговора», ни надежного научного средства против этой беды...

И еще мне беспокоило и грустно оттого, что человек мог усомниться: «...до се не верится, что прошлый раз вы приезжали только из-за Таньки... многие сомневаются... в такую даль ехать...»

А как же иначе?

Разве могут быть дальними дороги, когда идешь на помощь человеку? Разве можно не услышать, пропустить мимо ушей, остаться равнодушным к сигналу бедствия, как бы слабо он ни звучал, из какого бы далекого далека ни проби-вался?

Человек должен слышать человека. Может быть, это и есть самое главное в жизни? Может быть, это та самая ось, вокруг которой вертится все наше существование?

Человек должен нести человеку не только доброе слово, но прежде всего дело. Спешить на выручку, спешить на помощь...

Человек должен жить для человека. Именно к этому сводится в конечном счете смысл всех законов нашего общества.

СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ ● СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ ● СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ

«Не знаю уж, почему так получается, но я часто задумываюсь. Вы можете спросить: о чем? О разном, но больше всего о том, как сделать, чтобы хорошо жилось. Только я думаю не о том, кем стать. Нет. Это я давно решила — сначала поступлю в педучилище, а потом, может быть, и в пединститут. Мне очень нравится заниматься с детьми. А я думаю, как сделать, чтобы каждый день хорошо жилось, в смысле отношения к соседям, на работе, вообще с другими людьми...»

«Мне кажется, что ответить на твой вопрос лучше, чем это сделал один из образованнейших и умнейших людей Франции, а может быть и всего мира — Стендаль, просто невозможно. А Стендаль говорил так: «Чтобы хорошо жилось среди людей, не надо жить для себя...»

* * *

«Часто получается так: я знаю, что должен сказать: это плохо, — а не говорю. Или чувствую: надо вмешаться, а сам не вмешиваюсь... Потом я думаю, почему так получается?»

И ругаю себя за нерешительность и обязательно собираюсь в следующий раз сказать, вмешаюсь... и опять не говорю и не лезу...»

«Боюсь, мой друг, что ты ошибаешься в диагнозе. Ты говоришь, нерешительность тебя заедает, а великий мыслитель древности Конфуций называл твою беду иначе — определеннее и строже: «Сознавать долг и не исполнять его — это трусость».

Не обижайся на меня. Вещи надо называть своими именами, даже когда это доставляет огорчение».

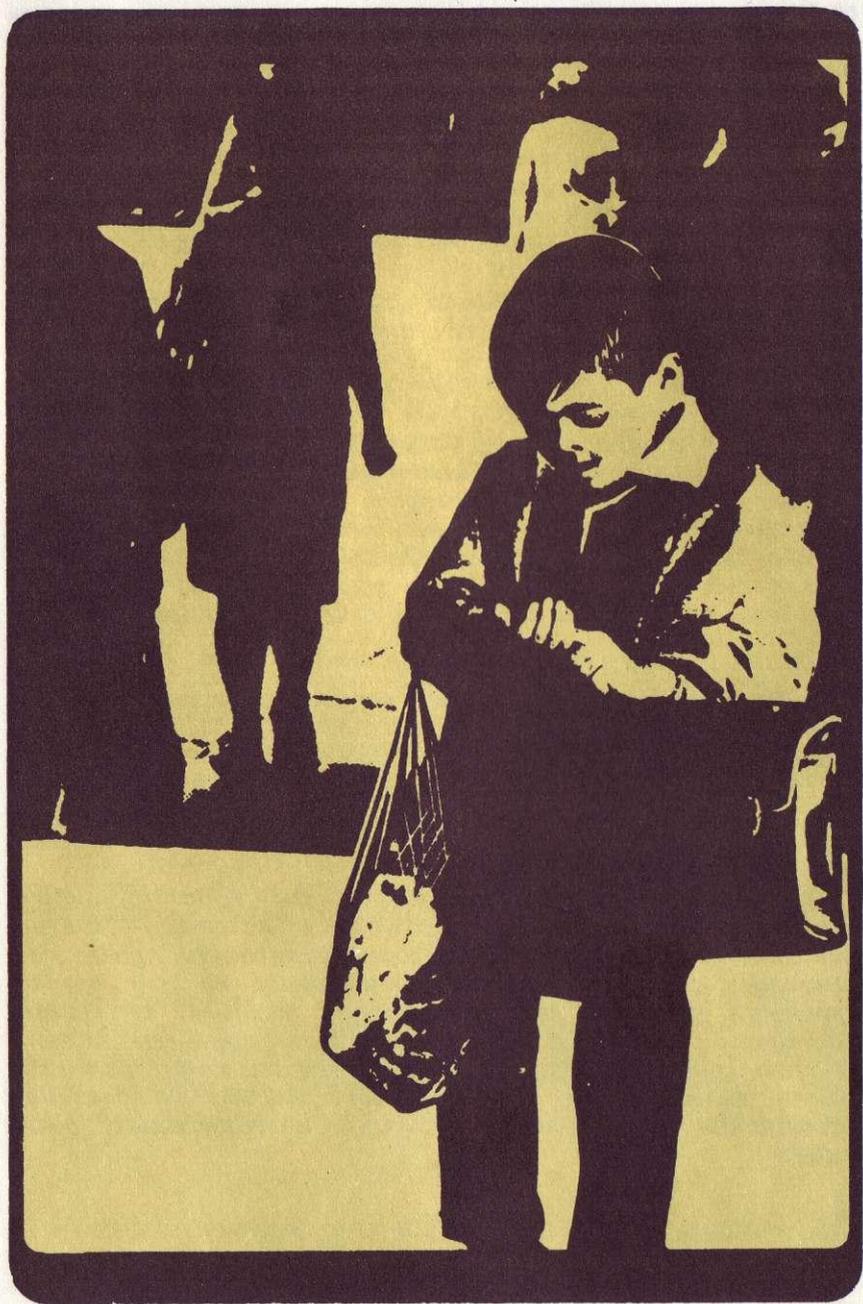
* * *

«У меня к вам довольно деликатный вопрос. Поспорил я тут с одним человеком. О чем — это даже неважно. Важно другое: вдруг он мне стал говорить и изо всех сил доказывать, будто я плохой патриот и никудышный комсомолец. Почему же я такой негодный? Оказывается, потому, что позволяю себе сомневаться. Но разве хороший патриот и отличный комсомолец никогда ни в чем не сомневается?»

«Мне трудно ответить на этот вопрос, что называется, конкретно, потому что я не знаю существа спора. А это, конечно, важно. И все же в самой общей форме постараюсь ответить.

Академик А. Д. Александров не так давно писал: «...а к активное сомнение — необходимое условие развития науки и развития у б е ж д е н и й в любой области».

Мне кажется, академик прав. И если надо что-нибудь уточнить в его высказывании, то только два слова — «активное сомнение». Плохо, когда человек, сомневаясь, просто перечисляет, скажем, недостатки, ошибочные, на его взгляд, суждения, неверные, как ему кажется, решения. От такого пассивного сомнения трудно ожидать какой-то пользы. И очень хорошо, когда, сомневаясь в тех или иных явлениях жизни, человек ищет и предлагает способы исправления недостатков, ошибок, находит лучшие из возможных решений».

Каждый день ложатся на мой рабочий стол белые, голубые, аккуратные и растрепанные конверты. Письма с давно знакомыми и никогда прежде не слыханными адресами входят в мой дом.

Края ближние и края дальние, штемпеля четкие и едва различимые...

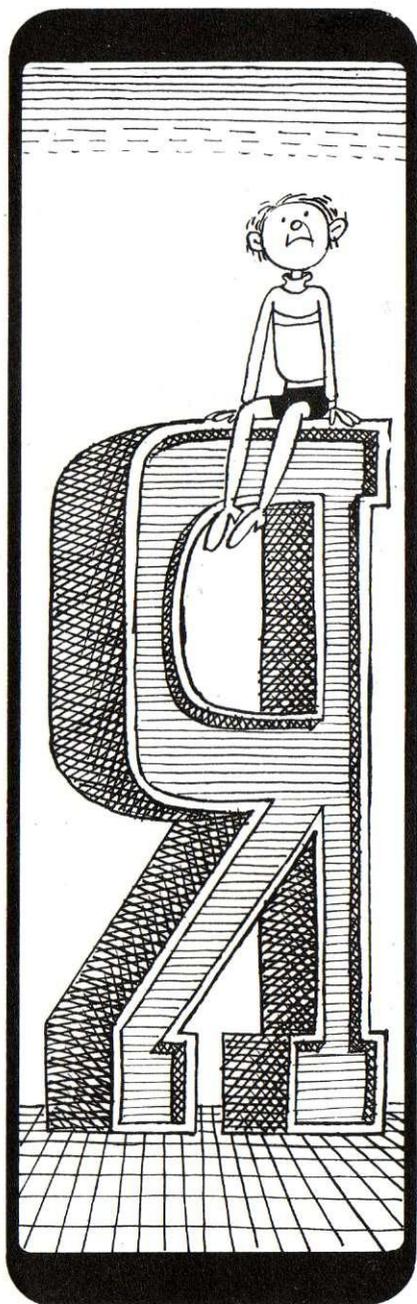
Берешь в руки письмо, и странное ощущение зарождается в тебе: а вдруг там, в этом обыкновенном четырехкопеечном конверте, — судьба, вдруг там притаился герой будущего рассказа.

Не скрою, я люблю распечатывать письма, и почему-то белые конверты всегда напоминают мне веселые паруса над морем.

Впрочем, не все письма и далеко не всегда несут в себе радость.

«Я, Коля Сахарнов, учусь в шестом классе. Я знаю вас по некоторым вашим книгам и немного лично. Я был на вашем выступлении в Библиотеке имени Тургенева. Наверное, я даже уверен, что вы меня не запомнили, хотя я задавал вам тогда больше вопросов, чем все другие.

А теперь я вам решил написать и спросить об одной вещи. Помните, вы рассказывали про мальчишку, который собирал деньги в копилку? Он клал каждый день одну монетку и через год набрал много. Я так понял, что вы не больно-то хорошо об этом мальчишке думаете. А почему? Это я и хотел узнать:

Разве можно жить без денег?

Я, конечно, не считаю, что деньги самое главное, только и совсем без денег какая жизнь?

Может быть, я чего-нибудь не так написал, но все равно вы дайте мне ответ и объясните, что не так. Я жду скорого ответа.

Н. Сахарнов».

Письмо занимало полстраницы. И на этих нескольких строчках «я» было повторено одиннадцать раз.

Не много ли?

Это первое, о чем я думаю. Дальше стараюсь припомнить Колю Сахарнова (в Тургеневской библиотеке мне действительно выступать приходилось). Нет, не припоминаю. А историю с мальчишкой, который складывал монетки в копилку, помню хорошо.

Вот эта история.

Однажды мне в руки попала зарубежная газета. На видном месте в ней был напечатан портрет одиннадцатилетнего паренька и сообщалось, что паренек этот — настоящий мужчина, человек с твердым характером, крепкой волей и еще многими замечательными свойствами современника.

Я подумал: не так часто взрослые газеты столь высоко оценивают малолетних граждан, что ж столь замечательного совершил этот че-

ловек? Может быть, спас товарища, тонувшего в реке, выручил кого-то из беды, преодолев страх, или, может быть, предотвратил крушение? Но все оказалось куда проще и куда, на мой взгляд, неожиданнее.

В день его первого юбилея, когда мальчишке исполнилось десять лет, отец подарил сыну копилку — стальной блестящий бочоночек с особо хитрым замком. И мальчик дал слово: каждый день опускать в бочонок одну монетку, сэкономленную из денег, которые ему давали на завтрак. При этом ключ от копилки он передал отцу.

И вот минул год.

Специальная комиссия — в комиссию входил и представитель газеты — вскрыла копилку и пересчитала деньги. Монет оказалось триста шестьдесят пять.

Я рассказал эту историю в Библиотеке имени Тургенева нашим ребятам. И, помнится, спросил:

— Можете ли вы себе представить, чтобы «Пионерская правда» или «Комсомолка» сделали чуть ли не национальным героем мальчишку, который сколотил бы капитал в триста шестьдесят пять гривенников?

Ребята засмеялись. И мне было радостно слышать их дружный смех.

Ни гривенниками, ни рублями, ни даже тысячами накопленных рублей в наших условиях просто невозможно повысить авторитет человека, упрочить его положение в обществе и тем более невозможно сделать подобного «героя» Героем.

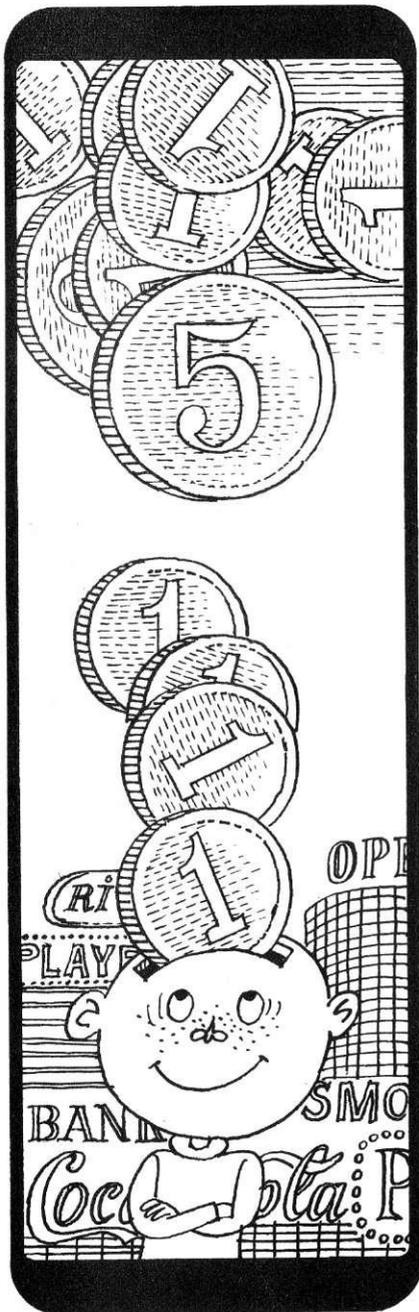
Был такой разговор. А теперь — письмо.

С Колей Сахарновым я незнаком. Есть у него копилка или нет — не знаю. Одиннадцать «я», повторенные на половине странички, конечно, неприятная подробность, но, честно говоря, еще не основание, чтобы в чем-то подозревать или обвинять человека. И все-таки... все-таки писать ему не хочется.

Но меня еще в детстве учили: на письма надо отвечать. Приятные они или неприятные — значения не имеет. Надо. И вот я пишу, стараясь быть сдержанным и по возможности убедительным:

«Вероятно, ты не совсем правильно понял меня, Коля. Рассказывая историю маленького стяжателя, я вовсе не пытался доказать, что можно жить без денег или что жить без денег лучше, чем с деньгами. Каждому ясно — деньги в нашей действительности играют далеко не последнюю роль. Говорил я, кстати, не столько о самих деньгах, сколько об отношении к богатству, к накоплению.

Ты прав, когда пишешь: «Я так понял, что вы не больно-то хорошо об этом мальчишке думаете». Верно — нехорошо я о нем думаю, хотя и жалею его. Почему? Если десятилет-

ний парнишка просыпается с мыслью, как сэкономить гривенник, и ложится спать с чувством удовлетворения от того, что сумел этот гривенник сэкономить и опустить в кубышку, какой же из него вырастет человек?

Скорее всего из него получится стяжатель, жадина, как говорили в старину — скопидом.

А я лично не знаю порока более отвратительного, чем жадность. Поддавшись однажды духу стяжательства, обогащения, человек и сам не замечает, как его перестают интересовать судьбы других людей, как блестящий бочоночек, словно магнит, все сильнее и сильнее притягивает к себе, забирает власть над ним, исподволь высасывает из человека не только гривенники, но и все лучшее, что, может быть, и было заложено в этого самого Ивана, Джона или Пьера. Так погибают отзывчивость, чуткость, верность, преданность, свободный полет мысли. И человек, рожденный для счастья, — ты, вероятно, слышал эти слова? — как птица для полета, превращается в раба, раба своих собственных сокровищ. Помоему, это страшно и унижительно...»

Не буду повторять весь текст моего письма, думаю, и приведенных строчек достаточно, чтобы понять, как и о чем я писал Коле Сахарнову.

Нет, я нисколько не думал, что мой ответ должен обязательно ему понравиться. Не думал, что сумею убедить его, заставлю разделить мою точку зрения. Так просто это не делается. Слишком многое зависит от воспитания, среды, родительского примера и многих других обстоятельств, которые я, естественно, учесть не мог.

Впрочем, я и не очень заботился о последствиях, считал, что мое дело сказать откровенное слово — и все.

Дней через десять пришло новое послание.

«Я получил ваш ответ. Не думал, что напишете. А вы все-таки написали. Только я с вами не согласен.

Если мне дали сорок копеек на кино, а я взял и сходил за тридцать, я, что ж, по-вашему, должен десять копеек выбросить?

У меня тоже был день рождения, и мне подарили три рубля на марки. Я купил марок на два шестьдесят, а куда сорок копеек еще девать?

Летом я жил в лагере. Когда в родительский день мать приезжала, она мне рубль дала, а потратить его не на что было, так, выходит, куда этот рубль девать — на помойку, что ли?

Или я тут недавно нашел на улице пятнадцать копеек, их, что ж, не надо было поднимать, валяться оставить?

Другое дело, если человек бочки золотом набивает, а сам чуть с голоду не кончается или в лохмотьях ходит, чтобы стать еще богаче...»

«Нет, Коля, нет! Совсем это не другое дело, это как раз одно и то же дело. Из капель рождаются океаны, из припятанных, «зажатых» гривенников вырастает жадность. И странно, что ты спрашиваешь меня, куда девать «лишний» гривенник, «лишние» двадцать копеек, «лишний» рубль.

Признайся, только чистосердечно: ты хоть раз в жизни истратил «свои» личные, персональные двадцать копеек на ириски для сестренки? Или, может быть, купил цветок маме? Пусть не цветок — пирожное, не пирожное — яблоко? Ну, скажи, было такое или не было?

Честно заработанные или честно заслуженные деньги — совсем неплохая штука, особенно если человек умеет их со вкусом, с удовольствием и с толком тратить. Я думаю так потому, что встречал на своем веку гораздо больше людей щедрых, чем жадин, трясущихся над своими «капиталами». Вот и все, что я могу тебе сказать.

Жду скорого ответа».

Я знал: на этот раз Коля Сахарнов мне не ответит. И действительно — он не написал.

А я вот вспоминаю о нем. Почему? Да по очень простой

причине: нельзя, конечно, одиннадцатилетнего парнишку всерьез считать своим идейным противником, но я боюсь, что он вырастет не изменившись и тогда станет врагом. Не моим личным врагом, а нашим общим.

И пусть это никому не покажется ни странным, ни превеличенным.

Враги вовсе не обязательно должны быть вооружены автоматами, танками или атомными бомбами. И еще неизвестно, какой враг опаснее — явный, открытый или затаившийся в глубине собственных недобрых мыслей. Я уверен, что человек, с молодых лет покоряющийся власти гривенника, подчиняющийся темной силе накопительства, и предаст, и продаст, не испытывая особых угрызений совести.

Вот почему я нет-нет да и вспоминаю Колю. Вот почему рассказываю эту историю в книге. Подумайте, хорошенько подумайте, так ли безобидны бывают некоторые «пустячные» на первый взгляд вещи...

СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ ● СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ ● СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ

«Почему я такая нескладная: хотела научиться на коньках кататься. Ужас как хотела! Мне эти коньки и лед даже по ночам снились. Научилась. И что вы думаете, очень обрадовалась? Ничего подобного. Еще больше, чем на коньках, захотелось на велосипеде кататься. Сначала велосипеда не было, потом я болела, потом началась зима... Просто извелась. Но в конце концов научилась. Мне бы «ура» кричать и радоваться... Так теперь мотоцикл снится!

И так во всем, не только с коньками, велосипедом, мотоциклом, так и с книгами, и с кино, и с занятиями, и с друзьями... Пока чего-нибудь не имею — хочу, а как достигну, получу, вроде и не особенно нужно мне это, а нужно уже совсем другое.

Правда, у меня ужасный характер?»

«По-моему, у тебя вовсе не ужасный, а просто замечательный характер. Ведь не напрасно же писал великий Иван Петрович Павлов: «Жизнь только того красна и сильна, кто всю жизнь стремится к постоянно достигаемой, но никогда не достижимой цели...»

Я воспринял коньки, велосипед и мотоцикл только как примеры. Если ты и в более существенном будешь всегда идти от вершины к вершине, уверен — не пропадешь!

Только не приучайся брюзжать и жаловаться, радуйся достигнутому и спеши, спеши, спеши достигнуть большего. Тогда у тебя все и всегда будет хорошо».

* * *

«По-моему, все нормальные люди любят ходить в кино. И всем хочется зимой поиграть в хоккей, а летом погонять мячик ногами. Читать тоже полезно. А просто прогуляться по улице с ребятами разве плохо? Еще я бы с удовольствием стал ходить в радиокружок. Но где взять время?..»

«Время действительно, величайшая ценность. И не зря еще двести лет назад С. Ричардсон говорил: «Берегите время — это ткань, из которой сделана жизнь».

Чтобы, иметь свободное время, надо учиться это время беречь! Попробуй подсчитать, сколько минут ты ежедневно тратишь впустую, сложи эти минуты и увидишь — пропадают часы. Каждый день несколько часов.

Педагог В. Сухомлинский рекомендовал ребятам вставать в пять часов утра, тридцать минут тратить на зарядку, умывание, завтрак и готовить уроки до школы. По его наблюдению, за два утренних часа ребята успевают больше, чем за четыре вечерних.

При таком распорядке жизни время после школы и до девяти вечера оставалось свободным.

Пожалуйста, занимайтесь спортом, читайте, ходите в кино, словом, живите в свое удовольствие.

Без привычки вставать рано и ложиться рано, конечно, трудно. Но человек силен и может приучить себя ко всему».

* * *

«В этом году я столько занималась, столько занималась, столько запомнила всего, что боюсь: как бы у меня память не кончилась. Мне ведь до 10-го класса еще два года надо учиться...»

«Не волнуйся, хватит тебе памяти и на десятилетку и дальше. Вот послушай ученого психолога Томаса де Квинци: «Чем больше мы обременяем нашу память, тем более она боеспособна и сильна. И наоборот: способность запоминать хиреет, если мы не упражняем ее».

Возможно, у того, кто знакомится с этой книгой, возникнет вопрос: а почему, рассказывая о переписке с читателями, автор постоянно приводит истории не совсем, что ли, обычные, во всяком случае не повседневные? Действительно. Ведь не так уж и часто случается, чтобы подлец-десятиклассник набрасывался с кулаками на ученика пятого класса. Трудно предположить, что нормальные школьники станут писать про своих учителей (хотя бы и латинскими буквами) — «Мария Павловна — дура». Да много ли найдется на свете Тань, которые пожалуются на отца-пропойцу незнакомому человеку?

Отвечаю. Я совершенно умышленно не привожу писем, в которых мои юные друзья делятся своими радостями — рассказывают об удачных туристских походах, о спортивных достижениях, о встречах с умными, интересными людьми, о прочитанных книгах и так далее и так далее. Таких писем, назовем их условно благополучными, куда больше, чем писем неблагополучных, и все-таки я убежден — постоянным широким кругом читателей должны стать в первую очередь те послания, которые, на мой взгляд, не могут не вызывать тревоги, беспокойства, которые заставляют задумываться и попристальнее вглядываться в жизнь.

Трудный случай всегда напоминает болезнь. И если мы хотим жить в действительно здоровом обществе, всем нам совершенно необходимо уметь лечить разные болезни, в том числе и редкие, уметь их вовремя распознавать, уметь принимать против них предупредительные меры. Ведь сладить с любым недугом в единичном проявлении всегда легче, чем бороться с эпидемией.

Как видите, я ничего не скрываю — цель моей книги прежде всего профилактическая. При этом я вовсе не думаю, что, поделившись с читателями десятью-пятнадцатью жизненными историями, случившимися с его сверстниками, я смогу избавить целое поколение от всех ошибок, промахов, заблуждений. Но если хоть кому-то из читателей пригодятся эти заметки, если, как говорится, они хоть кому-то послужат добрым уроком, я буду считать, что не зря писал эту книгу. Когда речь идет о человеческих судьбах, о делах душевных, мне думается, что не может и не должно быть речи о величине коэффициента полезного действия. И один процент — великое дело, если, скажем, этот процент показывает снижение преступности или увеличение счастливых людей на свете.

А теперь очередное письмо. Автор его не мальчик. Юноша. Молодой рабочий механического завода.

«Недавно у нас в городе произошла кошмарная история. Двое бандитов, говорят, рецидивистов, напали на девушку. Пытались ограбить.

Дело было вечером, в темном переулке, но недалеко от остановки трамвая. Девушка подняла крик. Крик этот наверняка слышали многие, так как от остановки она отошла совсем мало — каких-нибудь пятьдесят или семьдесят метров. Но на помощь ей кинулось всего один человек.

Ему было только шестнадцать лет.

Да, было. Его уже нет. Бандиты убили парня. Убили ударом ножа в грудь.

Девушка убежала.

Вот уже вторую неделю весь город только и говорит об этой истории. Бандитов, я слышал, нашли, посадили и будут, конечно, судить. Надо думать, что мало им, сволочам, не дадут.

Но лично меня волнует сейчас другое.

Все время я думаю — а случись мне оказаться на месте того паренька, как бы я себя повел: как он или как те другие, которые слышали и делали вид, что не слышат призыва о помощи?

И еще — я никак не могу понять, почему в СССР до сих пор не уничтожены все бандиты, откуда они берутся?

Может быть, мои вопросы покажутся вам не очень умны-

ми или, может быть, вы не сумеете на них ответить, тогда извините за отнятое у вас время».

Дальше автор письма коротко рассказывал о себе, о работе, о своей общественной деятельности и еще раз извинялся за беспокойство, которое он, возможно, причиняет мне своим письмом.

Мой ответ:

«Добрый день, Георгий! Вы совершенно напрасно извиняетесь передо мной за «отнятое» время. Какой может быть разговор «об отнятом времени», когда у человека отнята жизнь. И какая жизнь — шестнадцатилетняя. Мы ведь даже предположить не можем, кого сразил в тот трагический час пьяный бандитский удар. Может быть, там, в переулке, нового Эйнштейна зарезали? Может быть, уничтожили не успевшего заявить себя Королева? И уж во всяком случае убит не один человек — убиты его нерожденные дети, его мечты, его право на творчество.

Это ужасно.

Я вполне разделяю не только ваш гнев, но и вашу тревогу.

Вы задаете в своем письме два чрезвычайно непростых вопроса. Попробуем разобраться вместе.

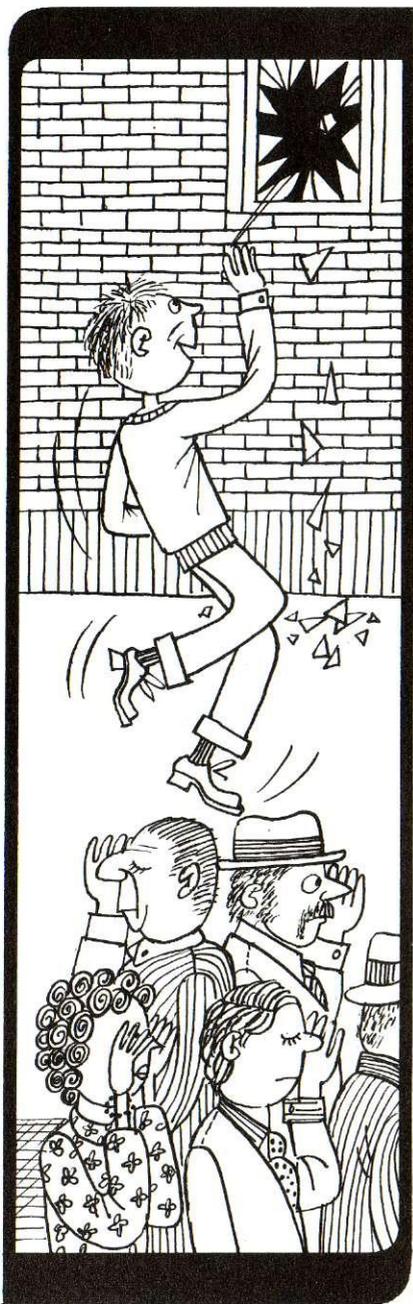
Прежде всего вас беспокоит, как бы вы поступили, окажись поблизости от места совершавшегося преступления. Надеюсь, что мой неопределенный или не совсем определенный ответ не обидит вас. Мы не знакомы, я никогда не видел вас и поэтому не вправе дать «утешающий ответ», написать что-нибудь такое: нисколько не сомневаюсь, что вы, Георгий, действовали бы как истинный комсомолец, воспитанный на лучших традициях наших молодых героев, и не раздумывая кинулись бы к месту схватки...

Думаю, что такой ответ был бы откровенным проявлением лицемерия и худшего сорта ханжества.

Не знаю, как бы вы поступили. Не знаю.

Однако ваше письмо и ваши сомнения вселяют оптимизм. И пусть вас не удивляет, что я подчеркиваю — ваши сомнения. Я не верю в бездумные подвиги. И когда такие в жизни случаются, то это скорее исключение, чем правило. Как раз то исключение, которое правила не подтверждает.

Вот уже много лет я знаю Сергея Николаевича Анохина — одного из самых выдающихся и самых отважных летчиков-испытателей нашей страны. Сергей Николаевич совершил множество великих подвигов и, смею вас уверить, ни один не был действием взрывным, импульсивным, неожиданным. По существу своему его подвиги — это блестящая, ювелирно чисто исполненная работа, это всегда предвидение, это

всегда обостренная сверх всякого предела реакция и, конечно, итог долгих тренировок, подготовки, высокого чувства ответственности.

Характерно, как бы неожиданно ни складывались условия полета, действия летчика всегда бывали осмысленными, всегда подконтрольными. И это совершенно не случайно, что один выдающийся авиационный конструктор сказал о Сергее Николаевиче:

— Больше всего меня поражает его способность все запоминать, все фиксировать, даже в самых, казалось бы, безысходных обстоятельствах...

Подвиги совершают не все и далеко не каждый день. Это естественно, естественно хотя бы потому, что не так уж часто складываются те исключительные обстоятельства, преодоление которых принято называть подвигом. Но я убежден, что в девяти случаях из десяти успех приходит к тому, кто изо дня в день готовится (чаще всего совершенно бессознательно) к своему звездному часу.

Меня несколько насторожило в вашем письме упоминание об очках, которые вы носите с детства. А что очки? Юрий Власов — в свое время самый сильный человек планеты — устанавливал свои феноменальные рекорды в очках. Сергей Николаевич Анохин, лишившийся глаза во

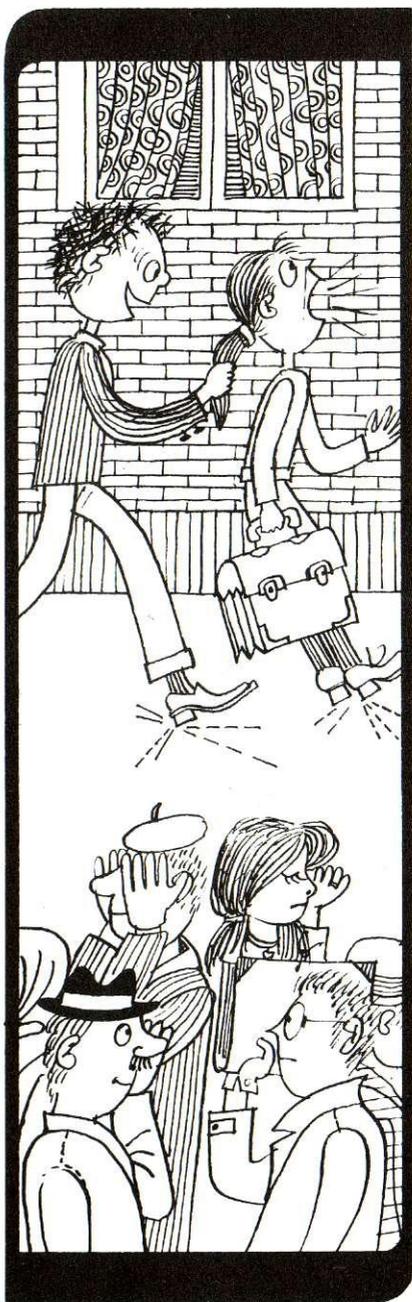
время аварии, продолжал летать и творить легенду, преодолевая обстоятельства, казавшиеся совершенно непреодолимыми. Я могу согласиться с вами, что очки не способствуют совершенно подвигам, они могут служить препятствием, так сказать, дополнительной преградой к главному поступку жизни, но я уверен, что в конечном счете никакие дефекты зрения не в состоянии укротить человеческий дух...

Понимаю, я не ответил на ваш вопрос однозначно: да или нет. Но сделать это можете только вы сами. А если вам нужен мой совет, извольте: не ждите часа испытания в бездействии. Готовьтесь. Будьте сильным, будьте честным, будьте настоящим другом людям. И хотя это еще не гарантия, что вам непременно удастся совершить подвиг, но все же это прочное обеспечение всех ваших будущих деяний — больших и малых.

Теперь второй вопрос.

«Почему в СССР до сих пор не уничтожены все бандиты, откуда они берутся?»

Когда в царской России совершилась Великая Октябрьская революция, она, эта революция, провозгласила: отныне в стране уничтожается эксплуатация человека человеком, заводы и фабрики переходят в руки рабочих, земля — в руки крестьян. Как вы прекрасно знаете,

эти обязательства Советской властью выполнены. Но никогда революция не провозглашала мгновенного уничтожения всех мерзостей, расплодившихся на земле за долгие века существования человечества; никогда революция не гарантировала законодательного создания рая в строго назначенные сроки. Чего не было, того не было.

Воровство, бандитизм и многие иные пороки, сурово караемые законами нашей страны, существуют не сами по себе. Их распространитель — всегда совершенно конкретный человек, всегда совершенно определенная личность. К сожалению, мы это слишком часто упускаем из виду. Говорим о явлении, не замечая носителя зла. Я думаю, что очень многое зависит не только от того, в каком обществе развивается данная конкретная личность, но и как общество влияет на каждую свою единицу, сколько уделяет ей, этой единице, внимания, постоянно ли печется, если можно так сказать, о ее душе.

К сожалению, ведь бывает и так: мальчишка врёт — мы проходим мимо; подросток проявляет жестокость по отношению к животному — чепуха, и тоже проходим мимо; юноша совершает мелкую подлость — успокаиваем себя: это же не преступление, и вообще он первый раз оступился... А потом нас вдруг охватывают ужас и возмущение, когда мы лицом к лицу сталкиваемся с деянием, предусмотренным уголовным кодексом.

То, что я пишу здесь, мое личное мнение, несколько не претендующее на глубину и научную обоснованность жизненных наблюдений. Я убежден — никакие, даже самые страстные, самые лучшие слова не могут искоренить преступность, и одних благоприятных объективных условий для этого мало, и карающая рука правосудия вовсе не единственная, а всего лишь последняя, крайняя и самая печальная мера в борьбе со злом. Пока все мы, миллионы людей, не примем на себя личную ответственность за каждое, даже мелкое, отступление от норм нашей жизни, морали, этики, пока не создадим условий абсолютной нетерпимости вокруг всего чуждого нам — преступления не отомрут, не исчезнут.

СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ ● СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ ● СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ

СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ • СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ • СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ

«Скажите, а может быть так: считается человек самым обыкновенным: никакой не замечательный, никакой не выдающийся, а потом — бац! — и совершил подвиг?»

«Все может быть, кроме «бац». Как бы стремительно ни совершался сам подвиг, готовность к нему зреет долго, медленно, исподволь».

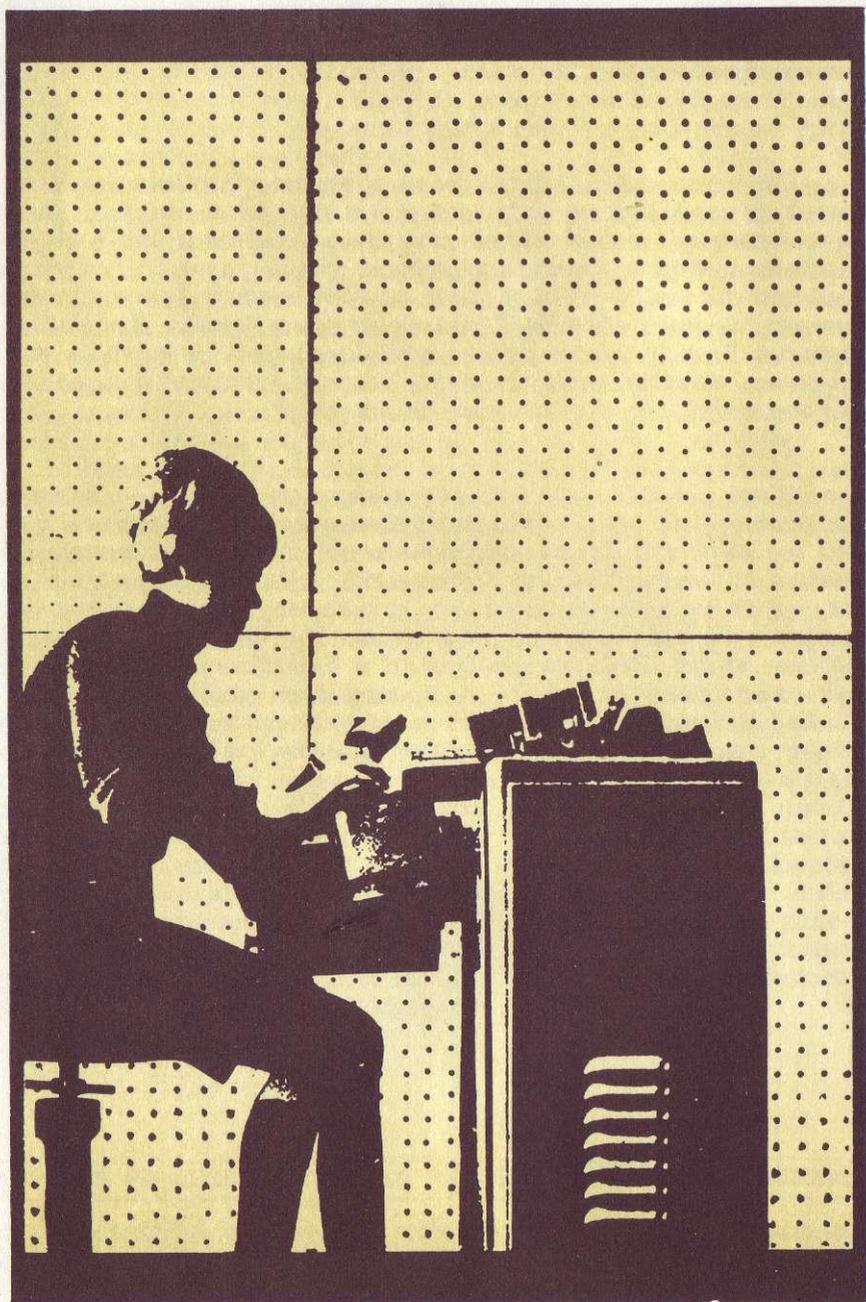
* * *

π

«Не знаю, хорошо ли об этом говорить, особенно постороннему человеку, но я думаю, что в письме — ничего, все-таки можно. Я много всякой литературы читаю и в первую очередь выбираю книги про героев, про разные подвиги, особенно на войне. Есть у меня самые любимые герои, например, летчик, трижды, Герой Советского Союза Иван Никитович Кожедуб, есть просто любимые герои. Я читаю и все стараюсь понять: почему один человек может совершить подвиг, а другой, хотя и хочет, не может...»

«Смею верить, что хочется совершить подвиг — далеко не главное для того, чтобы его действительно совершить. А что же главное? По мнению одного из самых талантливых советских поэтов, Михаила Светлова: «Подвиг может и не совершиться. Важно только, чтобы ты к нему все время готовился». Мне кажется, это очень верная мысль. Ведь хочется можно и бездействуя, а вот готовиться и ничего не делать — практически, невозможно.

Воспитывай себя, закаляй характер, тренируй тело, и тогда, если сложится благоприятная обстановка, ты непременно окажешься на высоте».

Открытка была нарядная — в бело-розовой кайме, с синим типографским клеймом «АВИА». Открытка прилетела издалека, из самой середины Сибири. Четкий, аккуратный почерк, правильное соединение букв — стоит только взглянуть я сразу скажешь: писала ученица старшего класса. Так пишут только девочки, только взрослые девочки, те, что раньше именовались барышнями.

Если не считать адреса, обращения и подписи, весь текст занимал неполных две строки:

«Есть ли у Вас дочка? Разрешаете ли Вы ей носить короткую юбку?»

Признаться, я улыбнулся и самым что ни на есть бездумным образом черкнул на аналогичной почтовой карточке: «Есть. Разрешаю».

Мне казалось в тот момент, что, ответив по существу, я сделал именно то, чего ждала моя неизвестная корреспондентка. Но не тут-то было!..

Спустя некоторое время из Сибири пришло толстое письмо, начертанное уже знакомым сверхакуратным почерком. Письмо было полно пафоса. Пестрело сдвоенными и даже строенными восклицательными знаками и содержало совершенно неожиданные далеко идущие обобщения.

«Все говорят о полной свободе личности в нашем обществе, а на деле даже из-

за модной юбки чуть выше колена устраивают форменную обструкцию! И родители и учителя буквально сживают меня со света...»

Честно говоря, я даже опешил: в моем сознании столь несоизмеримые понятия: свобода личности и... модная юбка как-то плохо укладывались в один ряд. Однако это было еще не все. Далеко не все!

«Назовите мне закон, на основании которого мне могут запрещать одеваться так, как я хочу, как считаю нужным и правильным. Есть такой закон?»

«Вот, черт возьми, — подумал я, — неужели можно ставить закон и моду на одну доску?» Но и это было не все!

«Разве может, имеет право какое-нибудь должностное лицо, пусть даже очень ответственное, предписывать мне, какую можно, а какую нельзя носить прическу? И вообще, кто, кроме меня самой, смеет распоряжаться моей внешностью?»

В письме содержалось еще немало столь же возмущенных, столь же пафосных и столь же категорических вопросов. Кажется, я вызвал огонь на себя, хотя был совершенно неповинен в огорчениях моей корреспондентки.

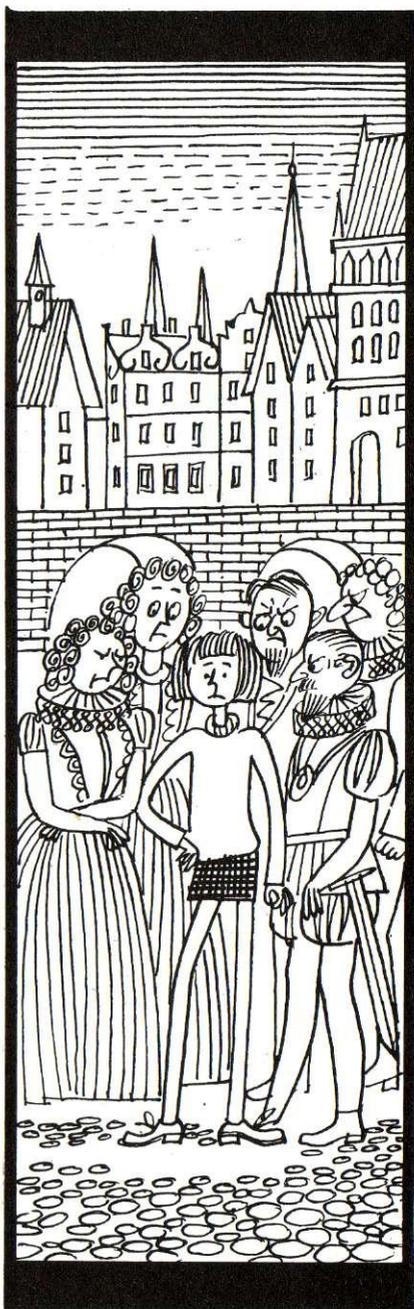
Обстоятельства сложились так, что ответить разгневанной девушке сразу я не сумел. А к тому времени, когда собрался писать, получил

еще одно письмо из Сибири. Оно было написано не столь четким, отнюдь не ученическим почерком, и автором послания оказалась мама девушки.

Мама сообщала мне, что я «опасный и растленный тип, если разрешаю своей дочери сверкать голыми коленками и вообще одеваться, как ей вздумается». К тому же мои прегрешения, на взгляд мамы, увеличивались еще и тем, что я позволяю себе вмешиваться в дела чужих несовершеннолетних детей. Женщина, не шадя бумаги и времени, стыдила меня истоиво и убежденно. В заключение я узнал также, что мама будет на меня жаловаться «куда следует».

Откровенно говоря, письмо меня не обрадовало, хотя и не особенно огорчило: в конце концов каждый отстаивает свою правоту доступными ему средствами.

Смутила одна мысль: «Моей дочери шестнадцать лет. И пока что она, слава богу, знает только единственную заботу в жизни — учиться! Я не требую, чтобы она работала, приносила в дом хоть какие-то деньги, пока не закончит образования. Хотя ее образование дается мне не даром! Я всегда говорю ей: выйдешь в самостоятельную жизнь, будешь из своих рук хлеб есть, тогда, пожалуйста, одевайся, как хочешь, и живи, как считаешь правильным. А пока я

тебя кормлю, изволь считаться. Может быть, я не права, по-вашему?»

Да, кажется, я поторопился с ответом. Вероятно, не следовало столь легкомысленно отвечать на коротенькую открытку, показавшуюся мне прежде всего забавной.

В своей шестнадцатилетней запальчивости Лида (так звали мою корреспондентку) соединила понятия несоединимые. Это так. И это не вызывало у меня ни малейшего сомнения. Нельзя, конечно, всерьез толковать об ущемлении свободы личности, ссылаясь в качестве довода, подтверждающего «ущемление», на дозволенную длину юбки. Но виновата ли девушка? Говорил ли кто-нибудь с ней о серьезных вещах не назидательным языком учебника, не категорическим плакатным призывом, а так, запросто, от души?

Мне кажется, что свобода личности определяется прежде всего правом независимо мыслить, самостоятельно избирать жизненную судьбу, соглашаясь при этом со своими убеждениями, склонностями, желаниями, а не с имущественным положением родителей, например.

Словом, свобода личности — понятие достаточно крупное, достаточно фундаментальное. А каприз моды — явление, как известно, быстротекущее, меняющееся от сезона к сезону и хотя бы по одному этому никак не может быть вознесено на столь значительную принципиальную высоту.

Не знаю, в какой форме было высказано Лиде родительское (и, видимо, не только родительское) неудовольствие. Допускаю, что выражения не напоминали парламентские, возможно, они прозвучали обидно, и если это так, то тут я готов вступить за свою корреспондентку.

Пусть человек сто раз не прав, и все-таки никакая неправота одного не дает основания другому (или другим) осуждать оскорбляя. И все-таки форма, на мой взгляд, не главное в произошедшем конфликте.

Между строк двух разгневанных писем я читаю вот что: девушка требует неограниченной свободы действий, ссылаясь на «права» и «закон». И вот тут-то мне хочется сказать ей: «Милая Лида, жить в обществе и быть свободным от общества невозможно. Нравится тебе такое положение или нет — ровно никакого значения не имеет. Так есть и так будет. И учти, обязательно прими это к сведению — каждое общество, в том числе и наше, социалистическое, устанавливает, кроме писаных законов, еще и определенные нормы поведения, известные ограничения для своих членов. То, что мы называем неписаными законами.

Вы учили историю и не хуже меня знаете: когда-то, в первобытном обществе, все люди ходили голыми или едва

прикрытыми звериными шкурами. Это считалось естественным, нормальным. Однако я не думаю, что, встретив на улице голого человека сегодня даже в очень жаркий августовский день, вы сочли бы его психически здоровым.

Обращаю ваше внимание: ни в каких законах, ни в каких официальных документах не указано, во что гражданам следует одеваться или до какой степени им разрешается оголяться. И все-таки...

Позволю себе привести другой пример.

Вино свободно продается в магазинах. Вино для взрослых людей не запрещенный продукт, и норм на употребление вина нет. Однако человек, доводящий себя с помощью этого самого официально разрешенного вина до скотского состояния, валяющийся под ногами прохожих, теряющий людской облик, осуждается всеми разумными членами общества.

Хочешь того или не хочешь, а не считаться с нормами, установленными обществом для своих членов, невозможно.

Всякий закон предполагает не только права, но еще и обязанности, налагаемые на человека.

Скажем, если личная собственность граждан охраняется законом, то этим же самым законом карается всякое покушение на имущество членов общества. Это положение очевидно. Но всегда ли мы, постоянно утверждаясь в своих правах, бываем так же последовательны, когда речь заходит о наших обязанностях?»

Мне кажется, что мать Лиды рассуждает совершенно справедливо, когда говорит: «Пока я тебя кормлю (надо понимать, содержу. — А. М.), изволь считаться».

Пусть такое утверждение не относится к извлечениям из писанных законов, пусть оно определено практикой жизненных взаимоотношений, традицией, семейным укладом, все равно в нем есть и своя логика, и справедливость, и смысл, и, наконец, мудрость.

Нет. Я вовсе не собираюсь подвести этот разговор к тому, чтобы доказать: родители всегда правы! Не всегда и не обязательно во всем бывают правы родители, требующие от своих детей безусловного подчинения. Родители тоже люди и, как все люди на свете, могут совершать ошибки, промахи, принимать не лучшие решения.

И все-таки... все-таки нельзя только брать у взрослых, не отдавая им ничего взамен.

Меркантилизм (то есть расчетливость) не должен быть в нашей жизни определяющей чертой, ведущим понятием. Но делать вид, что между детьми и родителями вообще не существует материальной зависимости, денежных связей, то-

же, мне думается, неправильно. Особенно когда речь идет о взрослых ребятах, а не детсадовцах.

Что такое рубль, истраченный на тебя? Бумажка, блестящая кругляшка? Нет. Рубль — это частица труда, соленый пот, пусть крошечная доля, но все-таки доля ушедшей жизни. И это надо понимать. Об этом надо помнить.

Пусть ты не вырос еще настолько, чтобы зарабатывать самостоятельно, пусть у тебя нет ни своих рублей, ни даже своих копеек. Но это не исключает, если можно так выразиться, другие формы «расчета».

Плати за труд — трудом, за внимание — вниманием, за заботу — заботой. Это самая необременительная форма «взаимного расчета», кстати сказать, смолоду приучающая человека к уважению чужого труда, воспитывающая исподволь, незаметно понятие истинной чести.

Вот видите, как иногда случается: разговор наш начался с пустяка — с длины юбки, а ушел весьма далеко в сторону. Впрочем, в этом нет решительно ничего странного: в жизни все, абсолютно все взаимосвязано. И об этом, мне кажется, надо почаще думать.

Права не могут существовать без обязанностей. И **всякая** неисполненная обязанность — неоплаченный долг.

Свободу нельзя получать в подарок. И тем более требовать в качестве подарка. Свободу надо завоевать трудом, собственными усилиями, ценой жертв — иногда больших, иногда меньших. В известных случаях тут не обойтись без компромиссов. Вероятно, именно Лиде следовало бы рассчитывать за материнские заботы прибавлением нескольких сантиметров длины юбки, а мода, что ж, мода — это дым, придет и уйдет, появится и исчезнет...

СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ ● СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ ● СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ

«Тысячу раз в день, а может быть, даже миллион раз в месяц мне говорят: ты должна гулять, ты должна помогать бабушке, ты должна ходить на музыку, ты должна больше читать, ты должна, должна, должна! Все я должна.»

«А если я не могу, не успеваю, просто не хочу чего-нибудь делать, тогда как быть?»

«Превосходная степень» от «должна» — обязана. Ясно? Вот для начала и отбери те требования, которые ты не просто должна, а обязана исполнять. И ориентируйся на родо-

вой девиз Суворова. Этот девиз звучал так: «Обязан — значит могу». Ну а в оставшееся время исполняй, что должна, отбирая в первую очередь наиболее важные дела.

И не вешай носа! Человек может во много раз больше, чем предполагает. Это проверено опытом, подтверждено наукой и тысячи раз наглядно доказано на войне».

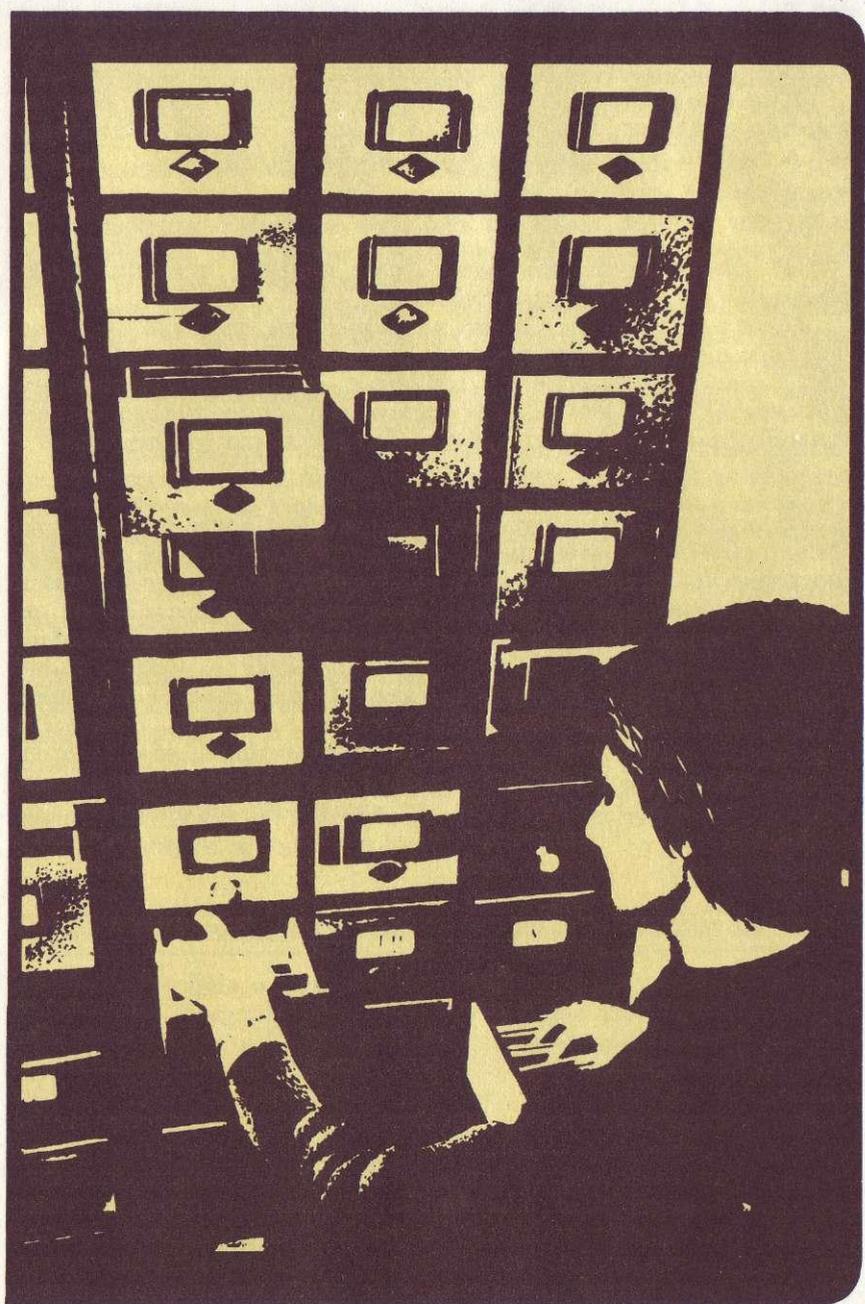
* * *

«Я люблю старшего брата даже больше, чем малиновое варенье...» — это из одного письма.

А это из другого: «Никто не спорит, он, конечно, хорошо учится и его всюду выставляют напоказ. Если какой-нибудь сбор с гостями или большое собрание — он всегда главный. Понимаете? И он радуется и воображает, будто на самом деле самый главный на всем свете. За это я его ненавижу».

«Дорогие ребята, я охотно могу понять ваши чувства — и вашу любовь и вашу ненависть. Только об одном прошу: поосторожней со словами, пожалуйста. Когда человек пишет, что он любит другого человека «больше, чем малиновое варенье», серьезная и, вероятно, откровенная мысль звучит фразой из анекдота. И стоит ли могучее понятие — ненависть — прятать на обыкновенного пошляка? Может быть, с него хватит презрения?..

Великолепнейший художник, остроумный и едкий карикатурист Борис Ефимов сказал однажды: «Не надо идти на слона с булавкой и стрелять из пушки по воробьям...»

Это случается не часто, но все же случается: открываю конверт, вытаскиваю сложенные вчетверо листки, а там — стихи. И всегда в таких случаях я настораживаюсь. Спросите: почему? Отвечу: потому что выучен!

Однажды молодой человек из прекрасного города Львова прислал мне жалостливое письмо страниц на десяти или даже двенадцати. Смысл его горестного послания в конце концов сводился к тому, что трудно жить никем не признанным, всеми осмеянным.

В чем дело — почему непризнанным, почему осмеянным? Оказывается, он пишет стихи, а его никто не хочет считать поэтом. А не писать стихов он, этот молодой человек, не может, ибо жизнь для него «в поэзии, только в поэзии, единственно в поэзии».

Должен особо подчеркнуть: юноша не просил составить ему протекцию в журнале или похлопотать в редакции газеты, нет! Вообще о публикации его произведений не было и речи. Как бы между прочим, вскользь, он замечал: «И, пожалуйста, не удивляйтесь, что с этим письмом я обращаюсь к Вам. Знаю — Вы стихов не пишете. Но, говорят, Вы отзывчивый человек и, раз сами не поэт, значит, наверняка не позавидуете мне, не оттолкнете, как возможного «конкурента», а оцените по совести и, надеюсь, откликнетесь...»

«Я не могу ответить человеку: «Н. сказал, что ваши стихи талантливы. Продолжайте. Пишите...»

И тогда я показал стихи другому, еще более видному поэту.

— Лихо. Отличные стихи! Но что с ними делать? «Радость — что сахар... сладко, да тошно!» — повторил он задумчиво. — Сомнительная, пожалуй, мыслишка. Ты-то сам как полагаешь, старик? И потом — горе — море... Тоже не ах в смысле рифмочки. А?..

Я показал стихи старому редактору, перелопатившему на своем веку чуть не всю нашу поэзию — от Пушкина до Ваншенкина.

Человек этот, умный, доброжелательный, как я знал, сослужил неблагодарную штурманскую службу не одному десятку начинающих поэтов. Он прочел, грустно вздохнул, покивал седеющей головой и словно вылил на меня ушат холодной воды:

— Марина Цветаева. Стихи 1918 года...

Я проверил. Да — Марина Цветаева. «Избранные произведения», страница 139.

И тогда я написал во Львов:

«Вы прислали мне стихи Марины Цветаевой. Разрешите узнать — для чего? Проверить мою поэтическую эрудицию? Если с этой целью, можете радоваться, подлинного автора установил не я. Мне стыдно, но что поделать — всю поэзию в голове не удержишь.

Может быть, вы думали, что я посодействую опубликованию этих стихов под Вашим именем? Но известно ли Вам, что публикация чужих литературных произведений называется плагиатом, а проще — литературным воровством и преследуется законом? Если так, то скажите: порядочно ли было впутывать меня в такую аферу? Впрочем, тут дело не во мне. Подумайте хорошенько, тот ли путь Вы избираете в жизни?»

Вот с тех пор на стихи, присылаемые в письмах, я гляжу с некоторой опаской.

А это письмо начиналось так:

Солнечные мальчики
прыгали, как зайчики —
все кругом да около,
пока гроза не слопала.

«Правда, я, наверное, полная дура, что хвастаюсь такими стихами? Надо мной и так уже все смеются: тоже, поэт! Вера Инбер! А я все равно пишу. Мне нравится. Просто так нравится. И пусть я никакая не Вера Инбер, не надо. Разве люди

не поют для собственного удовольствия? Поют! И никто же не говорит человеку, если он для себя поет: «Эй ты, Шаляпин!»

Мне было весело, и я сочинила про мальчиков и зайчиков, а в другой раз я была на вокзале и увидела там девочку. Она приехала откуда-то, а ее никто не встретил, и тогда у меня получились такие стихи:

Маленькая девочка в вагоне
плачет, нос расплющив об стекло,
нету мамы, нету на перроне,
на перроне нету никого...

Дальше еще было кое-что, но это неважно. Собиралась я вам совсем про Другое написать.

Мы живем в Ялте. Знаете Ялту? Красота тут, особенно весной. Наш дом недалеко от дома Чехова, только вниз — ближе к морю. Мы живем хорошо и все дружим между собой — папа, мама, сестра и я. Мама над моими стихами не смеется. Папа — только иногда. А Катюшка — сестра — сама тоже любит сочинять и про море и про горы. Когда никто не слышит, она свои стихи распевает на разные мотивы.

Мама у нас очень хорошая. Только у нее очень странная привычка. Она всех на свете людей (и даже животных) делит на порядочных и непорядочных.

Например, наша соседка Софья Владимировна, которая учит ребят музыке, чудачка и жуткая неряха, очень «порядочная женщина»; дядя Гаврик, по-настоящему его зовут Гавриил Остапович, он работает в порту, тоже «порядочный человек», даже «очень порядочный»; а вот Мария Семеновна, мамина начальница (наша мама медицинская сестра), совсем даже «непорядочный человек», хотя и имеет высшее образование.

Я сто раз маму спрашивала, как она отличает «порядочных» от «непорядочных», и она мне сто раз объясняла, только я все равно не очень ее понимаю.

Вот в прошлую субботу мы ходили в гости к дяде Гаврику, и мама сказала, что я вела себя не очень «по-порядочному», а вообще она считает меня вполне «порядочным ребенком».

Получается как-то чудно: выходит, один человек может быть то таким, то другим.

Вчера я взяла словарь (меня папа еще давно научил непонятные вещи в словаре находить), а там написано: «порядочный человек, любитель порядка или ведущий, держащий себя изрядно, прилично, как должно». Каждое слово по отдельности вроде бы ясное, а все вместе — не очень.

Если вам не трудно и если вы знаете, как правильно понимать, какой человек порядочный, а какой нет, пожалуйста, напишите мне».

До чего ж милая мордаха выглядывает из этого письма. Наверное, озорная, бойкая, заляпанная ржавыми веснушками, и косички, мне кажется, должны торчать у нее рожками. И выдумщица. Взяла вот и солнечных зайчиков переделала в солнечных мальчиков...

Что такое порядочный человек, ее интересует? Сейчас, с большим удовольствием. И пишу с размаха:

«Милая Ксюша, с радостью отвечаю на твое письмо. Порядочный человек — это...» И тут что-то останавливает мою руку. Оказывается, ответить на вопрос совсем не так просто, как мне показалось в первый момент.

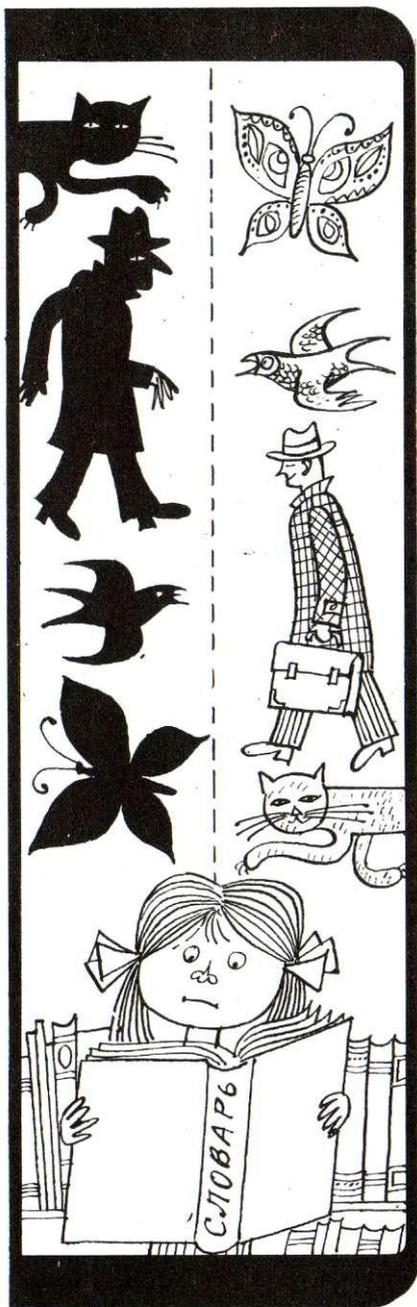
В словаре сказано: любящий порядок, а что это значит? Или что значит «держаший себя, как должно»? Есть ли тут универсальные нормы, так сказать, нормы на все случаи жизни? Едва ли. И потом — очень многое ведь зависит от точки зрения того, кто оценивает поведение человека.

В далеком индийском порту мне рассказывал о своем сыне местный инженер-механик: «Сообразительный, умный, деловой мальчик у меня растет. Купил ему марки за пятнадцать рупий, оглянуться не успел — нет марок! Спрашиваю: «Где?» И что ж вы думаете? Не моргнув глазом отвечает: «Продал». — «Кому?» — «Мальчишке из нашего класса». — «Зачем?» — «Пристал: продай, продай. Я и продал за тридцать пять рупий...» Представляете?!» — В голосе инженера-механика звучало нескрываемое ликование. Этакое «знай наших!» А я смутился. Проверни такую операцию мой сын, я вряд ли б обрадовался и уж, во всяком случае, не стал бы рассказывать о его «подвиге» едва знакомому человеку...

Да-а, представление о порядочности не такое простое, как может показаться на первый взгляд.

Надо думать, что контролеру метрополитена (с узкопрофессиональной точки зрения) самыми порядочными людьми на свете кажутся пассажиры, строго соблюдающие правила «подземного царства». А то, что эти же самые пассажиры могут быть жуликами, взяточниками, обманщиками, худшими из людей на свете — это «не по его части...». Конечно, я утрирую, но, думаю, это преувеличение поможет тебе схватить суть...

Миллионам обездоленных крепостных крестьян Емельян Иванович Пугачев представлялся заступником, народным вождем, наипорядочнейшим человеком. А в официальных правительственных актах той далекой поры сказано: «вор и смутьян Емелька...»

Выходит, универсальной оценки порядочности нет и быть не может. В основе это оценка всегда должностная, сословная, классовая.

Обыватель, мещанин, живущий интересами своего крохотного мирка, исправно посещающий церковь, не смеющий помышлять об изменении устройства жизни, тот самый обыватель, которого так люто ненавидел Горький, девизом своим провозглашал: что бы ни случилось в мире, «моя хата с краю, я ничего не знаю». Так вот этот самый обыватель казался сильным мира сего вполне порядочным подданным — он не бунтовал, не требовал ничего, иногда только ворчал, и то потихонечку. Но трудно предположить, чтобы обывателя мог уважать человек, вступивший в борьбу с социальной несправедливостью. Пусть даже обыватель сохранял на каких-то исторических отрезках строгий нейтралитет, пусть никак не проявлял своей враждебности, все равно в представлении атакующего класса первое и необходимое условие доверия, признания порядочности — участие в борьбе...

Черт возьми, я, кажется, зафилософствовался и меня увело в сторону, а симпатичной девчужке из Ялты нужен простой, очень житейский совет: как отличить хорошее от плохого, как не спутать порядочного человека с непорядочным...

дочным не в «мировом» масштабе, а в повседневности, в отношениях с подругами, с родителями, с окружающими.

Слушай, Ксюша, что я тебе советую: если ты, сталкиваясь с товарищами, сверстниками, старшими, будешь стоять на позиции — никогда не позволять себе по отношению к другим того, чего бы ты не хотела, чтобы другие позволяли по отношению к тебе, полагаю, что все будет в порядке. Такая позиция надежно обеспечит тебе прочное звание вполне порядочного человека.

Не думаю, чтобы тебе нравилось, когда кто-то тебя обманывает. Значит — не обманывай других.

Вероятно, ты предпочитаешь вежливое обращение невежливому. Значит — не хами сама.

Думаю, что прямота и откровенность в отношениях кажутся тебе привлекательнее, чем притворство и всякие «фокусы». Значит — не юли, не жеманься, не напускай на себя тумана...

Возможно, мой ответ не исчерпывает тему до конца, но я думаю: в практических, повседневных целях этого вполне достаточно для того, чтобы избежать многих нареканий и, главное, самой сознавать — я держусь, как надо!

СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ ● СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ ● СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ

«Большая просьба: не можете ли вы объяснить, только коротко и точно, что такое совесть? А то мне девочки часто говорят, что я бессовестная. Но мне кажется, что сами они не понимают, что такое совесть, а просто ругаются...»

«Попробую объяснить коротко и точно.

Мне кажется, если ты знаешь совершенно точно: никто не увидит добра (или зла), никто никогда не узнает — и все равно делаешь (или не делаешь) чего-то, значит, у тебя совесть есть.

Объяснить короче не могу, точнее — тоже».

* * *

«Скажите, а что из написанного Жюлем Верном Вам нравится больше всего?»

«Вот это: «На свете нет ничего лучше путешествий».

Далеко-далеко за морями и океаном, по соседству с глухими, непроходимыми джунглями, отгороженный от большого мира бездорожьем, горячими, все иссушающими ветрами, религиозной дикостью, притаился крошечный городок.

Сюда, в этот чужой городок, жалкий и скучный, занесла меня беспокойная, кочевая судьба. Было это лет пятнадцать назад, но помню все необыкновенно отчетливо.

Помню и медленно шествовавших буйволов, впряженных в двухколесные повозки, и неподвижные лица мужчин, будто высеченные из светло-желтого гладкого камня, и женщин — вовсе без лиц (если женщины и появлялись изредка на улице, то они были упакованы в фантастические одежды, больше всего походившие на саваны). Все было непонятным в этом городке, непривычным, чужим. И зной, и солоноватый противный вкус несвежей воды, и одуряющий запах горелого масла, на котором прямо на улице день и ночь жарилась неведомая еда... Я присматривался к чужой жизни, и мне казалось — это вовсе не жизнь, а какая-то сонная одурь, какая-то затянувшаяся, безысходная болезнь.

Мне обещали показать одну из главных местных достопримечательностей — святого старца, мудреца и прорицателя. И показали.

Перед небольшой, довольно жалкой хижинкой на невысоком бамбуковом помосте, устланном циновкой, сидел высушенный человечек с лицом-маской. Был он отрешенный, нездешний.

То и дело к человечку этому подходили какие-то люди, произносили какие-то слова, сгибались в низких поклонах. Мне кажется, людей он не видел, слов их не слышал, да и не старался расслышать. Медленно раскачиваясь из стороны в сторону, старик что-то шептал, шептал, шептал...

— Что он шепчет? — спросил я своего сопровождающего. И тот с готовностью пояснил:

— Учит! Вот тому высокому и худому не велел выдавать замуж младшую дочь. Обещал: будет другой жених — богаче. Сказал: богатый придет, когда сменится луна... А старику в зеленых одеждах нагадал скорые вести от сына... Теперь он говорит, что тот, кто собирается ложиться в больницу и просит его совета, недостоин стоять здесь. Потому что все в руках бога. И надо молиться, а не бегать к врачам, которые ничего не могут...

Сначала мне сделалось скучно. Тоска стала душить, словно накинутый на шею аркан.

Потом по сердцу полоснуло кинжальной жалостью. Жалко было этих обездоленных, иссушенных тяжелой жизнью людей, что с благоговейным вниманием слушали старого шарлатана.

А потом... потом я испытал страх.

Нет, лично мне ничего не угрожало. Просто приглядевшись повнимательнее к «мудрецу», я вдруг совершенно отчетливо ощутил: да плевать ему на весь мир — на людей, на их заботы, на их тревоги, страдания, сомнения, радости, на все ему плевать. Старик олицетворял собой безразличие. Понимаете? Безразличие с самой большой буквы.

И то, что он своим дурацким бормотанием давал кому-то наставления, лишавшие человека надежды, опрокидывающие даже намек на счастье, то, что он кого-то, может быть, вел просто в могилу — повторяю, на все это ему было наплевать.

Кажется, именно тогда, за морями и океаном, в жалком и скучном азиатском городке, исхлестанном горячими ветрами, отгороженном от большого мира, я подумал: все, что угодно, но только не безразличие.

Это была, как говорится, присказка, возможно, правда, больше похожая на дурную сказку, но все-таки — присказка. А главная история — впереди.

Сереза дружил слевой. Дружили ребята долго — больше трех лет. (Три года из двенадцати, прожитых на свете, — срок серьезный. Как ни крути — четверть жизни. А если еще

отбросить сосунковый период, то даже больше.) Дружили, дружили и поссорились.

В результате — письмо Сережи, подробно рассказывающее о том, как было дело.

«Я всегда говорил и всегда буду говорить: Левка хороший парень. Он настоящий товарищ. Ни на кого ни за что не накапает. И поможет всегда с удовольствием. И списать даст, если видит, что не успел сам. И не жадный он нисколечки. И на лыжах здорово катается. И много чего сделать умеет, ну там починить чего или вообще. И не строит из себя и не выставляется, как некоторые. Кто — не буду писать!

А поссорились мы не сразу.

Сначала было так: мне Квашня съездил, чуть нос не своротил. Левка, когда мы подрались, Квашню от меня оттаскивал, это правда, а потом взял да и сказал:

— Зря ты Квашне сказал, что он дурак.

— А он что же, по-твоему, умный, да? — спросил я.

— Квашня — дурак настоящий, и про это все ребята знают. Факт. Но для чего ты ему об этом говорил, раз он тебя не спрашивал?..

Тогда мы с ним немножко поссорились.

А потом я полез заступаться за Вальку Сапарова, и мне снова досталось: сначала от Квашни, а потом еще и от классной руководительницы. Она ни в чем разбираться не стала, а всем в дневники катанула одинаково: «Дрались после уроков».

И Левка опять заныл:

— Сам виноват, чего лез? Валька тебя просил? Не просил. И так у тебя всегда получается — тебе больше всех надо!

И мы еще поссорились.

Ну ладно, всего я писать не буду, а то может никакой бумаги не хватить. Скажу вообще. Левка считает: никуда не лезь, пока тебя не попросят, не пригласят. А я считаю не так, и даже совсем наоборот.

Вот я иду, например, и вижу, тонет пацан в воде. Что ж, мне стоять и думать — лезть или не лезть? А если он меня не зовет только потому, что так наглотался — «мама» выговорить не может?

И кто же, по-вашему, прав — Левка или я?

Или возьмем совсем другое дело: Квашня врет про одну хорошую девчонку такое, что даже написать нельзя. Все стоят, уши развесили и слушают. Правильно, у меня никто не спрашивает: «А ты чего, Серега, про это думаешь?» И мне, значит, молчать?

У меня есть один большой недостаток, про который я сам хорошо знаю, — маленький рост. И чего я только не делал:

и по полчаса на руках висел, и без подушки, спал, и сырую капусту грыз, а все равно не расту. То есть расту, но медленно.

Так Левка мне тысячу раз, наверное, говорил:

— Куда лезешь — он вон какой, я ты... — И показывает себе до коленки.

Ну а если я вообще так больше и не вырасту, мне, что ж, никогда ни во что не вмешиваться? А как же Наполеон? Маленького роста! И маршал Жуков тоже не особенно высокий. А Пушкин и вовсе на сколько меньше царя по росту был? И все они еще как во все вмешивались. Будь здоров!..»

Господи, какая великолепная каша кипела в Серрежином письме: мальчишеская драка причудливо соседствовала с вполне возможной необходимостью, спасти тонущего, имена Вальки Сапарова, Левки и Квашни переплетались на равных с именами Наполеона, маршала Жукова и Пушкина!..

Но по-настоящему меня взволновала не столько «каша», сколько огонь, на котором она кипела. Именно — огонь!

Мальчишки, продружившие четверть жизни, вероятно, оба хорошие ребята, разошлись на глубоко принципиальной основе: один считал себя обязанным вмешиваться всегда и во все; другой придерживался прямо противоположного

взгляда: не зовут — не лезь, Вот ведь про какие серьезные вещи было рассказано в письме. А кончалось послание так:

«Дядя Толя, вы только не подумайте, что я жалуюсь. Как жить, я знаю. (Счастли- вый человек Сережа. Всем бы его уверенность! — А. М.) Мне жалко, что Левка меня не понимает и не хочет слу- шать.

Пусть я еще сто раз зара- ботаю по шее, пусть меня еще двести или даже больше раз как угодно обругают — это ничего. Я говорил и все- гда буду говорить дураку, что о нем думаю. Если никто не станет ему говорить: ты ду- рак, так он всех замучает. И всегда будет лезть коман- довать. Если не доказывать правду, как же тогда можно жить по правде?

Надо, чтобы всем до все- го было дело. И не вообще, не только в разговорах или, например, на собраниях, где все правильно выступают. Этого мало. Собрание кон- чается, сбор проходит, и от слов никакого следа не остается. Дядя Толя, как мне это объяснить Левке, чтобы он понял? Я уже по-всякому пробовал, но у меня ничего не получается».

Есть вещи которые очень трудно поддаются объясне- нию словами. Вот если бы Левка мог увидеть того старика, что вмешивался в чужие судьбы, ни во что не вникая, ну, того, что я видел

за морями и океаном, может быть, тогда б дрогнула его душа, поняла, а скорее почувствовала, как страшно безразличие?

Но, увы, это не в моих силах — перенести мальчишку за тысячу миль от дому и поставить лицом к лицу с равнодушием,

И я ишу, ишу и ишу слова. Убедительные. Стреляющие. Все-таки я верю в великую силу слов, если они рождены опытом подлинной жизни.

«Не бойся врагов — в худшем случае они могут тебя убить.

Не бойся друзей — в худшем случае они могут тебя предать.

Бойся равнодушных — они не убивают и не предают, но только с их молчаливого согласия существуют на земле предательство и.убийство».

Это сказал Бруно Ясенский. Смелый человек и отличный советский писатель.

До нас, живых, эти вещие слова дошли, когда самого Ясенского давно уже не было на свете. Слова стали завещанием.

Им, этим словам, нет цены — они оплачены честной жизнью писателя.

СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ ● СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ ● СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ

«Сначала нас было трое — Гоги, Ваню и я. Нас называли мушкетерами за то, что мы хорошо и сильно дружили. А потом остались вместе только Гоги и я, а Ваню стал нам хуже врага. И все потому, что у него сделалась привычка каждую минуту говорить: ты то не так делаешь, и это — не так, и смотришь неправильно... В конце концов мы с Гоги не выдержали...»

«Может быть, вы правы, а может быть, и нет, ребята. Тут надо еще хорошенько разобраться и подумать. Один из самых умных людей на свете, Леонардо да Винчи, заметил однажды: «Противник, вскрывающий ваши ошибки, гораздо полезнее, чем друг, скрывающий их».

Подумайте еще раз, что говорил вам Ваню, и постарайтесь понять, почему он говорил.

Между прочим, даже такой властный и уверенный в себе человек, как Петр I, оставил вот это высказывание: «Я знаю, что и я подвержен погрешностям и часто ошибаюсь, и не буду на того сердиться, кто захочет в таких случаях остерегать и показывать мне мои ошибки».

* * *

«...а Витьке на все наплевать: хоть его ругают, хоть его хвалят; проиграем мы в баскет или выиграем; кто стал чемпионом — «Динамо», «Спартак», ЦСКА. Я говорю: «Ты со скуки помрешь, раз тебя ничего не интересует», — а ему и на это наплевать».

Я не могу про Витьку сказать, что он вообще плохой товарищ или подлиза, или какой-нибудь там кляузник... Он нормальный парень, только жуть какой наплевист...»

«К сожалению, я никогда не видел Витьку и поэтому не могу судить о нем — о его достоинствах и его недостатках — с достаточной точностью. Что значит Витькино «наплевать»? Может быть, оно вызвано равнодушием к окружающим — напускным или настоящим... Может быть, у Витьки душа мелковата... Такое случается. Не зря старая осетинская пословица гласит: «Большой душе большое горе».

Если «наплевизм» у Витьки напускной, это не так уж страшно — можно надеяться, с годами пройдет. А если душа мелковата, тогда беда! Эту беду никакими словами не исправишь. Тут только один шанс остается — удары судьбы. Если не сломают, возможно, выправят...»

2

$\leftarrow x$
 $\times x$
 $\Rightarrow z$
 $\leftarrow a$
 $\times t$
 $+ y$
 z

$\leftarrow a$
 $\times x$
 $+ b$
 z
 $\Rightarrow y$
no am
on

«Прежде всего просьба: очень вас прошу, не делайте обо мне сразу окончательных выводов! Я уже так увешан бирками и ярлыками, что еще одна наклейка ровным счетом ничего не прибавит.

Обо мне говорят: «Зазнай-ка» — это раз, «Много о себе понимает» — это два, «Подумаешь, какой умный нашелся» — это три, и так далее, и тому подобное.

Кто говорит? Все.

В школе мне напридумывали целый список довольно милых прозвищ. В основном меня зовут Аистом, но эта кличка из всех самая безобидная, так как произведена от фамилии — Аистов; еще величают в честь Эйнштейна Альбером (именно так — без «т». Альбер им кажется ироничнее); иногда я должен откликаться на Коперника или Лапласа, но чаще — на Кванта...

Вероятно, вы уже догадались, что столь шикарному букету прозвищ я обязан моим математическим дарованиям. Честно говоря, некоторые успехи в этой области за мной действительно числятся, хотя сам я не сравниваю себя ни с Эверистом Галуа, ни со стариком Гауссом. Просто я родился с «математической шишкой» в голове и без особой натугой преодолеваю сложности школьной программы. И только!

Из-за «шишки» или по какой-то другой причине, этого я точно не знаю, жизнь моя

протекает далеко не бесконфликтно. Не стану вводить вас в курс моих конфликтов по обычно принятой, так сказать, стандартной схеме: он сказал, я сказал, а он ответил, и тогда я сказал и т. д., и т. п. Лучше я, с вашего разрешения, попробую суммировать наиболее частые варианты и свести их в некоторое подобие общей формулы: меня постоянно упрекают за то, что «все идут не в ногу, а я один иду (или так считаю!) в ногу». Ссылки на народную мудрость — дело обычное, и нет ничего безнадежнее, чем возражать против поговорок или пословиц, вобравших в себя и т. д.

Но в данном, совершенно конкретном случае я хочу все-таки поделиться с вами обуревающим меня постоянно и совсем нешуточным сомнением.

Неужели все всегда правы только потому, что всех много, а один всегда не прав, ибо он один?

Мне представляется, что принцип простого большинства (хотя бы и абсолютного) не всегда может считаться безупречным. Ведь не стадо ведет пастуха (даже самое большое), а пастух (хотя он и один) указывает путь баранам...

Почти уверен, процентов так на восемьдесят или даже девяносто, что не получу у вас поддержки, но мне все-таки очень хотелось бы услышать ваши возражения. Настоящие возражения, а не застрявшие в зубах: «Много о себе понимает» и «Больно умный»...

С уважением Леонид Аистов».

Прочел я это письмо и прежде, чем успел задуматься, улыбнулся. В этом нахальноватом, видно, пареньке что-то определенно было! Прежде всего, Леонид писал безукоризненно грамотно. (К сожалению, я не могу сказать, что высокая грамотность моих корреспондентов — норма. Увы, это исключение.) И иронией судьба автора письма не обидела. Это тоже определенно...

Чтобы ответить Леониду «прицельно», мне очень не хватало личного с ним знакомства. Ну если бы я знал о нем хоть чуть больше, чем он сам рассказал о себе; если б мог быть до конца уверенным, что он действительно математически одаренный парень, а не простой болтун. И как мне не доставало его живой улыбки, прищура его живых глаз, чтобы понять подлинность, характер иронии, чтобы разглядеть личину под маской...

Но видеописем, к сожалению, пока еще нет и, как ни жаль, отвечать надо было «вслепую».

«Сначала о самом главном, — написал я. — Могут ли все идти не в ногу и только один в ногу? Если не понимать эту поговорку слишком буквально, слишком уж прямоли-

нейно, тогда, мне кажется, предмета для спора нет и не может быть.

Конечно, да, один-единственный человек может «идти в ногу» в то время, как тысячи людей будут только сбивать его с верного шага.

Для начала обратимся к истории.

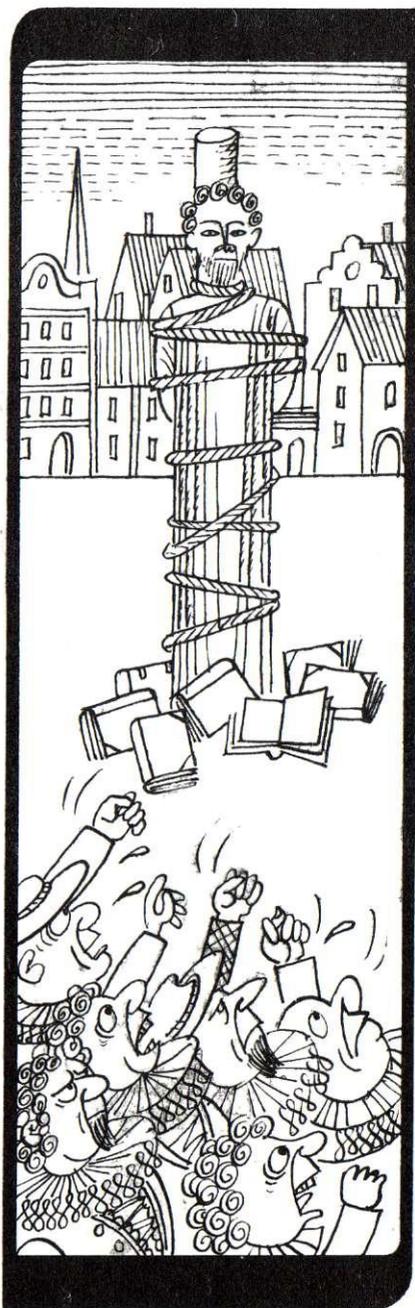
Великий Галилео Галилей, как известно теперь каждому школьнику, сказал: все свободнопадающие тела, вне зависимости от их веса, падают с одинаковой скоростью. Но тогда, когда эти слова прозвучали, они были против всех принятых понятий, против всей науки и против самого Аристотеля, чей авторитет считался абсолютным.

Что тут поднялось! Весь ученый мир переполошился. Никакие рассуждения Галилея не могли утихомирить бурю. Свою дерзкую правоту ученый отстоял опытом. Опыт известный, в нем участвовали: покосившаяся Пизанская башня, шары разного веса, сам ученый и специально созданная высокоавторитетная комиссия.

Шары разного веса упали на землю одновременно, и это дало право Галилею спросить у почтенных членов комиссии:

— Так кто ж прав, уважаемые синьоры?

Таким образом, Галилей, шагавший не в ногу со всеми, оказался именно тем человеком, который повел за собой

науку, время и в конце концов всех.

Еще один пример.

В 1894 году газета «Берлинер локальанцейгер» писала: «Если вы хотите видеть двух сумасшедших, поезжайте в Лихтерфельде. Там кое-кому захотелось летать».

Ирония была весьма примитивной, намек достаточно грубым и абсолютно прозрачным: в Лихтерфельде братья Отто и Густав Лиллиентали проводили свои опыты с планирующими аппаратами тяжелее воздуха.

Могли братья Лиллиентали подать в суд на берлинскую газету, обвинив ее борзописцев в клевете или, скажем, оскорблении? Не знаю. Вполне вероятно, что могли. Но, чтобы отстоять свое право на полет, чтобы получить признание, сначала нужно было добиться не судебного решения, а успешного полета.

Журналисты «Берлинер локальанцейгера» были уверены, что они говорят от имени всех, от имени «шагающих в ногу», но теперь-то мы точно знаем, что на самом-то деле «в ногу шагал» Отто Лиллиенталь, ценою невероятных усилий и в конце концов ценою собственной жизни проложивший человечеству путь к крыльям.

Примеры можно умножить. Можно их укрупнить, можно и уменьшить. Однако масштаб сам по себе ничего не изменит.

Всякий первооткрыватель, всякий большой ученый, всякий великий человек непременно начинает с того, что идет «не в ногу».

Иначе он не первооткрыватель, не большой ученый, не великий человек.

И Галилей, и Колумб, и Лобачевский, и Ленин, и Эйнштейн в глазах рутинно живших и по старинке мыслящих современников «шли не в ногу».

Как видишь, Леонид, твоя восьмидесяти- или даже девяностопроцентная уверенность в том, что я не разделю твоей точки зрения, оказалась ошибочной.

Но считать твое письмо безукоризненным на все сто процентов я, к сожалению, тоже не могу и поддерживаю тебя далеко не во всем. Почему?

Там, где ты пишешь о своих прозвищах, обронена такая фразочка: «Без «т» им кажется ироничнее». Мне бы хотелось уточнить, кто это — они? Товарищи? Все остальные? Весь класс, кроме тебя? Мне эта интонация очень не понравилась. И если за интонацией кроется позиция, тогда дело совсем плохо. Собственно, что ты, дорогой, успел совершить в жизни такого, что дало тебе право ставить себя над всеми?

Ты открыл закон всемирного тяготения или изобрел таблицу натуральных логарифмов? Может быть, я

упустил какие-то более поздние твои свершения, опрокинувшие основы науки?..

Впрочем, если бы ты в одиночку совершил даже все подвиги, записанные в историю человечества, и это не дало бы тебе права говорить о себе Я, а обо всех прочих они...

Боюсь, ты станешь возражать, упрекая меня в стилистической придирке или в том, что я тебя не так понял.

Но вернемся еще раз к тексту твоего письма, Леонид. Взглянем вместе, внимательно и непредвзято.

«Ведь не стадо ведет пастуха (даже большое), а пастух (хоть он и один) указывает путь баранам...»

Это твоей рукой написано. И, пожалуйста, не убеждай меня, что тут только озорная улыбка, только лихой всплеск неудержимой иронии. Уверяю тебя, я не педант и, кажется, не совсем лишен чувства юмора, но такую формулу ни в шутку, ни всерьез принять не могу.

Есть понятия, осмеянию не подлежащие.

Как бы ни была плоха мать (случаются, пусть не часто, но все же случаются плохие матери), хорошие дети не смеют ее ни поносить, ни осмеивать. Мать — вне критики.

Родина, точно так же, как мать, одна на всю жизнь. И никакому гению не позволено взирать на свой народ, как на стадо баранов.

Поэт и чернь, гений и толпа — все это только игра словами.

Народ без гения останется народом, а вот гения без народа нет.

Рений — производная народа.

Не обижайся, Леонид, что пишу тебе резко. Правда не всегда укладывается в обтекаемые формы. А судя по твоему письму, ты умный парень и должен понять меня правильно.

Утверждая — доказывай».

СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ ● СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ ● СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ

«В настоящее время я учусь в восьмом классе. И учиться мне надоело до смерти. А родители ничего слушать не желают и требуют, чтобы я готовился (представляете теперь!) в институт. Смех!»

Между прочим, учусь я довольно хорошо. И учителя говорят про меня — способный. Интересно, если я соглашусь с моими предками и на самом деле пойду в вуз после школы, и, допустим, меня туда возьмут, то потом, когда я кончу, будет уже все, или опять окажется, что надо где-то учиться?..»

«Если инженер занимается в рамках своей профессии только практикой и не продолжает учиться, то через 10 лет его знания составят лишь половину того, что ему необходимо». Так свидетельствует Р. Фолсом, президент Ренслевского политехнического института.

Впрочем, если ты и не пойдешь в институт после окончания средней школы, тебе едва ли удастся поставить окончательную точку на своем образовании. По статистическим данным, у нас в стране учится каждый четвертый взрослый.

Учится люди на курсах повышения квалификации, на краткосрочных сборах, в школах мастеров, в университетах культуры и так далее, и так далее, и так далее».

* * *

«Прошлый раз Вы мне написали: «Постарайся сам определить свой главный недостаток и исправить его, потом принимая за следующий...»

Могу сообщить: я совершенно перестал врать, то есть говорить неправду, хотя раньше врал довольно часто.

Еще я исправляю лень. Написал себе распорядок и стараюсь жить по распорядку с самого утра и до самого вечера. У меня не всегда еще получается это дело, но я стараюсь. Больше всего мешает нетерпеливость. Начну что-нибудь и сразу стараюсь, вернее, хочу скорее кончить...»

«Величайший французский писатель Онорэ де Бальзак говорил по этому поводу: «Все, что делаешь, надо делать хорошо, даже если совершаешь безумство».

Преодолеть нетерпеливость трудно, но возможно. Надо тренироваться. Скажем, сегодня ты велишь себе убрать комнату — вот и изволь довести дело до конца. Надоедает на половине дела? А ты цыкни и доделай, что наметил.

Физзарядку выполняй по часам. Назначил себе 15 минут упражнений, так хоть лопни, а не заканчивай на 13-й или даже на 14-й минуте.

Собрался расклеивать почтовые марки, определи, сколько ты расклеишь. 20? Отлично. И не останавливайся на 18-й... И так каждый день, шаг за шагом. Через два или три месяца, я уверен, ты сам удивишься, куда девалась твоя нетерпеливость...»

Наполучав столько писем, познакомившись со столькими историями, происшествиями, событиями, войдя в курс многих ребячьих дел и размышлений, я полагал, что удивить меня чем-то неожиданным не так уж и просто. Однако ошибся.

Несколько лет назад приходит письмо из Белоруссии. Пишет Христина Бачельская, рассказывает, что в их школе организован отряд красных следопытов, что ребята ходят в походы по местам боевой славы, что они познакомились со многими участниками гражданской, Отечественной войн, крепко дружат с бывшими партизанами, постоянно следят за могилами солдат, павших в борьбе за свободу и независимость нашей Родины, регулярно ведут дневники походов, рассказывают о самых интересных встречах в специальных стенных газетах и альбомах...

Словом, кипит следопытская работа!

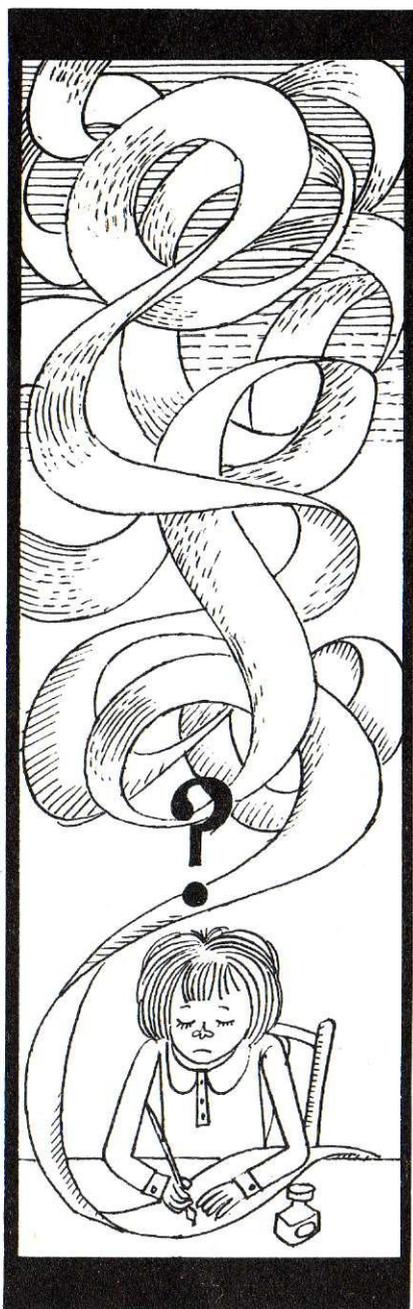
Надо ли говорить, что прочитать такое письмо мне, бывшему солдату, прежде всего удовольствие.

Молодцы ребята — помнят, знают и хотят узнать еще больше о тех, кто отстоял их счастье.

Отлично.

А заканчивалось письмо Христины такими строчками:

«Только сама я очень невезучая. Райка записывала рассказ генерал-лейтенанта.

Стасику достался Герой Советского Союза, а потом, в другой уже раз, разведчик. Разведчик не герой, но скорее всего это просто ошибка. Этот разведчик таких дел натворил в тылу у врага — ужас!!! И Людке командира артиллерийского полка дали записывать.

А мне не везет.

Сначала записывала рассказ сержанта из БАО. Вы знаете, что такое БАО? Батальон аэродромного обслуживания. А потом достался мне Кошечка. Это такая фамилия — Кошечка! А сам Кошечка — старик, бывший военный врач. Только он ничего не мог вспомнить. И голова у него трясется, и руки тоже. Когда я пришла и сказала, зачем, он вообще стал плакать, как маленький. Я подождала, а он все плачет... Так и ушла ни с чем. Вот я какая невезучая».

Признаюсь, это письмо Христины Бачельской и порадовало и расстроило меня одновременно.

Помню, я тогда написал девочке длинейшее послание, старался сказать ей что-то, на мой взгляд, крайне важное.

Вечный огонь над могилами безымянных солдат — это прекрасно. Но как было бы хорошо, справедливо, если бы удалось вернуть имена всем Неизвестным солдатам.

Я понимаю — всем невозможно, и все-таки... Хотя

одно имя узнайте, хоть одного человека верните из забвения — это уже будет большим, замечательным делом...

Не мог я согласиться с неофициальным «прейскурантом на подвиги».

Таранил человек самолет противника — «очень большой герой»; взял в плен «языка, а тот оказался штабным офицером — просто «большой герой»; защищал свой рубеж до последнего вздоха — «герой», так сказать, обыкновенный.

Я писал Христине: в войне участвовали миллионы людей. И каждый шаг по заминированной земле, каждый день, проведенный под минометным обстрелом, каждый бросок навстречу врагу были победой. Прежде всего победой над самим собой, победой Человека над собственным малодушием, победой над естественным чувством страха, торжеством долга и разума над слепым инстинктом самосохранения. И без этого личного, порой маленького успеха не могло бы произойти ни одного великого подвига. Не надо забывать: море пролитой народной крови сложилось из капель крови людей. Вот почему всякий честно, до конца исполнивший свой долг достоин строки в вечной книге истории.

Писал я и о другом.

Подумала ли Христина, почему заплакал бывший военный врач, человек со смешной фамилией Кошечка, когда увидел в своем доме незнакомую девочку?

Христина растерялась, поспешила уйти. А может быть, у этого самого Кошечки была дочка, похожая на Христину? Может быть, его дочка погибла во время войны? Может быть, ее замучили фашисты?

У старика тряслись голова и руки. Христина это заметила. Ох, не от хорошей жизни трясутся у людей руки!

Можно ли было уходить от Кошечки, не попробовав согреть его своим участием, своей помощью, не попытавшись сказать ему хоть какое-то доброе слово?

И кто знает, а вдруг бы высохли стариковские слезы от доброй Христининой улыбки? Высушить слезу, только одну-единственную слезу, это если и не подвиг, то большая заслуга...

За первым обменом письмами последовал второй, третий. Постепенно у нас с Христиной установилась регулярная переписка, которая тянется и по сию пору. Кажется, мне все-таки удалось кое в чем убедить девочку. Во всяком случае, больше Христина не называет себя невезучей.

Помню ее первое сообщение о встрече с Корнивцом. Христина познакомилась со Степаном Корнивцом в сапожной мастерской, куда принесла чинить босоножки. Безногий, угрюмый, плохо бритый Корнивец произвел на нее скорее оттал-

квивающее, чем притягательное впечатление. Но постепенно они все-таки разговорились, и Христина узнала, что ноги Корнивец потерял на войне, что служил он сначала в противотанковой артиллерии, потом партизанил, потом больше двух лет мыкался в немецких концлагерях, чудом выжил.

Жилось Корнивцу туго — ни семьи, ни родни, ни близких. Сапожникал человек и пил. Вот все. Христина стала заходить в мастерскую, присаживалась на свободную сапожничью табуретку-липку и расспрашивала, расспрашивала, расспрашивала «дядьку Степана» о войне, о погибших товарищах, о пережитом.

Тогда девочка еще и сама толком не знала, даст Корнивец материал для нового альбома, что готовили красные следопыты к очередной юбилейной дате, или не даст, просто ей было жалко «дядьку Степана» и казалось, что она может чем-то помочь ему.

Иногда Корнивец охотно отвечал на вопросы Христины, а другой раз замыкался и упорно молчал, будто вовсе ее не слышал. Как-то спросил угрюмо:

— А для чего ты все у меня выпытываешь? Кому это интересно? Кому это нужно?

И Христина ответила:

— Это нужно для истории, дядя Степан. И вас, и меня не будет на свете, а люди захотят знать, какая была жизнь до них, и станут тогда рыться в старых книгах, в документах, в записях, вот им, может, и пригодятся ваши воспоминания.

Он долго молчал, что-то трудно соображая, наконец сказал строго:

— Ладно. Раз для истории, я скажу! Только ты будешь записывать слово в слово. Ясно? Потом я проверю и распишусь на каждом листке.

Позже мне довелось увидеть этот удивительный документ: четыре ученические полуобширные тетради в клеточку, от корки до корки исписанные Христининой рукой. И под каждой страничкой собственноручная корявая подпись Степана Корнивца.

Пересказать эти тетради невозможно. В них судьба, целая жизнь и подлинная драма человека.

Корнивец попал на фронт в самом начале войны. Он скрывал свое прошлое — был Степан смолоду профессиональным вором. Тяготился своим редким «ремеслом», тяготился тем, что собирался, но не успел «завязать». Попав на фронт, он изо всех сил рвался к подвигу — ему казалось, что только подвиг может «списать» неблагоприятное начало его жизни. И он совершил свой подвиг, но, тяжело раненным, оказался в плену...

Христина записывала рассказ Корнивца, как он требовал,

слово в слово, а так как «дядька Степан» университетов не кончал и с изящной литературой знаком не был, то повествование его ни высоким стилем, ни чрезвычайной грамотностью не отличалось. Впрочем, именно это обстоятельство и делало документ особенно убедительным, абсолютно правдивым.

Завершалось пространное жизнеописание, Степана Корнивецца следующим образом:

«Здесь я через Христину Бачельскую записал все как было, по самой чистой правде и с полным сознанием моей жизни, лично прожитой с 1941 года до настоящего текущего момента.

Моя жизнь — малая, а бед в ней увидено много, и не дай бог никому пережить одной малой части того горя, что гнуло меня и ломало, и лишило ног и здоровья, но хоть памяти не отшибло, за что говорю спасибо.

Пусть, кто прочтет, не плачет за погибших, а знает — они не зря сложили свои головы на сырой земле. Без того не осталось бы жизни на свете никакой, даже самой худшей не осталось бы.

Об одном только сожалею я по сегодня: почему не пришлось мне лично заканчивать войну на территории немецкого государства — Германии?

Там надо было жечь, уничтожать все под самый корень. И никого не щадить за горе, и за разорение, и за все зверства, которые мы через них узнали. Кто этого не понимает, тому, может быть, еще очень плохо будет от новых фашистов. Они не люди и куда хуже самых лютых зверей. Я это на себе все испытал.

К сему Корнивец Степан».

Вот из-за этого заключительного отрывка и разыгрался большой скандал.

Учитель истории, руководивший красными следопытами, прочитав добросовестную запись Христины, спросил у девочки:

— Неужели ты не понимаешь, что такое помешать в альбом нельзя?

— Почему? — спросила Христина. — Ведь дядя Степан мне сказал — запиши все слово в слово, иначе я не согласен.

— Но ты же должна понимать: нельзя путать немецкий народ с фашистами. Как можно возлагать ответственность за фашистские злодеяния на всю нацию?

— Нельзя, — сказала Христина. — Только объяснить это дяде Степану я не могу. Он воевал, он же без ног остался, он же в плену мучился... Как я ему объяснить стану?..

— И ничего не надо ему объяснять. Просто немного подредактируем, все равно ведь ошибки надо поправлять.

Но редактировать свою запись Христина отказалась.

Судя по ее письму, девочка не могла даже толком объяснить, почему она не соглашалась что-нибудь изменить в воспоминаниях Корнильца. Просто рука не поднималась.

Христина просила меня разобраться в случившемся. Просила помочь ей понять: «Кто же прав, а кто все-таки не прав в этой истории».

Судить людей — всегда дело нелегкое. Еще труднее это делать, когда спор или конфликт возникают между учителем и учеником. Тут нужны и осторожность, и такт, и полнейшая убежденность в правоте твоего заключения.

Я не сразу решился сказать: мне кажется, что не правы все трое.

Признаюсь, труднее всего произнести мне эти слова в адрес Степана Корнильца, тяжело пострадавшего на войне, но не сказать их я все-таки не могу.

Конечно, немец и фашист не одно и то же. И возлагать ответственность за все злодеяния гитлеровского режима на нацию целиком нельзя. Ведь немецкий народ — это не только и не столько Гитлер, Геринг, Геббельс и их многочисленные приспешники, немецкий народ — это в первую очередь Гёте, Шиллер, Маркс, Энгельс, Либкнехт, Тельман, это миллионы тружеников, это тысячи безвестных героев, сложивших свои головы в борьбе с угнетением и социальной несправедливостью. И вообще, не бывает и не может быть целого народа-преступника, народа-убийцы, народа-садиста.

Можно понять Степана Корнильца. Личная его судьба сложилась так, что человек оказался лишенным возможности взглянуть на великие исторические события с достаточно большой высоты, но это не его вина, это его горе.

К сожалению, не прав, на мой взгляд, и учитель Христины.

Биография Корнильца — песчинка ненаписанной истории. А Владимир Ильич Ленин говорил, что историю ни улучшать, ни исправлять не следует. Тем более не надо ее тайно «редактировать»...

Не права и Христина, полагающая, что она оказалась в безнадежном положении.

Мне кажется, выход есть и, между прочим, довольно простой. Надо снабдить записи пояснительной запиской, приложением, и тогда почему бы не поместить жизнеописание Степана Корнильца в следопытском альбоме?

Я совершенно уверен, что каждый здравомыслящий человек поймет и верно оценит и подвиг несчастливому солдату, и его ошибки. Разве для кого-нибудь секрет, что подвиги совершают обыкновенные люди, а не крылатые ангелы?

«Пишу Вам правду, а Вы ответьте тоже по правде. Ладно? Я очень люблю математику, физику, черчение и некоторые другие предметы. А вот историю, особенно допотопную, ненавижу. Ну, какое мне дело до того, что было сто тысяч лет тому назад? Было и было! А тут учи всякие даты и имена, только мозги от этого сохнут. По-моему, куда полезнее двадцать задачек решить. Верно?»

«Нет. Неверно. И в опровержение твоей точки зрения приведу мысль Александра Сергеевича Пушкина, вероятно, достаточно авторитетного для тебя человека. Пушкин утверждал: «Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости». И, как бы подтверждая мысль Пушкина, как бы продолжая ее, Горький говорил: «Не зная прошлого, невозможно понять подлинный смысл настоящего и цели будущего».

* * *

«Я хочу быть летчиком. И не просто летчиком, а обязательно испытателем. Какое качество характера для этого надо воспитывать в первую очередь — смелость или мужество?»

«Прежде всего надо воспитывать в себе абсолютную честность. Это самое основное, ведущее качество летчика-испытателя.

Тот, кому доверено оценивать труд многих сотен людей, создающих машину, не смеет погрешить против истины даже на чуть-чуть. В этом своем мнении я не одинок. Генерал-майор авиации А. Манучаров пишет: «Человек, который не умеет говорить всю правду, непригоден для испытательной работы, а для летных испытаний в особенности».

Что касается смелости и мужества, то я не думаю, что летчику-испытателю надо обладать этими качествами в больших дозах, чем цирковому артисту, работающему под куполом, или верхолазу-монтажнику, принимающему участие в сооружении телевизионной вышки, например...»

Письма, письма... Они летят, будто листья, сорванные осенним ветром с дерева. И похожие, и такие разные. В каждом письме — чужая тревога, беспокойство, вопрос, сомнение. Можно устать делать свою ежедневную работу, можно отложить множество забот до более благоприятных времен. От чего-то можно и вовсе отмахнуться. Только не от письма. Пренебречь письмом — значит пренебречь человеком.

Пишет ученица восьмого класса Рая:

«Мне очень грустно сегодня, до того грустно, что хочется реветь. Хотя, хотя... ничего такого ужасного и не случилось. Месяца два или три назад я познакомилась с Ниной. Мы как-то сразу, можно даже сказать внезапно, подружились. Вместе бегали на каток, вместе — в библиотеку. Иногда Нина приходила ко мне домой заниматься. И такой хорошей мне казалась — умная, красивая, всегда веселая, ничего не пожалеет для дружбы. У нее в доме я не была. Почему так получилось, не могу объяснить, просто так было. Может, не успела еще, может, она меня не звала, только я этого не заметила. И совсем не думала — почему?»

А вчера Нина не пришла в школу. Я не стала звонить по телефону и спрашивать, в чем дело, а прямо после шестого урока заскочила к ней, чтобы все узнать...»

Здесь я обрываю Раю и из ее очень длинного, очень искреннего, очень беспокойного послания выписываю совсем кратко, строго конспективно, что же обнаружилось при встрече на квартире у Нины: «...она даже не предложила мне раздеться...»

Ясно было, что Нина ничем не больна, а просто прогуливает.

Когда Рая очутилась в доме Нины, та обедала и хотя точно знала, что после шести уроков подруга не может быть не голодной, не попыталась поделиться с ней даже куском хлеба, «...мне сделалось ужасно стыдно за нее и очень захотелось поскорее уйти...»

Но Нина не спешила расставаться с Раей и начала хвастать перед ней имуществом своих родителей: большим дорогим телевизором, шикарной мебелью, посудой и всякими безделушками. «Здесь, у себя дома, Нина говорила каким-то чужим голосом, совершенно незнакомым, резким и неприятным...»

Заметив, что Рая наследила в коридоре, Нина вскрикнула: «Теперь мама меня убьет!» И тут же всучила приятельнице половую тряпку, «...вытереть мокрые следы на полу не трудно, но разве дело в следах?..»

Наконец Рая взялась за ручку двери, и тогда Нина заговорила снова другим голосом (Рая назвала этот го-

лос «подлизывающимся»): «Ну ты, не болтай в школе, Раечка... Ладно? И приходи еще, когда будет время, посидим, музыку послушаем...»

Заканчивалось Раино письмо так:

«Я понимаю — ничего особенного не случилось. Никто никого не убил, никто никого не предал. Ну, потеряла я подругу, и, наверное, из-за этого не стоит особенно расстраиваться. Ведь моей вины ни в чем нет. За это я совершенно спокойна. Но как вообще верить людям, если они могут быть вроде Нины — на два лица? Теперь я многое вспоминаю и смотрю на некоторые вещи совершенно другими глазами. Как можно было выступать на литературном кружке в школе, обличая мещанство, презрительно отзываясь о жадных людях, а у себя дома гордиться отцовским добром и бледнеть из-за того, что на коридорном пластике появились два мокрых следа?»

Мне очень грустно сегодня. И еще я ужасно злюсь на себя за то, что не сумела сказать Нинке ни одного настоящего слова. Только улыбалась, как последняя дура, будто была чем-то перед ней виновата...»

Характерно — Рая не просила ни совета, ни помощи и писала мне, видимо, потому, что испытывала непреодолимую потребность поделиться, как говорят — «излить душу».

Можно ли, однако, считать Раино письмо только излиянием души? Видеть в нем всего лишь нехитрую историю разочарования одной подруги в другой? Формально, наверное, можно. Действительно, ведь «никто никого не убил, никто никого не предал». Но меня очень встревожили Раины слова: «Как вообще верить людям...»

Все мы привыкли к тому, что газеты, журналы, радио, телевидение изо дня в день рассказывают о мужестве, благородстве, честности, самоотверженности, душевной красоте и прочих превосходных качествах наших сограждан. Мы так привыкли к бурному потоку «положительной информации», что всякое сообщение о подлости, неблагоприятном поступке, худом поведении, если оно и проскользнет внезапно, воспринимаем как случай исключительный, редкостный, совершенно особый и непременно весьма и весьма отдаленный от нашей будничной, обыденной жизни.

А между тем черствость, эгоизм, двуличие не столь уж редки и едва ли найдется на свете такой счастливчик, которому удалось бы прожить жизнь, не столкнувшись с этими и другими весьма цепкими пороками.

Тебе грустно, Рая, и это хорошо. Это очень хорошо, девочка! Плохое настроение, тревога, растерянность, так отчетливо пронизывающие все письмо — от первой до последней

строчки, — верные свидетельства твоего душевного здоровья, надежная гарантия твоей правильной ориентации в жизни.

Мудрый человек Михаил Иванович Калинин писал однажды: «Любой опыт надо выстрадать, взять с боя, чтобы он вошел в плоть и кровь». Чувствуешь — это будто о тебе, о твоём случае?

Теряя подругу, ты грустишь, переживаешь, тебе больно, но вместе с тем ты приобретаешь опыт, житейскую мудрость, способность лучше разбираться в людях.

Дорогая цена?

Ну что ж, мудрость никому даром не достается.

Вы бегали на каток с Ниной, вы вместе ходили в библиотеку, вы встречались на школьном литературном кружке — и все было вроде бы хорошо, нормально, ничего не вызывало сомнений. И вдруг — разочарование. Почему так случилось? Я думаю, потому что до поры до времени ты, Рая, видела только внешнюю личину подруги, слышала ее слова и не имела случая оценить Нину в поступке, в действии. А человек раскрывается до самой сокровенной своей глубины не в словах — в поведении.

Припоминаю: не так давно мне случилось побывать на Севере. Молодые, тренированные, привычные к многокилометровым маршам искатели предложили мне прогуляться в соседний поселок.

— Тут недалеко, — уверенно сказал старший из ребят, — километров двадцать пять, не больше.

И я легкомысленно согласился.

Пошли.

Дорога была скользкая, избитая. Порывистый встречный ветер сбивал дыхание. Ноги разъезжались. Буквально через какой-нибудь километр я понял, что взялся не за свое дело и уж во всяком случае — не в той компании.

Вернуться? Вроде неловко. Попросить ребят идти помедленнее? Ну уж нет...

И как странно устроен человек: стоило мне усомниться в собственных силах, стоило испытать настоящее напряжение, стоило почувствовать, что я не в форме для такого марш-броска, и спутники мои, беззаботно шагавшие к цели, стали казаться совсем не такими симпатичными, как час назад, и заиндевшие их бороды представлялись теперь разбойничьими, а болтовня — пошлой и назойливой...

Километров через пять старший скомандовал: «Перекур!»

Все завалились на спины и, задрвав ноги к небу, отдыхали минут десять.

Потом мы снова шли и снова отдыхали.

Мне было очень трудно. И если я все-таки держался, то исключительно на самолюбии.

Где-то километре на восемнадцатом до моего сознания дошло: а ведь перекуры-то они для меня устраивают и темп сбавили тоже для меня. И главное: ни слова упрека, ни одной насмешки, ни одного покровительственного жеста. Пустяк? Не скажи!

До чего ж в этот момент они показались мне милыми, чуткими, сердечными ребятами. И бороды у них были вполне пристойные. И когда уже около самого поселка старший, обращаясь ко мне, сказал: «А вы молоток, по такой окаянной дороге дотопали», мне и «молоток» показался ужасно симпатичным...

Но вернемся к твоему письму, Рая. Разочарований бояться не надо.

От разочарований, как ни крутись, все равно никуда не денешься. Даже самый сплоченный, самый лучший, самый верный на свете народ не может состоять только из героев и благородных рыцарей. И пусть тебе придется еще сто раз обмануться в человеке, все равно людям — верь!

Без веры в людей жить невозможно. А чтобы разочарований, ошибочных оценок, преждевременных увлечений было меньше, не спешి с восторженными оценками: эта подруга (или этот друг) — умница, красавица, золото! Не спеши.

«Чтобы узнать человека, надо с ним пуд соли съесть» — гласит народная мудрость. (Между прочим, пуд соли человек съедает примерно за полтора года.) Только не подумай, что я хочу внушить тебе: будь подозрительной, будь недоверчивой. Нет! Когда я говорю — не спеши, думаю вот о чем: не ослепляйся внешностью, не принимай за главную мерку бойкость и доброжелательность речей, не особенно доверяй жестам. Только действия, только поступки позволяют выявить истинную цену каждого из нас.

И еще одно замечание.

Принято считать, что настоящий друг узнается в беде. Мне кажется это не совсем верным. Быть рядом, когда у человека горе, принять часть гнетущей другого тяжести на свои плечи не так уж трудно. Вернее — не труднее всего. Насколько я замечал, людям бывает гораздо сложнее искренне и до конца разделить радость, успех, достижение друга. Уверяю тебя, в этом наблюдении нет ошибки. Чтобы принять чужую радость, как свою, надо, кроме всех прочих положительных качеств души, иметь еще одну — не быть завистливым. Даже чуть-чуть не быть, даже самую малость...

И еще одно, теперь уже очень давнее, воспоминание, которым я хотел бы поделиться с тобой, Рая.

Мне было пятнадцать лет. С другом Жоркой мы подрабатывали тем, что брались за нехитрую монтерскую работу: ставили звонки, чинили выключатели, меняли проводку. Особых капиталов это нам не приносило, но случалось, что в руки попадало рублей по двадцать пять — тридцать (на старые деньги, конечно).

И вот однажды, заполучив очередной четвертной, мы пригласили Женю, Таню и Мишку в кафе «Мороженое». Это было первое в столице заведение такого рода, и попасть в него считалось за большое счастье. Столик был захвачен не сразу и не сразу появилась перед нами хорошенькая официантка.

— Мне, пожалуйста, сливочный пломбир, — сказала Таня.

— Мне тоже сливочный, — сказал Мишка.

— А я буду крем-брюле пополам с фруктовым, — это был Женин заказ.

— И мне крем-брюле пополам с фруктовым, — это был мой заказ.

— А мне, что хотите, — сказал Жорка, — лишь бы холодное.

— Возьмите ассорти, — посоветовала официантка.

— Ладно, — сказал Жорка, — ассорти так ассорти.

— А чем запивать будете? — спросила официантка. — Есть лимонад, есть минеральная, есть очень вкусный крүшон.

— Крүшоном, — сказала Таня.

Нам принесли мороженое, бокалы с темно-красным крүшоном, над которыми топорщились тоненькие соломинки.

Мы не спеша наслаждались всем этим прохладным великолепием, и своей взрослостью, и все было хорошо.

Итак, мы сидели в кафе, лизали мороженое и тянули безалкогольный крүшон через соломинку.

Почему Мишка, самый непрактичный из нас, взялся изучать карточку-меню, не знаю, но результат его исследования оказался довольно неожиданным. Повертев в руках карточку, Мишка как бы случайно вытащил из стаканчика бумажную салфетку и стал на ней что-то чертить. Потом подошел к мне и протянул салфетку ко мне. Я прочел: «А крүшончик ого-го! По 3 руб. 60 коп.! 3 руб. 60 коп. X 5 - 18 руб.!!!»

Что и говорить, Мишкино открытие не обрадовало. Ладно бы мы сидели вдвоем, а как расписываться в финансовой несостоятельности при Тане и Жене?

Я подсунул салфетку Жоре. Он мельком глянул на бумажку, улыбнулся и тут же встал.

— Прощу прощения, — сказал Жора, — я вас на время покину, а вы нажимайте!

— Куда это он? — удивилась Таня.

— Бывают особые обстоятельства, не стоит конкретизировать, — сказал Мишка и соорудил столь многозначительное выражение лица, что я непременно бы расхохотался, если бы только не знал, в чем на самом деле кроется причина Жоркиного исчезновения.

Мороженое кончилось. Крюшонные бокалы побледнели.

— А я хочу орехового с боржомом! — громко объявил я.

— Я тоже орехового, — сказала Женя.

— А мне пломбир и крюшончик. Очень вкусная эта водичка, — сказала Таня.

— И мне пломбир... только уж без крюшона, — сказал Миша.

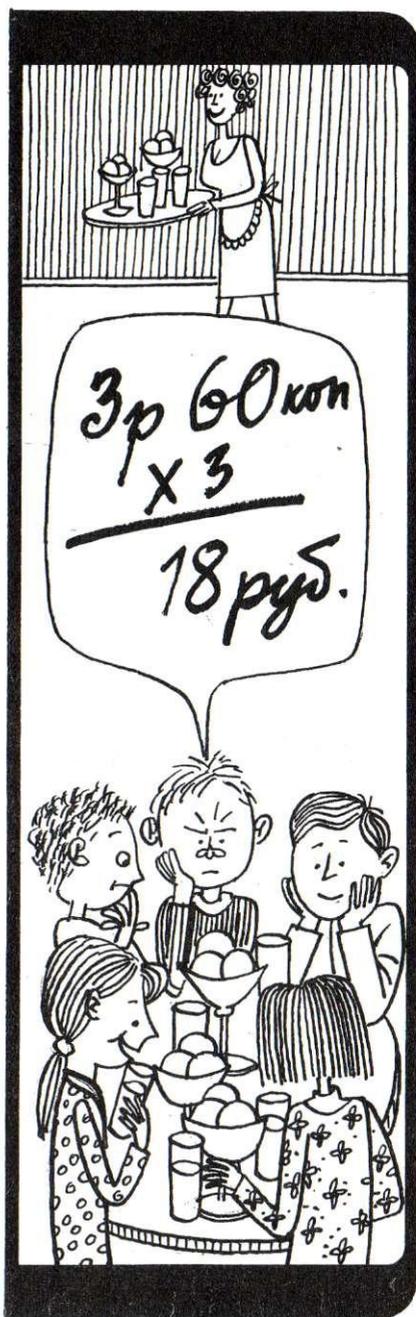
Мы долго ели ореховое, фруктовое, сливочное и еще какое-то мороженое. Живот у меня сделался холодным, горло — деревянным, а Жоры все не было...

И тогда я подумал: «Неужели Жорка сбежал?» От этой мысли сделалось очень нехорошо, до ужаса противно. Даже не от самой мысли, пожалуй, а оттого, что она появилась, могла появиться.

Я поглядел на Мишку. Вид у него был достаточно кислый.

Таня, сморщив нос, допивала крюшон.

«Интересно, что будет

дальше? — подумал я. — Девчонок, во всяком случае, надо эвакуировать раньше, чем разразится скандал. Но для этого им придется объяснить положение...» А объяснять ох как не хотелось... Впрочем, и не пришлось: в зале появился Жорка. Он неторопливо шествовал между столиками. Подошел, небрежно плюхнулся на свой похолодевший стул, иронически оглядел наши постные лица и без лишних комментариев выложил на стол сторублевую бумажку.

— Кончай наслаждаться, пижоны, — сказал Жора, — едем в порт на разгрузку. Утром надо отдать...

Тогда мне было пятнадцать, теперь пятьдесят.

С той поры я не ем мороженого, но это, конечно, не главное. С той поры я не позволяю себе сомневаться в друзьях. Естественно — в настоящих друзьях.

СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ ● СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ ● СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ

«Родители мне сказали, что я родился не очень здоровым. Сначала я об этом не думал, а теперь стал думать.

Я учусь в седьмом классе, и у меня есть мечта — море.

Я каждый день бегаю кроссы, чтобы стать крепким. А надо мной все соседские ребята смеются. Еще я занимаюсь каждый день по тридцать минут английским. Из-за этого пришлось поссориться с одним парнем. Он стал объяснять, что это я из пижонства таскаю за собой словарь и разговорник. А какое тут пижонство, когда надо!

Я стараюсь читать книги про море. Так мне в нос суют Гоголя. Доказывают: сначала надо Гоголя изучить.

И так всю дорогу. Я очень расстраиваюсь и даже думаю: а может, на все плюнуть? Просто я уже замучился воевать со своими врагами...»

«Ну можно ли всерьез считать врагами обыкновенных недоброжелателей? Стоит ли разочаровываться? И чего воевать? Не проще ли пренебречь чужим мнением и шагнуть своей дорогой?»

«Если ты направляешься к цели и станешь дорогой, останавливаться, чтобы швырять камнями во всякую лающую у тебя собаку, то никогда не дойдешь до цели.» — Так говорил Федор Михайлович Достоевский.

Мне кажется, в этих словах кроются и предостережение, и добрый совет.

* * *

«Ну и кончилось все дело тем, что я со всеми в классе разругался. Конечно, это противно, но все равно я и без них не похудею, а они пусть попрыгают: фиг я им теперь стенгазеты оформлять стану...»

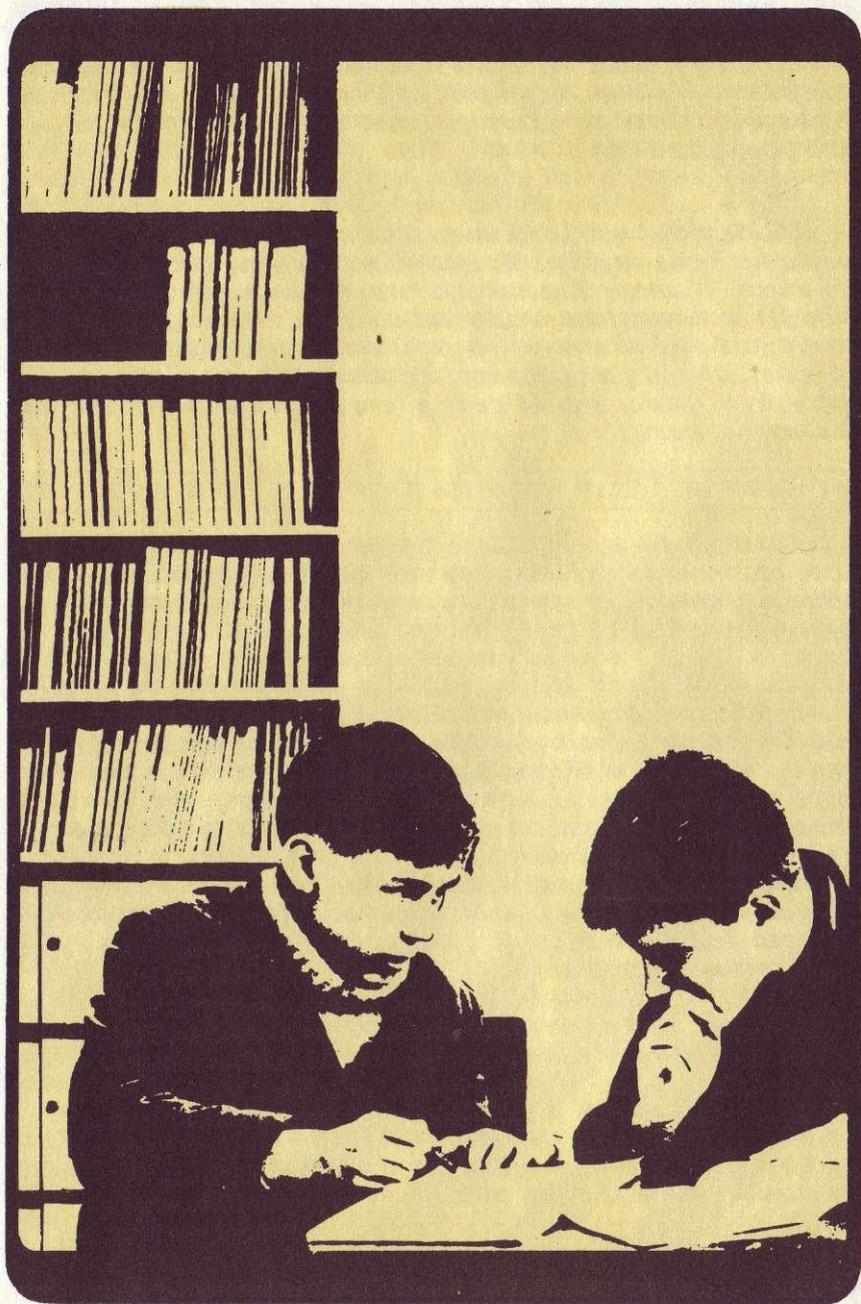
«Ты делаешь вид, что ничего не случилось, а у самого кошки на душе скребут. И правильно скребут! Вот послушай, что писал Франсуа Ларошфуко (этим словам триста лет, они выдержали испытание временем!): «Тот, кто думает, что может обойтись без других, сильно ошибается; но тот, кто думает, что другие не могут обойтись без него, ошибается еще сильнее». Вот какая штука, милый!»

* * *

«А поумнеть можно? Если много читать и все запоминать, станешь умнее? Или уж это как кому повезло — кто родился умным, тот умный, а кто родился дураком, так и будет дураком?..»

«Швейцарский мыслитель Иоганн Каспар Лафатер, живший двести лет назад, оставил нам на этот счет такое указание: «Хочешь быть умным, научись разумно спрашивать, внимательно слушать, спокойно отвечать и переставать говорить, когда нечего больше сказать».

Этот мудрый, на мой взгляд, совет не исключает, разумеется, пользы чтения, просто он расширяет возможности и средства для поумнения. Я думаю, что слова Лафатера и в наше время не устарели».

Когда лет десять назад я готовил к переизданию свою книгу «Вам — взлет!», мне пришлось включить в нее дополнительную главу. Назвал я эту главу «Письма пишут разные». Кстати, название было заимствовано из широко известного стихотворения Константина Симонова. Не будучи уверен и до конца согласен с Константином Михайловичем Симоновым, что письма бывают «чаще бесполезные», чем полезные, я все-таки заимствовал слова из его стихов, и в частности, рассказал в этой главе о таких посланиях:

Вася Т. из Винницы просит: «Напишите мне биографии лучших летчиков СССР и историю развития авиации». А Вася Л. из Могилева требует, чтобы я сообщил ему ни мало ни много — «основные сведения из метеорологии, главные вопросы штурманской подготовки, а также перечислил все рекорды, зарегистрированные в ФАИ».

Человек прожил на свете двенадцать, а то и все четырнадцать лет и хочет, чтобы ему рассказали в письме «всего лишь» историю авиации, или изложили содержание целой науки, или переписали толстую книгу официальных рекордов... И невольно хочется спросить такого корреспондента: «Дорогой друг, а ты подумал, прежде чем задавать свои вопросы?»

Скажу откровенно: такие

письма не только огорчают, но просто-таки возмущают. Почему? Ну, несерьезность пусть, куда ни шло, но ведь за несерьезностью прячется пушистая, мурлыкающая, махровая лень. Всем известно, что за последние пять-десять лет создана целая авиационная литература, регулярно издаются специальные журналы, газеты. Так прежде, чем садиться за письмо, походи в библиотеку, поройся в книгах, подумай... А то один молодой человек умудрился написать следующее: «Сообщите мне, в какое учреждение обратиться, чтобы мне ответили на вопросы, заданные в конце вашей книги «Вам — взлет!». Ну, как вам нравится — человек хочет, чтобы за него думало учреждение?

Вероятно, я не стал бы возвращаться к строчкам, написанным десять лет назад, и приводить выдержку из главы «Письма пишут разные». Но вот не так давно известный авиационный конструктор, академик, пожилой, очень занятый человек, показал мне письмо одного юного любителя авиации. Кроме всего прочего, в этом весьма беспардонном письме было и такое: «Я уверен, что если Фарман, Блерио и пр. пионеры авиации, при весьма низком развитии техники, могли строить самолеты собственными руками, то в наше время сделать легкий одноместный самолет и вовсе не так уж трудно. Нужны только хорошие чертежи. Об этом вот я и хлопочу: пришлите мне чертежи машины. Мотор думаю приспособить мотоциклетный...»

- Какая, однако, удивительная самоуверенность, — сказал академик и грустно покачал головой.

Академик был либерал и очень снисходительно, на мой взгляд, оценил своего корреспондента. Только ли самоуверенность, только ли бесцеремонность нахально выглядывали из этого небрежного листка почтовой бумаги? Но прежде чем делать выводы, познакомьтесь еще с одним письмом, на этот раз — ко мне.

«Сначала разрешите представиться. Меня зовут Виктор, я учусь в шестом классе. Учусь на четверки и пятерки. Тройки бывают тоже, но редко, и я всегда быстро их исправляю. Мне нравится играть в хоккей и вообще заниматься спортом. Но еще больше я интересуюсь космонавтикой и скажу Вам по секрету (этого я еще никому не говорил), что, когда dorасту, обязательно поступлю в космонавты. А пока я читаю всякие книжки и в журналах про то, как люди готовятся летать в космос и как летают. Я знаю — космонавт должен быть грамотным, хорошо образованным человеком. Особенно надо разбираться в математике, физике и других точных науках. Вот с математикой у меня как раз дела обстоят не очень хорошо. Наш учитель говорит, что

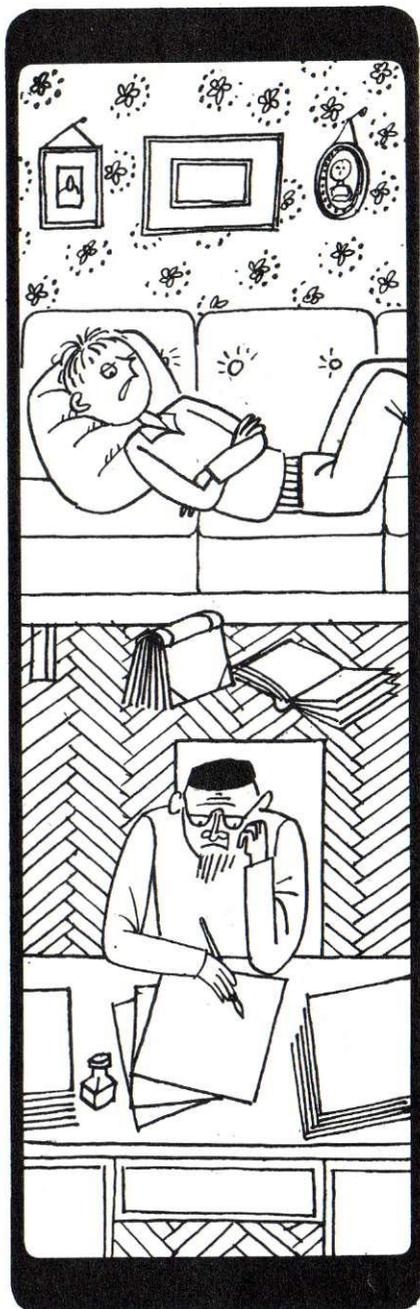
я способный, только недостаточно усидчивый и маловнимательный. Я стараюсь бороться со своими недостатками. Один раз добиваюсь, а три раза — нет. Поэтому и хочу попросить у Вас такой помощи: разрешите мне присылать те задачки, которые не выходят, Вам? Вы их будете мне объяснять, как объясняете всякие интересные вещи в своих книжках. За такую помощь я буду Вам очень благодарен...»

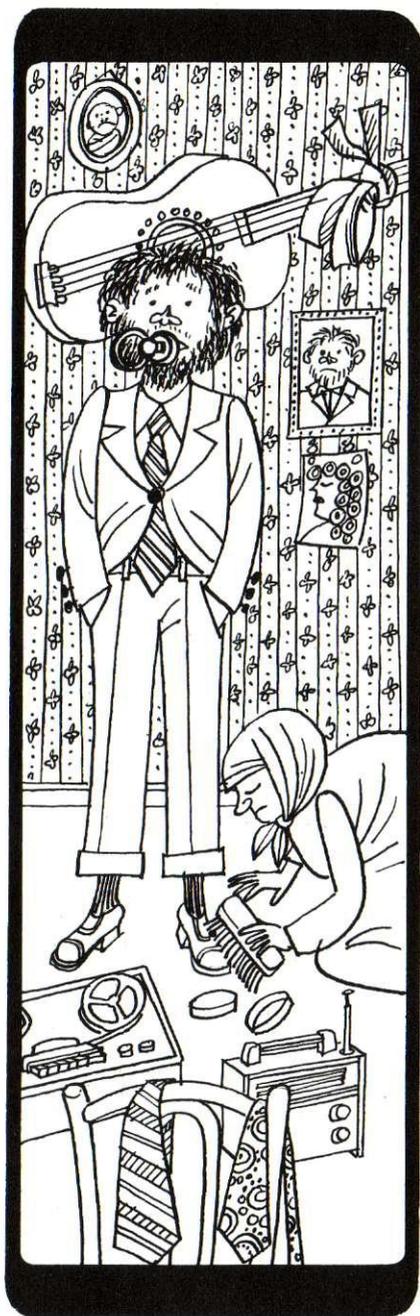
Собственно, дальше можно не продолжать. Суть уже и так очевидна — сделайте за меня то, что должен сделать я, но не могу.

На первый взгляд письмо — призыв к товарищеской помощи. Но это только на первый взгляд. А на самом деле — еще одно совершенно откровенное проявление ярко выраженного иждивенчества.

Я бы понял и не осудил Виктора, если б он, запутавшись в какой-то сложной задаче, прислал взрослому, авторитетному в его глазах человеку пять, десять вариантов решения и попросил проконсультировать их, помочь установить ошибку. Дескать: вот трудился, старался, зашел в тупик... А то так, за здорово живешь; у меня что-то не получается, решите, растолкуйте и объясните, как надо было действовать.

Иждивенчество — опасный недуг. У иждивенчества множество разновидностей,

проявлений, симптомов. Вот, совсем недавно слышу, например, такой разговор:

— Ма, а ма, проверь, как я русский написал...

— Подожди, мне сейчас некогда.

— Некогда! Вот схвачу трояк, тогда не ругайся. Сама виновата будешь.

Мне могут вполне резонно возразить: в данном случае мамаша виновата больше сына: приучила паренька к опеке. Не буду спорить — мама, конечно, виновата, но и сынок хорош. Ведь допускает, чтобы с ним нянчились, и не только допускает, но даже требует и еще грозит! Думаете, мальчишка маленький? Ничуть — восьмиклассник!

Конечно, человеку трудно вырасти самостоятельным, независимым, гордым, если в восемь лет бабушка чистит ему ботинки, в девять мама решает за него задачки, в десять отец собственноручно приворачивает лыжные крепления для любимого дитяти, в одиннадцать старший брат намыливает шею его обидчику и так далее и так далее, чуть ли не до самой пенсии...

И все-таки, определяя виноватых, не надо считать страдающей стороной иждивенца. Если человек отказывается от мелочной опеки, протестует против помощи на каждом шагу, будьте уверены, насильно его иждивенцем не сделаешь! Другое дело,

когда он расположен перекладывать свои заботы, обязанности, затруднения на ближних. Вот тогда — да! Тогда сначала он будет принимать услуги с благодарностью, потом, привыкнув, как само собой разумеющееся, а спустя еще некоторое время станет требовать, чтобы его ублажали, жалели, разгружали, помогали ему думать, принимать решения, искать выходы...

Но эта книга не для родителей, а для ребят. Поэтому я не стану особенно укорять сердобольных мам, пап и бабушек, не стану доказывать им, какое преступление они совершают перед своими отпрысками, когда в поте лица выполняют их школьные домашние задания или моют галоши, или боятся утомить своего Витеньку нормальной работой по дому... А вот у ребят хочу спросить.

Можете ли вы себе представить маленького Руала Амундсена, которому бы мама сушила ботинки после, лыжной прогулки?

Можете ли вы вообразить Валерия Чкалова, хныкающего над арифметической задачей и требующего вмешательства взрослых?

Укладывается ли в вашем сознании Юра Гагарин, которого папа водит за ручку по городу?..

Нет. А почему?

Люди великого действия по природе своей не могут быть иждивенцами. Это противопоказано их характеру, их человеческой сути, их нутру.

Старейший скульптор страны, Герой Социалистического Труда Сергей Тимофеевич Коненков писал: «Мне не понятен человек, за которого кто-то думает, которого кто-то вытягивает из ямы, с которого кто-то счищает пыль и грязь дорог». Очень, мне кажется, верная мысль! И обращена она вовсе не к бородатым, самостоятельным, непременно взрослым путешественникам, открывателям новых дорог на земле, в космосе или искусстве. В конце концов всякий шагающий по жизни человек должен быть первооткрывателем, исследователем, воином. Первооткрывателем истины. Исследователем жизни. Воином правды. Разумеется, когда я пишу «всякий шагающий по жизни человек», то имею в виду настоящего человека, личность, а не просто двуногое существо, способное переваривать пищу, знакомое с некоторыми, главным образом материальными, благами цивилизации. И если ты хочешь быть настоящим, а я совершенно убежден, что настоящими хотят быть все, то прежде всего будь самостоятельным. Самостоятельным во всем, всегда и с самых ранних лет.

«Мне больше всего на свете нравится шить.

Сначала я шила куклам, потом стала себе. Всякое там простое шила — фартук, например, сарафан. Теперь могу и платье вполне даже приличненько сшить (не хуже, чем в ателье).

Есть люди, которые говорят: и ты хочешь стать портнихой? Это ж срамотища. Учись!

Другие говорят: у нас в стране любой труд — почетный. Нравится шить — шей...

Больших сомнений у меня нет, но все-таки интересно, а что Вы думаете? Наверное, тоже про почетный труд скажете?!»

«Мне кажется, что профессия сама по себе не гарантирует человеку счастье. И весь вопрос не в том, кто ты: летчик-испытатель или официант, ученый-физик или дамский парикмахер. Важнее, какой ты испытатель, или какой официант, или какой физик... Если ты вкладываешь в свою работу много сил, выдумки, души и получаешь взамен радость, ощущение не напрасно прожитых дней, иными словами — удовлетворение, значит, ты правильно выбрал, значит, тебе повезло.

Стыдной работы, на мой взгляд, быть не может.

Стыдно быть халтурщиком, рвачом... Если сапожник — мастер-виртуоз своего дела, это хорошо. Хорошо и ему и людям. А вот если киноактер — сапожник, это беда...»

* * *

«Мы устраивали школьный праздник. Ребята все очень старались. Очень много чего понаделали: серпантинов, наглядное оформление наших успехов и достижений, даже специальные стихи написали и выучили. В стихах кое-кого продернули, между прочим. А все равно вместо праздника получилось длинное и довольно скучное общее собрание. Как вы думаете, почему?»

«Конечно, мне трудно, а может быть, и невозможно угадать, почему не получился праздник, на котором я не был. Думаю, что первое и самое необходимое условие любого праздника не серпантин и не «наглядное оформление», а праздничное настроение. Чтобы оно, это настроение, по-

«Можно, я опишу Вам все по порядку? Вообще-то я на своих родителей не жалею и не обижаюсь. Мама у меня хорошая — добрая, редко когда ругается, и если ей чего расскажешь, вполне понять может. И папа хороший — никогда не бил меня, ругает только за двойки. Когда я чего-нибудь прошу у него, всегда выполнит, то есть купит или сделает...

Про себя я даже не знаю, как сказать, чтобы Вы не подумали, будто я хвастаю. Но все-таки я девчонка неплохая. Маме дома всегда помогаю. Родителям стараюсь не грубить и гораздо больше их слушаю, чем не слушаю...

В субботу мы с девчонками договорились пойти вечером в кино, на девятичасовой. Когда я маме про это сказала, она ничего, только чуть-чуть поворчала, что поздно.

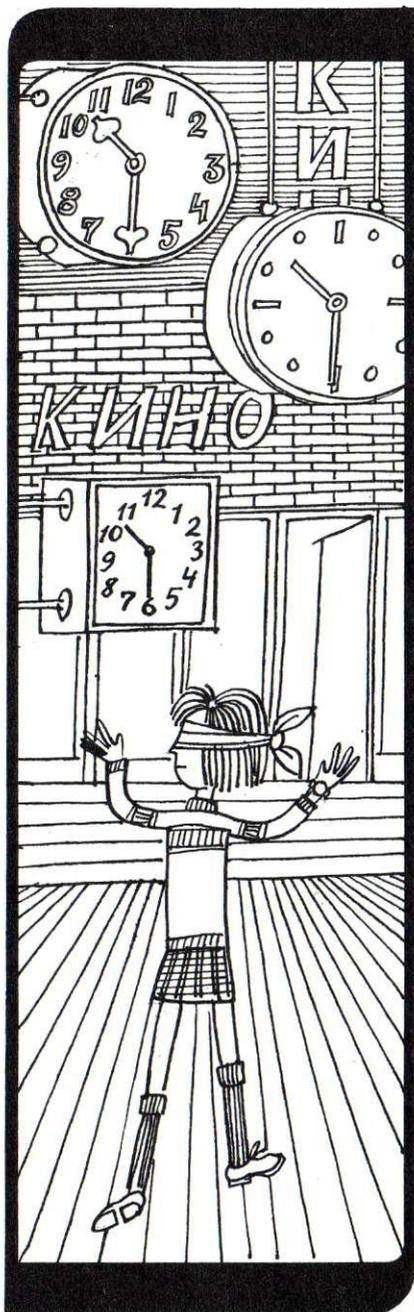
Но я ей объяснила:

— Мы хотели на семь тридцать, а билетов не было.

И тогда мама сказала:

— Ладно, ступай, только после кино сразу же домой.

И папа сказал, что на девять ходить мне еще не следовало бы, но раз мама разрешила — так и быть. Пошла. Девчонки — нас четверо было — собрались около почтамта, мы всегда там встречаемся, когда куда-нибудь вместе ходим. Собрались и — в кино. А там народу полным-полно! Шум. И когда мы уже войти стали, оказалось, что Лерка (она на всех билеты

брала) как следует не поглядела, что ей кассирша дала билеты не на 21.00, а 22.30...

Конечно, первым делом мы все на Лерку накинулись и стали ее ругать: смотреть надо было!

А потом Муза сказала:

— Айда в кассу, девчонки, может, сменяем!

Мы побежали, только зря. Там уже висит: «На 21.00 все билеты проданы».

Стали опять Лерку ругать. Довели, она чуть не плачет — не нарочно ж взяла, так случайно получилось.

Я предложила:

— Раз уж так вышло, давайте продадим билеты.

А Музка ни в какую не соглашается:

— Еще чего! Пойдем на 22.30. Ты пойдешь, Лерка?

А чего Лера может сказать, раз сама виновата. Соглашается.

Алла говорит:

— Я как все.

Сначала я отказывалась. Говорила: поздно. А они в один голос: «Деточка, соску дома оставила...»

Я сказала, что мама будет ругать. А они мне с насмешкой: «Подумаешь! Испугалась...»

В конце концов я почувствовала, что если не пойду, то подведу девчонку, и согласилась.

Вот так вышло. И мы пошли на сеанс 22.30.

Ну а после кино был жуткий скандал дома. Такой

скандал, что я даже не могу описать Вам. Папа обозвал меня очень нехорошими словами, мама вполне его поддержала, и они вместе грозили мне, что вообще больше из дому не выпустят до самого конца учебного года.

Скажите, это правильно?»

Я хорошо знаю теплый приморский городок, из которого пришло письмо, вижу вечернюю темноватую набережную и ярко освещенную глыбу главной почты, где встречаются девочки, когда собираются идти куда-то вместе, я слышу глубокие вздохи вечернего прибоя и тихий беспокойный шелест ветра, обтекающего черные пики кипарисов. Без особого труда могу представить себе толпы слоняющихся курортников и даже вырвать из толпы, укрупнить отдельные лица: вот молодое задумчивое, вот оплывшее пьяноватое, вот сдержанное, подсушенное болезнью...

Но я, кажется, не тем занимаюсь.

На что Симе мое видение города? Она ведь спрашивала в конце письма: «Это правильно?»

Но что следует понимать под тремя буквами, сложенными в коротенькое, емкое словечко — это? Беспокойство родителей? Их гнев? Решение девочек идти на поздний киносеанс?..

Помню, как однажды чуть не на весь день исчезла моя дочка. Сколько ей было тогда? Немало — лет шестнадцать, наверное. Ушла утром прогуляться и явилась домой что-то в начале девятого вечера. Оказалось, встретила на улице свою бывшую воспитательницу из детского сада, зашла к ней и.. заговорила.

Объясняясь со мной по поводу этого чрезвычайного происшествия, дочка тоже говорила:

— Но я же не нарочно. Так вышло...

Какая удобная, какая универсальная формула — так вышло!

Под нее при желании и некотором, очень небольшом воображении можно подвести все на свете.

Не выучил уроки — так вышло.

Пропустил занятия — так вышло.

Напился пьян — так вышло.

Обидел, оскорбил человека, да хоть убил — так вышло! Нет-нет, не собирался, не намеревался, не рассчитывал, не планировал, а вот сложились обстоятельства, выпала, как говорится, карта — и получилось...

Интересно, если бы во время войны я, прилетев с разведки, доложил своему командиру эскадрильи, что данных о противнике не привез не по злему умыслу и не потому, что нарушил приказ, а в силу сложившихся обстоятельств — так, дес-

кать, извиняюсь, вышло, что бы он со мной сделал? Отправил бы на обследование к психиатру или сразу отдал под трибунал?..

Родители ругали Симу. Да, конечно, теоретически ругать человека, да еще обзывать, его нехорошими словами всегда плохо. Теоретически! А когда любишь, когда извелся сомнениями, беспокойством, невероятными картинками, что сами собой лезут в голову: то представляешь — утонула, то думаешь — обидели, то вдруг воображаешь — убили... Когда сердце начинает вдруг давать перебой и воздух кажется обескислороженным, а потом в одну секунду выясняется: все переживания были зря... просто «так вышло». Что тогда прикажете делать? Произносить парламентские речи?

Сам родитель и в какой-то степени специалист по душам малолетних я, конечно, понимаю — бить ребенка всегда плохо, мерзко, отвратительно. Но... я бы вполне понял (прошу обратить внимание — понял, а не одобрил!) отца Симу, если бы он сгоряча погладил ее не по головке, а совсем по другому месту...

Но я все еще не ответил на вопрос девочки: «Скажите, это правильно?»

Отвечаю: это неправильно!

Неправильно, что, решив идти на сеанс 22.30 и имея в запасе полтора часа времени, Сима даже не попыталась предупредить родителей об изменившихся обстоятельствах. Думаю, что здесь действовала не столько забывчивость, сколько расчет. Скажешь — не пустят.

Неправильно, что Сима пошла на сеанс 22.30, поддавшись на дурацкую подначку: «Деточка, соску дома оставила» и т. д.

Человек должен решать за себя сам, и нет ничего беспринципнее, чем поддаваться на такие глупые доводы, которые привела Муза.

Неправильно объяснять случившееся нелепой и зловредной формулой: так вышло. Это особенно неправильно. И сейчас я постараюсь объяснить, почему.

Слов нет, каждый из нас сталкивается в жизни с непредвиденными обстоятельствами, часто обстоятельства эти бывают не только внезапными, но и весьма опасными, катастрофическими, ужасающими. И выйдешь ты из схватки с внешними силами победителем или окажешься побежденным, зависит прежде всего от того, как ты воспитал себя, какой характер выработал — твердый или робкий, способный сопротивляться среде или безропотно капитулирующий перед трудностями.

Во время испытаний опытного образца самолета моему

другу пришлось катапультироваться. Покинув самолет и находясь в воздухе в свободном падении, он потянулся к парашютному кольцу и обнаружил: кармашек на плечевой лямке пуст, кольца нет, раскрыть парашют нечем...

Попытайся представить себе падающего в пустом небе человека, землю, бегущую в глаза, полную, казалось бы, беспомощность и совершенно отчетливое сознание: секунды и — все, конец.

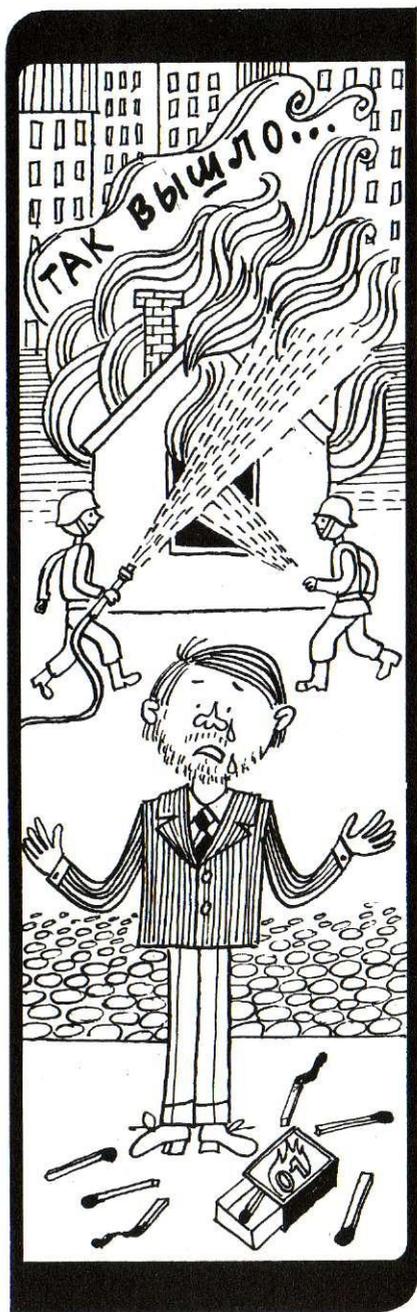
Не повезло? Так вышло? Никто не виноват — судьба?..

Но мой друг был не из тех людей, которые пользуются этой вредной формулой — так вышло. Он сумел в мгновение ока трезво оценить обстановку, дотянуться до парашютного ранца, запустить пальцы под откидной клапан и вырвать шпильки, запирающие парашют, непосредственно из люверсов.

Парашют открылся в считанных метрах от земли. Человек остался жив.

Сима, как и все ребята, конечно, читана «Повесть о настоящем человеке» и, вероятно, не хуже меня могла бы пересказать ее содержание. Но попыталась ли она ответить на такой вопрос: «А почему все-таки остался жив Мересьев?» Ответить не для учительницы, не «на отметку», а для себя? Действительно, почему?

Лично я думаю: Мересьев

остался жив только потому, что не подчинился обстоятельствам. Если б он хоть на секунду сказал себе: так вышло... не жить бы человеку, не вернуться в боевой строй, не воевать до конца, до Победы.

Мне могут возразить: «Вы приводите исключительные примеры. Вы говорите о летчиках, о героях. В какое же сравнение могут идти их подвиги и мелкое житейское происшествие?»

Утверждаю — могут.

Все люди приходят в этот мир совершенно голенькими. И, разглядывая новорожденного самым пристальным взором, невозможно сказать, кто вырастет из него — герой, сильный человек или хлюпик и предатель. Человек формируется мало-помалу, шаг за шагом. И каждый твой поступок, каждое принятое тобой решение ведут либо к вершине человеческого мужества, либо к пропасти.

Соврав однажды, человек становится на опасный путь хитрости и двуличия; проявив невнимание к близким, сам наводит себя на скользкую дорожку эгоизма, пренебрежения товарищами; пропустив себе ошибку сегодня, открывает лазейку для новых ошибок и для новых легких прощений...

Вот в каком смысле опасна эта формула — так вышло: воспользовавшись ею раз, и другой, и третий, человек привыкает не отвечать

за свои поступки, решения, действия, утрачивает способность к самоконтролю и приобретает склонность к самопрощению.

Жить с такими качествами, честно говоря, возможно, но быть настоящим Человеком — независимым, сильным, увы, нельзя.

СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ ● СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ ● СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ

«Я нашел на свалке железный круг. Он толстый и тяжелый. Ребята говорят — от автомобиля из мотора. Я таскаю круг в портфеле, чтобы накачать руки.

Отец смеется, говорит: «Так силы не прибавишь». Мама ничего не говорит, но тоже подсмеивается. А бабушка каждый день теперь ругается: зачем портфель рву.

А я обязательно хочу стать сильным!»

«Правильно! Мужчина должен быть сильным. И смелым. И честным. И волевым. И хорошим товарищем.

Диск в портфеле, возможно, и принесет тебе какую-то пользу, но есть и другие пути.

Мне кажется, что самый прямой путь к силе, ловкости и красоте — спорт. Ты не пробовал?

На всякий случай, для вдохновения, запомни слова нашего народного художника Александра Дейнеки: «Спорт — начало героического».

* * *

«Есть вроде бы очень простые слова, а понять их по-настоящему и не сразу поймешь. Вот, например, характер. Что значит: «У него нет характера»? Какой-нибудь характер все-таки должен быть у любого человека...»

«Да, конечно, «какой-нибудь» характер есть у каждого. Если придерживаться словарного объяснения понятия характер: «Характер — нрав человека, нравственные качества, свойства души и сердца», то не быть никакого характера не может. Но, чтобы не запутаться в дебрях отвлеченных понятий, я бы советовал ориентироваться на превосходное определение Гёте: «Х а р а к т е р с о с т о и т в э н е р г и ч н о м с т р е м л е н и и к д о с т и ж е н и ю ц е л е й , к о т о р ы е к а ж д ы й с е б е у к а з ы в а е т ». И з э т о г о с л е д у е т : с п о с о б е н ч е л о в е к д о с т и г а т ь з а д у м а н н о г о — е с т ь у н е г о х а р а к т е р , н е с п о с о б е н — н е т...»

Каждому понятно — письма названий не имеют. Но те из ребячьих посланий, что заставляют меня подолгу обдумывать поведанные в них события, те, что особенно будоражат воображение и не дают спокойно спать, как-то совершенно незаметно, сами собой обретают «заголовки». Эти «заголовки» предназначаются исключительно для «внутреннего пользования», и до сих пор я никогда не произносил их вслух.

Письмо Феди Ложкова получило в свое время условное название «История с кошачьим сердцем».

Первое послание Феди, очень вежливое, короткое, в двух словах сводилось вот к чему

«Давно уже я решил стать летчиком. Стараюсь поэтому хорошо учиться, делаю физзарядку и занимаюсь спортом. И я не стал бы Вас беспокоить, если б не одно сомнение. Я очень жалостливый. Если увижу брошенного, обиженного щенка или котенка — плачу. Не хочу, а все равно реву... Ребята смеются надо мной и говорят, что летчик из меня никакой не получится — больно я для такого дела жидкий... А Вы как думаете? И не можете ли мне что-нибудь посоветовать?»

В принципе мужчине реветь, конечно, не к лицу. Не мужское это дело. И все-таки я не мог написать Феде Ложкову: «Да, ребята совершенно правы. Из плаксы и

слютя едва ли может выйти настоящий летчик, так что не надейся, не рассчитывай, а выбирай себе что-нибудь полегче».

Не мог я так написать прежде всего потому, что помнил — на всех аэродромах, где мне только довелось служить, были свои эскадрильские, полковые, в крайнем случае гарнизонные собаки, кошки, петухи, а на одном из летных полей жил даже ставший совершенно ручным красавец горный козел Яшка...

И еще я помнил — самые мужественные, самые героические, самые суровые истребители никогда не обижали своих четвероногих приятелей, а напротив — всячески старались их опекать, подкармливать, выдумывать забавные клички...

Поэтому я написал Феде примерно в таком духе: «Любишь зверье — люби. И не стесняйся этого хорошего, доброго и совсем не стыдного чувства. Только юни распускать ни к чему. От этого постарайся отучиться».

Написал и, откровенно говоря, считал разговор исчерпанным. Однако за первым письмом последовало второе. И в этом-то втором письме изложена «История кошачьего сердца»...

Было лето, и, естественно, у ребят были каникулы. И сколотилась ребячья уличная ватага. Вместе играли, вместе пропадали на речке, ходили в дальний лес по грибы и по ягоды. И так уж с самого начала получилось, что в коноводы вышел Федя, а «вторым» лицом в ватаге был признан Петька Шорин.

День за днем, неделя за неделей все шло хорошо. Уже под самый конец каникул Федя подобрал на улице покалеченного котенка. Подобрал и потащил домой. Выхаживать. А Петька увидел и попросил:

— Дай мне. У тебя их и так целое стадо.

— Зачем тебе котенок? — спросил Федька. — Ты ж говорил, терпеть кошек не можешь.

— И не могу! Я из него сердце выну и заспиртую...

Как выяснилось из дальнейшего объяснения, заспиртованное кошачье сердце Петька собирался принести в школу. При этом он сказал:

— Нам в школе такое задание на лето дали — заспиртовать чего-нибудь из живой природы. Для кабинета биологии. Я знаю, ребята кузнечиков, паучков там всяких притащат... Мелочь! А я как шарахну Марье Ванне на стол банку с сердцем, так у нее сразу глаза на лоб...

Федя котенка не дал. И мальчишки рассорились. Рассорились так основательно, что вся ватага распалась, точнее,

разделилась на две: семь человек стали ложковцами и семь — шоринцами. И пошла вражда, драки...

«И все-таки он, гад, — писал мне Федя, — отличился. Приташил в школу банку с двумя заспиртованными ужатами. Живьем заспиртовал.

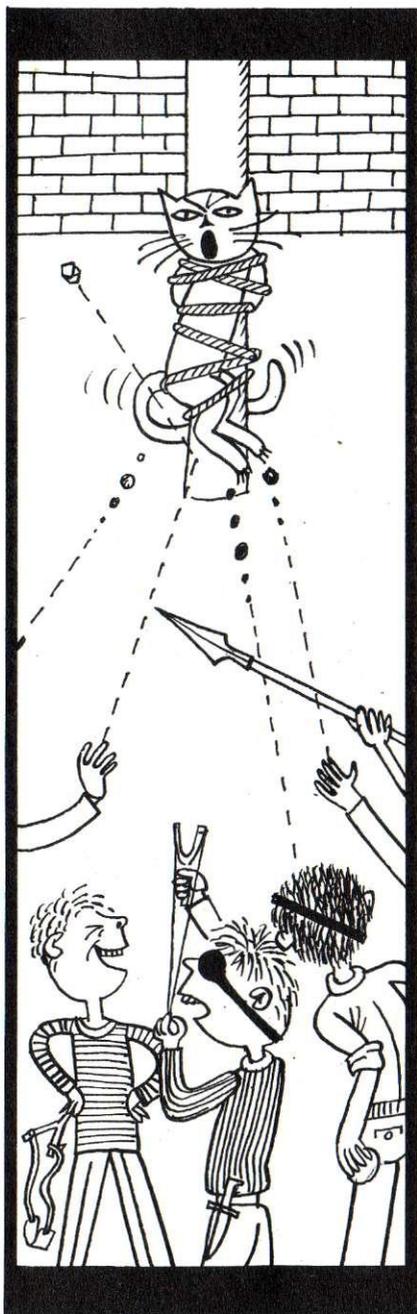
Сначала я очень расстроился, когда про это узнал. Потом подрался с Петькой. И попало ему вполне прилично. Только я не знаю, станет он от этого лучше или нет...

А меня ребята все равно считают трусом и неженкой. Скажите, неужели это обязательно — смелому быть жестоким?»

Вот каким неожиданным вопросом заканчивалось второе письмо Феде Ложкова.

Нет, Федя, нет! Жестокость не только не обязательна для смелости, но скорее всего противопоказана ей. И чаще всего жестокими бывают не храбрые люди, а именно трусы.

В небе войны нашим летчикам случалось не однажды таранить самолеты противника (ни одного случая, когда бы таранил фашистский летчик, я не знаю), но советские истребители никогда не расстреливали парашютистов врага в воздухе (фашисты делали это весьма охотно), хотя наши ребята прекрасно понимали, что враг и в самолете, и под парашютным куполом есть враг.

В чем же тонкость ситуации, в чем разница?

По неписаным законам смелости, нашей смелости, лежащего не бьют, в беспомощного парашютиста не стреляют...

Солдаты нашей армии беспощадно уничтожали врага, залившего нашу землю кровью, но ни один немецкий военнопленный не мог пожаловаться, что с ним обращались не по-человечески. А ведь все мы — от мала до велика — прекрасно знали, что в Германии была создана целая индустрия уничтожения военнопленных и мирных жителей, насильственно угнанных в неволю. Там день и ночь дымили фабрики смерти.

Нет, Федя, нет! Жестокость — позор для сильного, смелого, разумного существа. Жестокость несовместима с именем Человека, которое Максим Горький гордо писал с большой буквы.

И ведь что подлее всего, всего отвратительнее в твоём бывшем первом зама Петьке — заспиртовать кошачье сердце он собирался не из любви к науке, даже не из любопытства к непонятным ему тайнам природы, а ради своей мелкой, паршивой корысти.

Отличиться хотел Петька, всех переплюнуть, поразить, заткнуть за пояс...

А какой ценой — неважно. Плевать ему на цену.

Боюсь, если вовремя не придержать этого мальчика, если не укоротить ему руки, он может далеко пойти, весьма далеко! И совсем не в ту сторону, в какую мы зовем молодых.

Представляю, что мне может возразить Петька: разве у нас в стране запрещены опыты над животными? Разве тысячи собак, кошек, несметное число мышей и лягушек не складывают свои головы на лабораторных столах, в аудиториях исследовательских институтов, в космических аппаратах? Чего уж вы так разволновались из-за какого-то кошачьего сердца?

Верно — и собаки, и кошки, и прочая живность гибнут в лабораториях, институтах, клиниках. Верно. Но, во-первых, эти жертвы — осмысленные. Они приносятся не во имя личной корысти ученых, а для того, чтобы оградить людей от болезней, найти новые средства и способы продления жизни, для того, чтобы вырвать новые тайны природы. И, во-вторых, ни один порядочный экспериментатор не станет издеваться над своей «жертвой». У людей, работающих с живыми организмами, вовсе не жестокая работа и не жестокий характер. Я бы сказал так: они приставлены к жесткому делу. Именно — жесткому! Всего в одну букву разница, а смысл совсем другой.

Быть жестким надо. Приходится. И не только экспериментаторам, но и врачам, и летчикам, и военным, и представителям многих других профессий. А вот жестоким в нашей стране, я искренне убежден в этом, не должен быть никто!

Не должен быть никто, но все-таки бывают, встречаются у нас жестокие люди!

Почему?

Думаю, что прежде всего жестокость — изъян воспитания. Человек, которого с малых лет не приучают болеть чужой болью, ограждают от всех трудностей, которому не внушают милосердие к ближним, непременно вырастает не только эгоистом, но еще и жестоким.

Впрочем, это не единственная причина.

Когда мальчишку или девочку постоянно дразнят, обижают, попрекают его несовершенствами (подлинными или мнимыми), человек ожесточается, ему начинает казаться, что весь мир против него... И если только на пути вот такой ожесточающейся души вовремя не встретится настоящий друг, внимательный и чуткий товарищ, ждите, непременно ждите большой беды...

Из всех видов равнодушия, я думаю, самое опасное — равнодушие к жестокости.

Федя Ложков прислал мне письмо, а с доктором Златопольским меня свел случай.

Но и письмо и случай, как говорится, работают на одну тему, вот почему я ставлю их рядом в этой книге.

Шоссе. Скорость. Ветер.

Стоило высунуться из машины, и в глаз что-то влетело. Глаз вздулся, заслезился, перестал видеть. Пришлось останавливаться и искать врача. Мне назвали его имя и показали дом, в котором он жил. Я постучался и сразу услышал:

— Да-да-да! Входите! Что там у вас — пожар, жена рождает или ребенок объелся?..

Обескураженный, я остановился в передней. Первым делом увидел здорового одноглазого кота. Кот смотрел на меня не то сочувственно, не то подозрительно...

А из глубины дома снова донесся докторский голос:

— Ну и что будет дальше? Я же сказал — идите сюда с вашей хворобой. Что там у вас?

Я шагнул в комнату. Толстый, гладко выбритый человек лежал на диване. Он посмотрел на меня быстрым, стреляющим взглядом и сказал:

— Здравствуйте. Значит, вам тоже повезло: у вас глаз, а у меня, извиняюсь, радикулит. Но ничего. Сейчас мы что-нибудь придумаем. Дайте руку.

Кряхтя и охая, доктор поднялся с дивана и принялся «чинить» мой глаз. Это и был случай. Мы познакомились.

А теперь послушайте рассказ доктора Златопольского.

— Вы можете мне объяснить, почему это так в жизни бывает: одному дано столько — на троих бы хватило, а другому — пшик, фига с маслом?..

Э-э-э, на потолок смотрите. Так-так-так. Сейчас мы вытащим этого зверя... А вы специалист, вы, оказывается, крупный специалист. Нормального комара вам мало было? Так вы схватили целую ворону в глаз.

Теперь уберите вату и откройте глаз. Немножко режет? Так и должно быть. Сейчас мы выпьем чаю, за это время резь пройдет. Ступайте в кухню, поставьте чайник... Что вы смотрите на меня?.. Я же болен. У меня радикулит. Вы этого не пробовали? И не советую... Ступайте. Вот это другое дело. Спасибо...

Кота видели? Думаете — а что такое кот? Так знайте — Тришка не просто кот, Тришка — герой ненаписанной поэмы. В крайнем случае — повести. Вот что такое Тришка!

Два года назад приходит ко мне мальчик. Обыкновенный шустренький такой паренек, правда, весь изодраный и исцарапанный. Я смотрю на него и для шутки спрашиваю:

— Вы, молодой человек, случайно не укротитель тигров?

— Нет, я не укротитель тигров, — отвечает он мне, —

я, наверное, бешеный. Пожалуйста, дайте мне справку с печатью.

Короче говоря, из дальнейшего разговора выясняется: Володя Кострикин, ученик пятого класса «Б» Первой железнодорожной школы, шел после уроков домой и около тупика увидел Славку Недригайло, ученика шестого класса «А» той же школы и Ивана Коломийцева, ученика шестого класса «Б». Последние — Славка Недригайло и Иван Коломийцев — привязали к телеграфному столбу котенка и «расстреливали» его камнями.

Володя Кострикин подошел к Славке Недригайло и выразил свое несогласие с действиями его и Ивана Коломийцева. Но Славка не только не прекратил своих преступных действий по отношению к котенку, а еще и обругал Володю Кострикина совершенно неприличными словами.

Что мог сделать Володя Кострикин при сложившемся соотношении сил?

Рисую картину: Володя Кострикин подступает к Славе Недригайло, кидается на последнего и неожиданно отчаянно кусает его в живот.

Ивану Коломийцу с трудом удастся оторвать Володю от живота Славки.

При этом Володя выкрикивает:

— Я бешеный! Я бешеный! Имейте в виду, бешеный...

Юные палачи впадают в панику и ретируются. Володя отвязывает котенка, который, не разобрав, кто правый, кто виноватый, отчаянно царапается, и с ним является ко мне.

Ну а для чего справка? Он собирается отнести эту справку на санэпидемстанцию. «И пусть им, гадам, вкатают по двадцать уколов. Будут знать тогда, как над слабыми издеваться».

И тут кончается первая глава.

Теперь слушайте вторую.

Два часа я, старый дурак, вожусь с котенком: вправляю ему лапы, бинтую голову. И мне стыдно в этом признаться — все эти два часа я чуть не плачу.

Дальше начинается третья глава.

Звоню начальнику милиции майору товарищу Старовойтову. Рассказываю, как дело было, и прошу совета. Как вы думаете, что я слышу в ответ? Буквально:

— Не понимаю, а чего вы от меня хотите? Привлечь мальчишек к ответственности? Нет подходящей статьи в законе. Конечно, они негодяи и мелкие паршивцы, но за это нельзя судить. За это пороть надо. Да, да — пороть: ремнем по заднице! Только не в милиции, а дома. Отец этим заняться

должен. Как фамилия мальчишек? Недригаило и Коломийцев...

И тут товарищ Старовойтов делает весьма, я бы сказал, странную, очень длинную паузу.

— М-да, Недригаило — это плохо.

Я говорю, что это не просто плохо — это ужасно! Надо же подумать о будущем. Из такого мальчишки должен вырасти самый настоящий бандит и преступник...

И вдруг слышу:

— Не в этом смысле плохо. Отец этого стервеца — деятель в исполкоме. Приходится сталкиваться по работе. Тяжелый человек. Если до него дойдет, у вашего Кострикина могут быть серьезные неприятности...

И еще одна глава.

Мне, конечно, больше всех надо! Я иду в исполком. Что значит Недригаило-старший — деятель? Деятель — тем лучше! Должен иметь голову.

Ну что вам сказать... Когда я изложил перед ним всю историю от начала до конца, прежде всего он страшно разозлился:

— Безобразие! На улице людей кусают... — Ну и еще много чего такого произнес, а потом сразу успокоился, как будто в нем ток выключили, и спрашивает: — А мальчишка-то этот на самом деле не опасный, не... не бешеный?

Тогда я отвечаю:

— Кострикин не опасный. Ручаюсь. Я все-таки врач. Опасный ваш сын, Недригаило Слава. Сегодня он устроил расстрел котенка. Что будет завтра? Вы можете сказать, что котенок — случайный факт. Тогда я вас спрошу: а какой крупный садист начинал сразу с больших акций? Не трудитесь вспоминать — таких не было! И подумайте еще об одном, товарищ Недригаило, — если этот факт, пусть мелкий, станет достоянием общественного мнения, люди ведь осудят не Кострикина, а вашего сына. Рикошетом, вероятно, попадет и вам. И это будет вполне справедливо.

— Что ж надо делать, доктор?

— Во-первых, вы, как отец, а не как представитель государственной власти, должны выпороть вашего стервеца. И хорошенько, чтобы три дня не мог сидеть, чтобы почувствовал чужую боль на своей шкуре. Во-вторых, после этого его надо начать воспитывать. Посоветуйтесь с майором Старовойтовым. Он человек опытный и в этих вопросах понимает больше меня.

Вот и все.

Об этом надо рассказывать всем, понимаете, всем! Сlish-

ком много народилось у нас народу, который живого фашиста видел только в кино!

А я от звонка до звонка всю Отечественную прошел в батальонных порядках и, можете мне поверить, слишком хорошо знаю, что такое жестокость...

СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ ● СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ ● СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ

«...А Митька говорит: мне все равно как, только бы прославиться... А я говорю: ты дурак. А он злится: сам дурак и ничего не понимаешь...»

«Посоветуй Мите взять второй том собрания сочинений А. П. Чехова, пусть откроет одиннадцатую страницу и прочтет рассказ «Радость». Может быть, история другого Мити — Мити Кулдарова поможет твоему Мите прийти в себя».

«...а теперь вопрос: «Что значит быть упорным?», или, может, так спросить лучше: «Как стать упорным?»

«Значительно раньше меня на этот вопрос великолепно ответил профессор Харальд Свердруп, один из крупнейших исследователей Арктики, близкий друг Руала Амундсена, упорный и мужественный человек. Мне остается только повторить его слова, вполне заслуживающие быть принятыми девизом: «...если вам везет — продолжайте! Если вам не везет — все равно продолжайте!»

Письмо начиналось совершенно обыкновенно, как множество других:

«Здравствуйте... Не удивляйтесь, что я пишу Вам... Вы меня не знаете, а я Вас знаю по книгам... Сначала расскажу немного о себе. ...Учусь в восьмом классе... Наш город маленький, но очень красивый... В нашем классе исключительно дружные ребята, только мальчишки ни за что не хотят дружить с девочками... — Я пробегал строчку за строчкой и не ждал сколько-нибудь серьезного или неожиданного вопроса или рассказа о событии из ряда выходящего. — Мой папа работает на электростанции, а мама — на химическом комбинате... Бабушка... сестра Искра... тетя Лиза...»

И вот с тети Лизы все и началось.

Сначала я узнал, что «тетя Лиза не очень еще старая, ей тридцать два или тридцать четыре года». Еще я узнал, что тетя Лиза была замужем за дядей Петей, но разошлась с ним, потому что дядя Петя очень пил. И тогда тетя Лиза вышла замуж снова — за дядю Сашу. «Все знакомые и родственники говорили, что Лизе повезло. Дядя Саша оказался человеком самостоятельным, ужасно умным, а то, что он довольно старый — может быть, ему уже сорок — ничего». Дядя Саша увез тетю Лизу за границу, куда его самого послали на три года».

Насколько я мог судить по не очень четко сформулированным мыслям моей корреспондентки, дядя Саша был специалистом по монтажу какого-то современного оборудования...

Ну а дальше следовало самое главное.

«И когда они приехали назад, то оба были ужас какие расфуфыренные.

Дядя Саша без конца рассказывал нашему папе про разные машины и автоматические линии, а тетя Лиза объясняла маме и всем вообще, что там, в этой загранице, жизнь совершенно другая, нисколько на нашу не похожая. Я всего не запомнила, чего она говорила, ну, например: там все очень дешево, все имеют собственные автомобили, в магазинах столько товаров — глаза разбегаются; продавцы так уговаривают вас купить какой-нибудь зонтик или сумку, что вы обязательно купите, если даже у вас уже есть два зонтика и пять сумок...

И каждый раз, когда тетя Лиза приходила к нам, она обязательно говорила: «А вот такой плащ стоит там столько-то» — и начинала пересчитывать на наши деньги. И получалось, что почти любая вещь там раз в пять дешевле, чем у нас...

И еще она рассказывала, если у вас нет денег, то можно сначала взять вещь в магазине, а потом платить за нее понемножку. Месяцев шесть или даже целый год...

Сперва мама слушала, задавала вопросы, удивлялась, а потом — только слушала и ничего уже не спрашивала, а еще потом стала злиться (я всегда знаю, когда мама злится!) и говорит:

— Да будет тебе, Лиза.

— А чего будет? Не веришь? Спроси у Саши...

Только дядя Саша говорил исключительно про свои машины и свою работу, а то, что рассказывала тетя Лиза, нисколько не слушал. А когда тетя Лиза начинала к нему очень сильно приставать:

— Скажи, Саша, я правду говорю?

Тогда он от нее отмахивался, как от мухи, и говорил:

— Ну баба, она и есть баба!..

Один раз я спросила у тети Лизы: «Так что же получается: там, значит, за границей, жить лучше, чем у нас?»

Она посмотрела на меня как-то чудно, вся надулась, как будто я ей что-нибудь не так сказала — ну, нагрубила или не дала договорить, и ответила:

— Вот вырастешь, если повезет, поедешь, и тогда сама все узнаешь...

Я не понимаю, почему нельзя ответить на мой вопрос сейчас? И почему я должна сначала вырасти?

Вот Вы ездили за границу и, наверное, видели там всю их жизнь не меньше, чем теть Лиза, так как Вы думаете, правильно она мне ответила или неправильно?

— Если Вам не трудно будет, пожалуйста, напишите».

Дальше следовала подпись — Наташа Садкова, ученица восьмого класса. И обратный адрес.

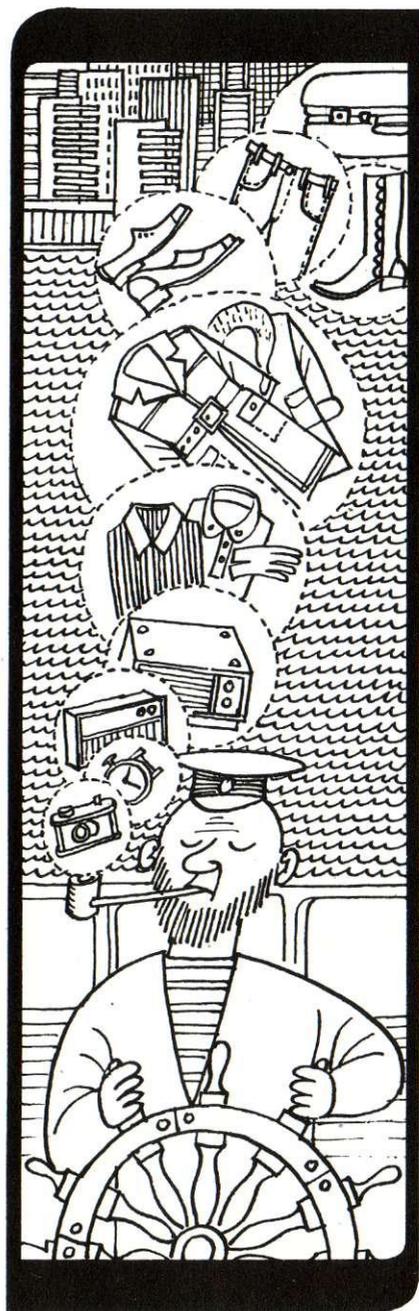
Казалось бы, и письмо не такое уже необыкновенное, и недоумение Наташино развеять не так сложно, а я почему-то все тянул и тянул с ответом.

Почему-то мне очень хотелось представить себе Наташину тетю Лизу.

В понятии Наташи ее теть была «еще не очень старая», а в моем — совсем молодая женщина. Выросла она в России, воспитывалась в нашей школе, в нашем обществе, вероятно, состояла в пионерах, потом — в комсомоле... Потом случилось ей попасть за границу, пожить там не неделю, не месяц, а целых три года — и что ж она увидела, что узнала, что почувствовала?..

Впрочем, я встречал подобных тетей Лиз, для которых весь мир — громадное скопление универсальных магазинов.

Они, эти тети, совершенно точно знают, сколько стоит кофточка из джерси в Лондоне и почему эта же кофточка в Милане.

Высшим достижением цивилизации им представляется продажа холодильников в рассрочку, и они розовеют от восторга, когда рассказывают о дешевых распродажах несезонных товаров.

Однажды судьба столкнула меня и с «дядей» Лизой (собственно, дядю звали, конечно, не Лизой, но это не имеет никакого значения). И хотя дядя был моряком и по занимаемой им штурманской должности обязан был знать, что земная ось проходит через полюса — Северный и Южный, мне показалось, что в его представлении наш шарик вертится вокруг Сингапура. Почему? А очень просто: «Беспошлинный порт! Самые дешевые товары со всего света! А базар! Кроме атомной бомбы, все, все, все решительно там можно купить», — захлебывался от восторга этот «дядя» Лиза...

Вот о чем я размышлял, прочитав Наташино письмо. Но, как я уже говорил, раз есть письмо, должен быть и ответ.

«Милая Наташа! Мне не пришлось встречать твою тетю Лизу, поэтому я не могу судить о ней достаточно обоснованно и достаточно объективно. Не думаю, чтобы тетя Лиза была права, предложив тебе сначала подрасти, а потом уж пытаться получить ответ на вопрос, возникший у тебя в результате ее, тети Лизиных, рассказов о заграничной жизни».

Письмо писалось туго. Мне казалось, будто я преодолеваю какую-то резиновую упругость. Тяну, тяну и никак не могу ничего сдвинуть с места...

«Тебя занимает, Наташа, права ли тетя Лиза, превозносящая заграничную жизнь, или нет? Ответить одним словом, сказать «нет» не могу и сказать «да» тоже не могу. Все зависит от точки зрения, которую выбирает человек, взвешивающий на незнакомый мир, на жизнь, прежде невиданную и для него новую.

Если считать, что человеческое счастье — это эластичный трикотаж, модная одежда, банлоновое или какое-нибудь еще более современное белье, юбки-мини и юбки-макси; если мерить народное благополучие емкостью холодильных шкафов и обтекаемостью автомобилей; если допустить, что сервис в гостиницах и ресторанах — цель существования человечества, тогда тетя Лиза, вероятно, права. Если не во всем, то во многом.

Пока что у них, за границей, потребительских товаров больше, чем у нас, товары эти в массе своей дешевле и выглядят наряднее, и автомобилей там больше и они доступней, и рестораны, равно как и гостиницы, заслуживают самых наивысших похвал...

А теперь попробуем поглядеть на вещи с иной точки.

Одна из первых моих встреч с заграничной жизнью со-

стоялась несколько лет назад в Новороссийске. Да-да, в нашем советском Новороссийске.

Мне пришлось быть здесь свидетелем такого события.

У нашего пирса ошвартовался «купец» — торговое судно итальянского происхождения. Оно пришло в наши воды под греческим флагом, и командовал сухогрузом капитан американец.

Пароход, как говорят моряки, обрабатывала бригада наших грузчиков. Обрабатывала — это значит разгружала, а затем нагружала...

Вероятно, ты слышала, что всякое торговое судно считается неприкосновенным кусочком той страны, чей флаг поднят над палубой.

На судне действуют законы этого государства и вся полнота власти принадлежит капитану.

Наши грузчики, вступая на палубу сухогруза, оказывались как бы за границей, а сходя по трапу на пирс, возвращались домой. Десять шагов туда — Греция, десять шагов обратно — СССР.

Из-за чего возник конфликт и в чем была его суть, наши ребята не уловили. Они только услышали, как капитан недобрым голосом что-то выговаривал своему механику.

Механик почтительно возразил.

Капитан побагровел и рывкнул на человека.

Но механик снова возразил.

И тогда окончательно взбешенный капитан ударил механика по лицу. Ударил наотмашь. Ударил биноклем.

Это было под голубым праздничным небом Новороссийска.

Белые торжественные облака висели в тот час над Цемеской бухтой.

По набережной сновали машины. В порту хлопотливо трудились краны.

И неправдоподобно красная блестящая кровь падала тяжелыми каплями на грязную, затоптанную палубу итальянского сухогруза, пришедшего к нам под греческим флагом, с капитаном американцем на мостике.

Грузчики прекратили работу.

На борт были вызваны портовые власти. Но чужая палуба — чужая страна! И капитан, выслушав нашего представителя, лениво сказал:

— Ваши люди требуют, чтобы я извинился перед этой обезьяной? Пусть не лезут в наши внутренние дела. Они отказываются продолжать работу? Тем хуже для вас. Вам придется платить неустойку, — и он сослался на соответствующий параграф соответствующего международного зако-

на. Ухмыльнулся и медленно, уверенный в своей правоте и безнаказанности, ушел в каюту...

Понимаешь ли ты, Наташа, почему я рассказываю тебе об этой встрече с заграничной жизнью?

Наш капитан наделен теми же правами, что и любой капитан дальнего плавания. И он может быть строгим, справедливым или несправедливым по натуре человеком, и он может обладать лучшим или худшим характером; он, капитан, может отстранить от должности подчиненного, что называется, испортить ему жизнь плохой аттестацией; в крайнем случае, может отдать человека под суд.

Но ни один, пусть самый вздорный, самый невыдержанный, самый злобный капитан, плавающий под советским флагом, не может себе позволить ничего подобного даже по отношению к самому нерадивому матросу.

Это исключено!

Кочевая судьба занесла меня на далекую от России широту, спустила далеко-далеко по меридиану и здесь, в тропиках, привела в портовый кабачок.

Было жарко и душно.

Хозяин спустил зеленые бамбуковые шторы на окна, и просторный зал погрузился в полумрак.

Лица посетителей кабачка окрасились зеленоватым, неверным светом. Возникло такое чувство, будто мы оказались в громадном аквариуме.

Зашелестели бамбуковые занавеси, заменявшие двери, и в зал вошел высокий пожилой мужчина в белой морской фуражке с большим черным козырьком. Человек показался мне привлекательным — подтянутый, спортивный, легкий на ногу, с благородной сединой на висках, он держался с достоинством бывалого моряка, привыкшего повелевать людьми.

Мой попутчик — представитель местной шипшандерской конторы — взглянул на вошедшего с нескрываемым уважением и спросил меня почтительным шепотом:

— Вы знаете, кто это?

— Нет.

— О-о-о! Это большой мастер! Это старый морской волк. Когда-то он водил пассажирские лайнеры через Атлантику. А теперь занимается совсем другим бизнесом.

Недавно он утопил, кажется, пятую по счету посудину постройки 1918 года...

Не стану излагать наш дальнейший разговор в диалоге, так как мне пришлось задать своему собеседнику не меньше трех десятков вопросов, пока я, наконец, не уловил сути. А суть сводилась к тому, что старый капитан брался топить старые суда, предварительно "хорошо застраховавав их.

Свое черное дело он исполнял так ловко и «чисто» («чисто» — по выражению моего собеседника!), что ни один арбитр на свете не в состоянии был его разоблачить. Судно тонуло, страховая премия поступала компании, владевшей пароходом, и капитан получал свою, весьма значительную, долю...

— А как же люди? — спросил я.

— Ну что ж люди — кому как везло...

И знаешь, Наташа, что больше всего удивило меня в этой истории? Нет, не капитан, даже не его «бизнес», больше всего поразил меня собеседник. Ни нотки осуждения не уловил я в его ровном, спокойно звучащем голосе, только почтение, только сдерживаемый восторг.

Капитан в представлении этого человека был настоящим героем, удачливым и отважным человеком, подлинным бизнесменом.

И это было так страшно, страшнее самого преступления.

Я подумал тогда: какая бы беда ни настгла меня дома, на Родине, но этого не случится — я не увижу глаз, восторженно взирающих на преступника.

Это исключено! Исключено самой природой нашей действительности.

И еще одна встреча с заграничной жизнью.

Мы валялись на белом, мягком, как мука, прибрежном песке, жарились на солнышке и разговаривали обо всем на свете — о новинках литературы, о шведском кино, о воспитании детей и спортивных достижениях футболистов Федеративной Республики Германии...

Мы — это Курт Мюллер, сравнительно молодой еще человек, профессиональный журналист, и я.

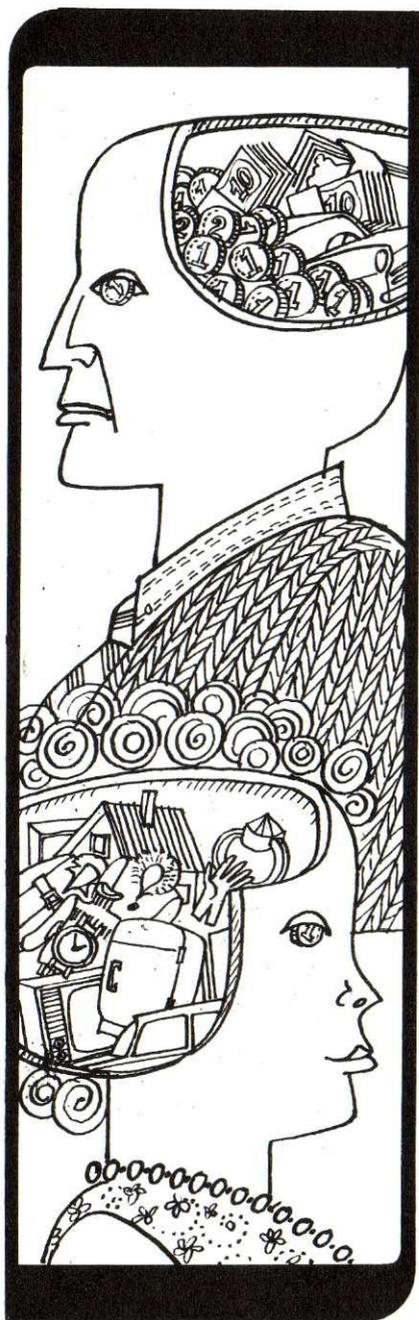
Надо заметить, что Мюллер не был коммунистом, не имел никакого отношения к правым силам своей страны и приехал в СССР для того, чтобы, выражаясь его собственными словами, «все увидеть и возможно больше понять».

И вот теперь, после двухмесячного пребывания в Москве, Ленинграде, Тбилиси, Средней Азии, встретясь со мной на Черноморском побережье, он снова и снова возвращался к впечатлениям, накопленным за восемь недель странствий по Советской России.

Настроен он был оптимистически, и сам, это я особо подчеркиваю, по собственной инициативе больше говорил о том, что ему понравилось у нас, чем о том, что его заграничная душа не принимала, с чем не хотела мириться.

Помнится, я его спросил:

— Скажите, господин Мюллер, в чем вы усматриваете главное различие между вашим и нашим образом жизни?

Он ненадолго задумался, сел и, пересыпая прибрежный песок из горсти в горсть, ответил:

— Главное? Я думаю: мы работаем, чтобы жить, а вы живете, чтобы работать.

В первый момент такой ответ показался мне обидным. Что же это получается? Выходит, мы существуем на свете от одной рабочей смены до другой, вкальваем, ищачим и ничего больше не знаем и знать не хотим?

И я уже готов был возражать господину Мюллеру, спорить, но тут он стал развивать свою мысль:

— Мы, немцы, когда встречаемся, о чем охотнее всего говорим? О своей семье, о новой машине, которую недавно купили или собираемся купить. Мы высоко ценим наш дом. И уже в январе детальнейшим образом рассчитываем свой летний отпуск... Я никогда не слышал в Германии, чтобы кто-нибудь в кругу друзей рассказывал о своей работе, о планах усовершенствования технологических процессов или всерьез обсуждал, как быстрее выполнить какое-нибудь инженерное задание. А у вас мыслями о работе живут все...

И тут я подумал: все, что говорит этот сравнительно молодой немец, вовсе не осуждение нашего образа жизни, а скорее комплимент нам!

Мы постоянно преодолевали рамки узкоэгоистических,

личных интересов, и хотя это вовсе не означает, что мы не умеем ценить комфорт, не заботимся о своем материальном благополучии и готовы бесконечно жертвовать собственным благом для блага других, общества в целом, за пятьдесят с лишним лет советской жизни мы коренным образом пересмотрели отношение ко многим, казалось бы, непоколебимым понятиям.

Ну хотя бы такое понятие — богатый человек. Ни у кого из нас оно не вызывает прямой обязательной аналогии с уважаемым человеком, достойным, значительным.

Скажите любому гражданину СССР: «Он — домовладелец», и, я совершенно убежден, девять из десяти наших людей спросят: «Ну и что?» А вот для сограждан Курта Мюллера домовладелец — характеристика вполне определенная. Конечно, и домовладелец в их представлении может быть сукиным сыном, но уж, во всяком случае, он не «Жучкин хвост». Он фигура!..

Отношение к труду, успехи в труде, сам труд, и притом любой — от наипростейшего до наивысшего творческого труда, сделались для нас главным мерилom ценности человека, личности. Пожалуй, в этом смысле я готов принять формулу Курта Мюллера. Да, господа, мы живем, чтобы работать, работать на всех, на себя, на время, а вы работаете, чтобы жить... (Не забывайте только, что глагол жить имеет и такой синоним — существовать. Поэтому не особенно гордитесь вашим противопоставлением.) Я не могу вам не почувствовать, господа.

Письмо мое несколько затянулось.

Но ты, Наташа, вызвала меня на разговор о самом главном, самом существенном в нашей действительности. И ответить на твой вопрос двумя словами я не мог.

Мне очень жаль, что я вынужден закончить это послание не слишком почтительными строчками в адрес твоей тети Лизы, но не хочу и не чувствую себя вправе кривить душой.

К сожалению, тетя Лиза не одна на всю нашу огромную страну. К сожалению, таких, как тетя Лиза, у нас пока еще больше, чем хотелось бы, хотя они и в абсолютном, ничтожном меньшинстве по отношению к народу.

Почему все-таки существуют наши тети Лизы?

Прежде всего потому, что легче перекрыть плотинами самые быстрые, самые коварные реки, чем преобразовать психику человека; потому что самые трудоемкие стройки, самые громадные цехи, самые сложные машины создаются быстрее, чем меняется нутро человеческое, взгляды и привычки, выработанные веками; потому что жизнь наша развивается не по прямой линии, стремительно и неуклонно уходящей

только вверх, вверх и вверх. Скорее, мы живем, как дышим: вдох — выдох и снова вдох... И там, где случаются просчеты, там, где происходят отклонения от ритма, там, где не все сразу получается хорошо и гладко, — вот именно на этих наиболее трудных участках дороги торжествуют тети Лизы, желающие видеть мир сплошным дешевым универмагом.

Но труд делает и сделает свое дело.

Все равно сделает, как бы ни было тяжело, как бы ни было солоно и горько порой.

Ни словесными атаками недоброжелателей, ни атаками атомными нельзя остановить труд в его неудержимом поступательном движении вперед.

Это исключено.

СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ ● СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ ● СТРОЧКИ ИЗ ПИСЕМ

«Честно говорю Вам: я не злая, я не эгоистка и не вредина. Можете любую девчонку из нашего класса спросить, и никто не скажет, что Нинка такая. А вот мать мне все время твердит: «Ты только о себе думаешь, все всем стараешься на-зло делать, наперекор».

«Мне очень хочется верить, Нина, что ты действительно добрый и отзывчивый человек. Но вот в чем беда: «У каж-дого человека три характера: тот, который ему приписывают; тот, который он сам себе приписывает; и, наконец, тот, который есть в дей-ствительности». Это тонкое наблюдение сделал Виктор Гюго. Вот почему я не решаюсь безоговорочно принять твою точку зрения и выразить решительное несогласие с мнением твоей мамы. Если ты хочешь, чтобы я «рассудил» вас и сде-лал, что называется, окончательный вывод, давай факты. Только на подлинных фактах можно строить сколько-нибудь серьезные выводы».

* * *

«Совсем недавно я прочитал «Репортаж с петлей на шее». Книга произвела очень сильное впечатление. И я никак не могу и не хочу поверить, что Юлиуса Фучика больше нет. Та-кого человека — и нет! Это ужасно...»

«Фучик жив. Жив вопреки очевидности, хотя бы потому, что ты не можешь представить его мертвым. Справедливо ска-

зал Эрнест Хемингуэй: «Человека можно уничтожить, но его нельзя победить».

Фучика не победили.

Его мужество, его вера в справедливость живут и сегодня в тебе, во мне, во всех нас!»

* *

*

«А как все-таки понимать счастливый? Может, если я точно буду знать, то сумею и на свою долю заполучить побольше счастья?»

А в другом письме: «Наверное, все люди хотят быть счастливыми. Я тоже. Но как?..»

«Руал Амундсен — один из самых, на мой взгляд, выдающихся сыновей человечества — писал: «Победа ожидает того, у кого все в порядке, — люди называют это счастьем!»

Старайтесь все, что вы делаете, исполнять не просто хорошо, а самым наилучшим образом и вы наверняка приблизите себя к счастью или, может быть, счастье к себе, если понимать счастье как везенье, удачу, успех».

Маркуша А. М.

M27 Слава ветру! Для среднего и старшего школьного возраста.

М., «Молодая гвардия», 1972.

136 с. с илл. Тираж 100 000 экз. Цена 44 коп.

В основу книги легли письма юных читателей ее автору, которые спрашивают, спорят, сомневаются, как надо жить, каким надо быть, чтобы расти достойными своих предшественников. Анатолий Маркуша не пытается предлагать готовые рецепты на все, в том числе и трудные, случаи жизни; он старается помочь своим молодым друзьям задуматься над событиями, наполняющими нашу жизнь, взглянуть на себя как бы со стороны, отделить главное от второстепенного, формировать характер, с которым не стыдно будет вступить в взрослую жизнь.

7-6-8

3 КЮП

70-72

Маркуша Анатолий Маркович

СЛАВА ВЕТРУ! Для среднего и старшего школьного возраста.

Редактор **Н. Шашерина**
Художник **М. Бишофс**
Художественный редактор **В. Плешко**
Технический редактор **А. Захарова**

Сдано в набор 7/11 1972 г. Подписано к печати 20/X 1972 г. А11089. Формат 60X907,6. Бумага № 1. Печ. л. 8,5 (усл. 8,5). Уч.-изд. л. 7,4. Тираж 100 000 экз. Заказ 2874. Цена 44 коп. Т. П. 1972 г., № 70.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: Москва, А-30, Сущевская, 21.